

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah

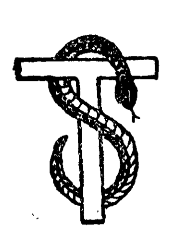
(Нѣтъ религіи выше истины).

7 апрѣля.

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1911

Спб. Городская Типографія, Садовая, 55, уголъ Вознесенскаго.

От Редакціи.

Редакція доводитъ до свѣдѣнія гг. иногороднихъ подписчиковъ, что № 3 «Вѣстника Теософіи» за 1911 годъ не могъ быть, своевременно доставленъ подписчикамъ по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

7 марта 1911 г. главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати былъ наложенъ арестъ на № 3 журнала «Вѣстникъ Теософіи» за помѣщеніе статьи подъ заглавіемъ «Древніе Терапевты» и противъ редактора журнала А. А. Каменской было возбуждено уголовное преслѣдованіе по признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго ст. 73 Улож. Наказ.— Дѣло о наложеніи ареста разбиралось 16 марта с. г. въ распорядительномъ засѣданіи СПБ. Окружнаго Суда, причемъ, по имѣющимся въ редакціи свѣдѣніямъ,—СПБ. Окружный Судъ призналъ необходимымъ вырѣзать изъ вышеупомянутой статьи одну печатную страницу. По снятіи ареста съ журнала, № 3 „Вѣстника Теософіи" будетъ немедленно разосланъ всѣмъ иногороднимъ подписчикамъ.

Пасхальное Привѣтствіе.

Отъ всего сердца Редакція „Вѣстника Теософіи" шлетъ свое пасхальное привѣтствіе всѣмъ дорогимъ подписчикамъ и читателямъ и благодаритъ ихъ за горячее сочувствіе, выраженное многими изъ нихъ въ часъ постигшаго журналъ испытанія. Крѣпче и глубже завязывается нить любви послѣ вмѣстѣ пережитыхъ скорбныхъ и счастливыхъ минутъ и вѣрится, что какія бы ни были бури и опасности еще на пути, дѣло Теософіи стоитъ уже на незыблемой скалѣ и ея великая миссія Духовнаго объединенія будетъ завершена. И потому, съ глубокой вѣрой и свѣтлой радостью говоримъ мы всѣмъ духовно соединеннымъ съ нами: „Христосъ Воскресе, дорогіе братья, воистину Воскресе!"

Редакція.

В представленном в нашей библиотеке №3 за 1911 г. изъятая цензурой страница уже заменена другой. Оригинального номера в нашем распоряжении не имеется. — Ред. www.theosophy.ru

Отъ Редакціи „Вѣстника Теософіи“.

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала, Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ.**

Заявленія о неполученіи очередного № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи“ за 1909 и 1910 года имѣется для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна** съ пересылкой по **7** рублей за каждый годъ.

Редакція.

СОДЕРЖАНІЕ

апрѣльской книжки „Вѣстника Теософіи“.

SOMMAIRE DU № D'AVRIL

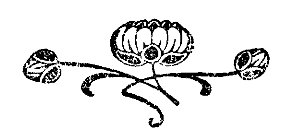
Индусскій гимнъ.

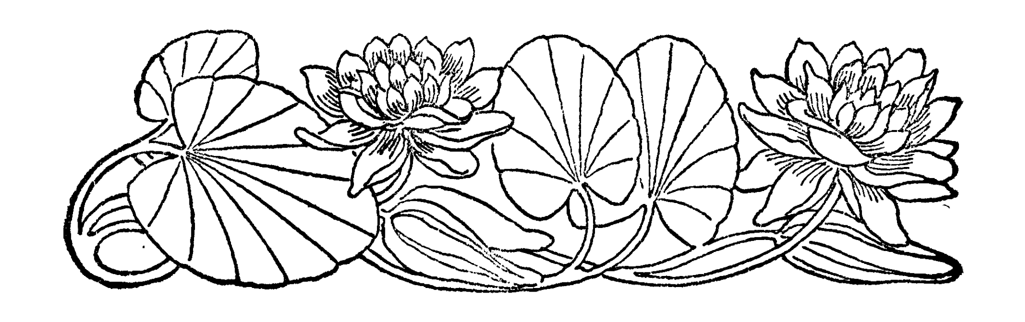
Въ темномъ сумракѣ водъ
Блѣдный Лотосъ цвѣтетъ,
Колыхаясь печально и важно.
Солнца жаркимъ лучомъ не согрѣтъ,
Онъ вдыхаетъ въ себя полу-тѣнь, полу-свѣтъ,
Онъ впиваетъ ихъ чашечкой влажной.

Неизмѣннымъ звеномъ
Сочетаются въ немъ
Вѣчность съ тѣмъ, что до вѣчности было,
Чьимъ движеньемъ въ таинственный мигъ
Загорѣлся внезапно безсмертный родникъ,
Въ комъ вселенная жизнь получила.

И въ началѣ вѣковъ,
До рожденья боговъ,
Непостижно для зрѣнья и слуха
Надъ безшумной равниною водъ
Безначальный цвѣтокъ неподвижно цвѣтетъ—
Колыбель для творящаго Духа.

* * *

Братство религій.

А. Безантъ.

*(Продолженіе *).*

Глава IV.

Воплощеніе Духа.

Вся вселенная можетъ быть названа воплощеніемъ Духа, такъ какъ ни единая частица матеріи, какъ бы мала она ни была, не могла бы сохранять своей связи съ другой частицей даже на одинъ мигъ, если бы не было одушевляющей ее жизни. Матерія существуетъ лишь для выраженія Духа, и сама по себѣ была бы безцѣльна и безполезна, если бы не служила проводникомъ для такого выраженія. Эта истина—непреложная вездѣ и во всемъ—была выражена различными способами, всѣми религіями, въ особенности же ученіемъ о пребываніи Бога въ сердцѣ нѣкоторыхъ людей, осѣненныхъ Божіей силой; ученіемъ, которое стоитъ отдѣльно отъ общаго вѣрованія, что всякая Жизнь и всякій Духъ исходятъ отъ Бога. „Ибо мы Имъ живемъ и движемся и существуемъ, какъ и нѣкоторые изъ вашихъ стихотворцевъ говорили: мы Его и родъ“ [1]).

Индусы имѣютъ своихъ Аватаръ (Аватаръ означаетъ: Тотъ, кто спускается, Богъ-съ-нами), вѣруя, что отъ времени до времени второй Аспектъ Божества проявляетъ Себя въ человѣческомъ видѣ для помощи міру:

Хотя нерожденный,—Мое Вѣчное Я, Владыка всего сущаго, осѣняющій природу, Мною созданную,—Я все же рождаюсь Моей собственной властью.

---

*) „Вѣстникъ Теософіи“ 1911 г., № 3.

[1]) Дѣянія Ап. XVII, 28.

Когда правда приходитъ въ упадокъ, о Бхарата, а неправда воцаряется, тогда являюсь Я. Для защиты добрыхъ, для пораженія злодѣевъ, для возстановленія праведности (дхармы), Я рождаюсь изъ вѣка въ вѣкъ [1]).

Индусы имѣютъ также своихъ Мудрецовъ (Риши), своихъ аскетовъ (Іоги), которые благодаря чистой жизни и сознательнымъ усиліямъ придали матеріи своихъ тѣлъ такую прозрачность, что божественный Духъ, пребывающій въ храмѣ тѣла, можетъ свѣтить, несмотря на плотскую оболочку. Эти великія Существа—Посланники Бога, распространяющіе Его истины въ мірѣ, раскрывающіе Его Природу, Его Волю, Его любовь, дающіе человѣчеству всѣ священныя Писанія, которыя служатъ авторитетными документами для каждой религіи. Вѣруя въ своихъ собственныхъ Пророковъ и въ отдѣльное Откровеніе, полученное черезъ нихъ, Индусы охотно и въ полной мѣрѣ признаютъ, что другія религіи также имѣютъ своихъ Пророковъ и свои Откровенія, которыя для нихъ столь же авторитетны и полезны, какъ ихъ собственные авторитетны и полезны для Индіи.

Кромѣ этихъ особыхъ случаевъ божественнаго воплощенія или осѣненія Духомъ Божіимъ, Индусы также вѣрятъ, что каждый человѣкъ есть божественное воплощеніе, что Богъ воистину пребываетъ въ сердцѣ каждаго человѣка. Для Индуса каждый человѣкъ—болѣе того, каждое животное, дерево и минералъ—является воплощеніемъ Духа; онъ убѣжденъ, что формы мѣняются, могутъ рождаться и умирать, тогда какъ Духъ пребываетъ вѣчно.

Послѣдователи Зороастра видятъ въ своемъ верховномъ Пророкѣ въ первомъ изъ четырнадцати Зороастровъ, тотъ божественный Свѣтъ, при помощи котораго они находятъ свой путь въ этомъ мірѣ. Ахура-Мазда говоритъ непосредственно съ Нимъ, и Онъ приноситъ людямъ Откровеніе Закона. Онъ занимаетъ по отношенію къ своимъ поклонникамъ положеніе, сходное съ тѣмъ, которое по отношенію къ Индусамъ занимаетъ ихъ божественный Законодатель Ману и ихъ Риши. Послѣднее воплощеніе Зороастра, Сосіотъ, приближается наиболѣе къ понятіямъ Индусовъ объ Аватарѣ.

Евреи признаютъ Отцомъ своей расы Авраама, „Друга Господня“, законодателемъ—Моисея, и, кромѣ того, имѣютъ длинный рядъ Пророковъ, открывавшихъ божественную Волю своему народу. „Слово Господа сошло“ на такого-то и такого-то, это выраженіе употребляется часто какъ указаніе на осѣненіе человѣка Духомъ Божіимъ. „Духъ Господа Бога на мнѣ“ говоритъ

[1]) Бхагавадъ-Гита IV, 6—8.

Исаія [1]). И сказалъ мнѣ Господь: „вотъ Я вложилъ слова Мои въ уста твои“ говоритъ Іеремія [2]). Также заявляетъ Исаія и о будущемъ Учителѣ изъ рода Давидова: „И почіетъ на Немъ Духъ Господень“, слова, на которыя ссылался Христосъ, когда хотѣлъ опредѣлить свою задачу [3]).

Буддисты признаютъ въ Буддѣ божественное Я (Self), освобожденное отъ ограниченій невѣдѣнія, видятъ въ Немъ Просвѣтленнаго, славный вѣнецъ, заканчивающій длинный рядъ жизней, которыя были всѣ посвящены помощи міру. Онъ достигъ степени Бодисаттвы, Мірового Учителя и продолжалъ въ теченіе тысячелѣтій свой благословенный трудъ; подъ конецъ Онъ принимаетъ свое послѣднее рожденіе на землѣ и въ этомъ послѣднемъ тѣлѣ достигаетъ совершеннаго Просвѣтлѣнія. Буддисты не считаютъ Его единственнымъ; они признаютъ цѣлый рядъ Буддъ и полагаютъ, что каждый изъ Нихъ является примѣромъ того, *чѣмъ* можетъ стать человѣкъ, посвятившій себя въ теченіе многихъ жизней чистой цѣли служенія человѣчеству. „Посмотри внутрь, ты—Будда“, говоритъ китайскій вѣрующій. Будда есть совершенный типъ ставшаго Божественнымъ человѣка, воплощеніе Духа, возобновлявшагося до тѣхъ поръ, пока Духъ не пріобрѣлъ полную власть надъ матеріей.

Христіане сходятся съ Индусами въ вѣрованіи, что второй Аспектъ Бога—второе лицо св. Троицы—проявилъ себя въ формѣ человѣка; но лишь съ той разницей, что Индусы признаютъ повторяющееся, а христіане лишь одно проявленіе. „Онъ же однажды, къ концу вѣковъ, явился для уничтоженія грѣха жертвою своею“ [4]). „Богъ, многократно и многообразно говорившій издревле отцамъ въ пророкахъ, въ послѣдніе дни сіи говорилъ намъ въ Сынѣ, Котораго поставилъ Наслѣдникомъ всего, черезъ Котораго и вѣки сотворилъ“ [5]). Для христіанъ это—единственное воплощеніе, единственное совершенное проявленіе Бога въ мірѣ, Его истинная Суть въ человѣческой формѣ „совершенный Богъ и совершенный человѣкъ“ [6]). Но, считая Его такимъ образомъ единственнымъ, христіанинъ признаетъ, что человѣкъ можетъ вознестись до совершенства, благодаря пребыванію Христа въ его душѣ: „Да дастъ

---

[1]) Исаія LXI, 1.
[2]) Іеремія, I, 9.
[3]) Св. Луки IV, 17—21.
[4]) Посл. Евр. IX, 26.
[5]) Посл. Евр. I, 1, 2.
[6]) Символъ Вѣры Аѳанасія.

вамъ... вѣрою вселиться Христу въ сердца ваши“ [1]). „Дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ“ [2])! „Доколѣ всѣ придемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова“ [3]). Также, какъ Индусы уповаютъ на Кальки Аватара, какъ послѣдователи Зороастра ожидаютъ Сосіота, а Буддисты Бодисаттву Матрею, такъ же Христіане ожидаютъ Христа, чтобы закончились настоящія времена и „се творю все новое“ [4]). Имена различаются, а идея одна и та же.

Христіанская церковь также признаетъ существованіе Богомъ вдохновенныхъ людей: Пророковъ, Апостоловъ, Святыхъ различной степени, и въ этомъ согласуется вполнѣ съ Евреями. Въ дѣйствительности, нѣтъ ни одной религіи безъ этихъ святыхъ проявленій воплощающагося Духа.

Христіане—кромѣ того—вѣрятъ, что Духъ Божій воплощенъ въ каждомъ человѣкѣ: „Развѣ не знаете, что вы храмъ Божій и Духъ Божій живетъ въ васъ“ [5])?

Такимъ образомъ и для Христіанъ каждый человѣкъ есть божественное воплощеніе, ибо Христосъ есть „первородный между многими братьями“ [6]).

Эта увѣренность и есть та свѣтлая истина, которая обезпечиваетъ осуществленіе словъ Христа „будьте совершенны какъ совершененъ Отецъ вашъ небесный“ [7]), слова, которыя — иначе— были бы безнадежно недостижимы для человѣка. Ибо въ то время, когда внѣшній человѣкъ борется противъ слабостей и соблазновъ, внутренній человѣкъ изливаетъ силу въ соотвѣтствіи съ усиліями перваго: „совершайте свое спасеніе, ибо Богъ производитъ въ васъ и хотѣніе и дѣйствіе по *Своему* благоволенію [8]); не мало Христіанъ, которые не рѣшаются принять въ полнотѣ всю славу и силу, исходящую изъ этихъ текстовъ, которые указываютъ, что человѣческій Духъ воистину божественъ; но даже и они вѣрятъ, что каждый человѣкъ представляетъ собою Безсмертный Духъ, облеченный въ плоть, вѣрятъ, что Духъ вопло-

---

[1]) Ефесян. III, 17.
[2]) Галат. IV, 19.
[3]) Ефесян. IV, 13.
[4]) Откровеніе XXI, 5.
[5]) I Коринѳ. III, 16.
[6]) Римлян. VII, 29.
[7]) Матѳ. V, 48.
[8]) Филипп. II, 12, 13.

щенъ въ каждомъ человѣческомъ существѣ и такимъ образомъ раздѣляютъ хотя и не во всей высотѣ то вѣрованіе, которое заключаетъ въ себѣ обѣтованіе человѣческаго безсмертія.

Сыны Ислама не имѣютъ ничего, соотвѣтствующаго идеѣ Аватара или Христа; они совершенно опредѣленно отвергаютъ ее, но въ то же время вполнѣ раздѣляютъ ученіе о Бого-вдохновенныхъ людяхъ или Пророкахъ, признавая ихъ у всѣхъ народовъ и отдавая имъ должное почитаніе. „Мы не дѣлаемъ никакого различія между ними" говорятъ они. Что касается того утвержденія, что человѣкъ—воплощенный Духъ, въ этомъ Исламъ согласуется со старшими религіями; въ суфизмѣ этотъ Духъ признается божественнымъ, но многіе Мусульмане, подтверждая, что человѣческій духъ происходитъ отъ Бога, не признаютъ тождественности своей природы съ Нимъ.

Въ наши дни существуетъ разногласіе относительно метода, ведущаго къ достиженію совершенства. Повидимому, большинство какъ Христіанъ такъ и Мусульманъ вѣрятъ, что каждый разъ когда рождается человѣкъ, Богъ создаетъ для него новый Духъ; тогда какъ болѣе древнія міровыя религіи, живыя и мертвыя, были единодушны въ томъ утвержденіи, что безсмертный Духъ медленно развиваетъ свои божественныя силы на протяженіи длиннаго ряда земныхъ жизней, отдѣленныхъ одна отъ другой промежуточными состояніями въ сверхфизическихъ мірахъ. Цѣлью земныхъ жизней признавалось собираніе опыта, а цѣлью развоплощенныхъ жизней—претерпѣваніе результатовъ дурного опыта и претвореніе хорошаго опыта въ умственныя и нравственныя качества и способности. Эти способности, выработанныя въ посмертномъ состояніи въ небесномъ мірѣ, образуютъ тотъ характеръ, съ которымъ человѣкъ рождается въ своей послѣдующей жизни на землѣ. Это вѣрованіе, въ той или иной формѣ, выработанное въ болѣе или менѣе стройную философскую систему, существовало повидимому на зарѣ и тѣхъ религій, изъ которыхъ оно впослѣдствіи исчезло; это видно изъ ссылокъ на него первыхъ христіанскихъ писателей, а также и мусульманскихъ мистиковъ среднихъ вѣковъ. Вѣрованіе это начинаетъ снова возникать въ Христіанствѣ и въ Исламѣ нашихъ дней благодаря присущей ему разумности и обладанію ключемъ къ объясненію видимыхъ несправедливостей человѣческой жизни благодаря той свѣтлой увѣренности въ конечномъ благѣ всего и всѣхъ, которую оно приноситъ сознанію. Кромѣ того, всѣ философски мыслящіе люди признаютъ, что Духъ, создаваемый каждый разъ при рожденіи

человѣка, не можетъ признаваться разумомъ за безсмертный Духъ.

Послѣдователи болѣе древнихъ религій должны несомнѣнно согласиться съ ученіемъ о возобновляющихся земныхъ и сверхфизическихъ жизняхъ, такъ какъ оно служитъ наиболѣе поразительной изъ всѣхъ иллюстрацій, выясняющихъ воплощеніе Духа въ матерію. Что касается послѣдователей болѣе молодыхъ религій, они должны принять это ученіе или не принять, смотря по тому, *какъ* они читаютъ своихъ авторитетовъ и *что* имъ говоритъ собственный разумъ и сужденіе. Но можно съ увѣренностью сказать, что до шестого вѣка по Р. Х. перевоплощеніе—въ той или иной формѣ—было всемірнымъ религіознымъ ученіемъ.

Пер. Е. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

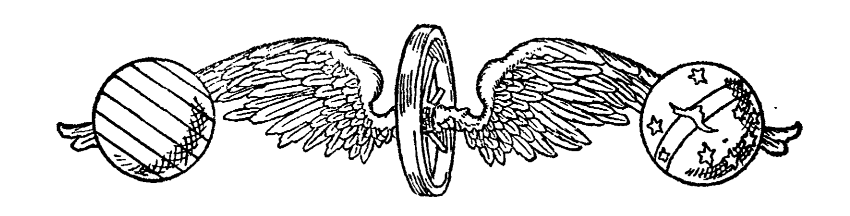
Если кто не родится отъ Духа и воды, не можетъ войти въ Царствіе Божіе.

Рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное отъ Духа есть духъ.

Не удивляйтесь тому, что Я сказалъ тебѣ: должно вамъ родиться снова.

Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ: такъ бываетъ со всякимъ, рожденнымъ отъ Духа.

(Еванг. отъ Іоанна, III, 5—8).

Задачи духовной культуры *).

Съ того момента, какъ дикарь начинаетъ задумываться надъ возможностью усовершенствовать свою жизнь и стремится отдать себѣ отчетъ въ окружающихъ его силахъ, съ этого момента онъ перестаетъ быть дикаремъ. Онъ начинаетъ строить свою культуру, сперва въ сферѣ грубо-матеріальной: онъ обжигаетъ посуду, начинаетъ варить себѣ пищу, шьетъ себѣ одежду. Онъ приручаетъ дикихъ животныхъ, начинаетъ заниматься скотоводствомъ, выдѣлываетъ первыя орудія земледѣлія и становится земплепашцемъ. Каждое новое открытіе служитъ стимуломъ для его ума и ведетъ за собой новыя усовершенствованія. Въ этомъ отношеніи исторія культуры рисуетъ намъ чрезвычайно интересную и поучительную картину постепенныхъ завоеваній человѣка въ царствѣ природы. Интересно, что и въ самыя первобытныя времена, когда человѣкъ лишь просыпался изъ состоянія варварства и лозунгомъ его по опредѣленію Бюхнера была характерная формула дикаря: „минимумъ потребностей, минимумъ труда и минимумъ общественности", что и тогда уже въ немъ просыпалось смутное стремленіе къ чему то высшему и прекрасному. Это стремленіе

*) Въ своемъ воззрѣніи на эволюцію Теософія въ корнѣ расходится съ современной наукой, объясняющей всѣ явленія жизни постепеннымъ измѣненіемъ внѣшнихъ условій. Теософія учитъ, что корень жизни въ духѣ, а не въ формѣ; по мѣрѣ того, какъ раскрывается духъ, развивается, совершенствуется и форма. Но разсматривая эволюцію съ чисто внѣшней стороны, со стороны ея текучаго процесса, мы можемъ принять схему позитивизма, тѣмъ болѣе, что въ смѣнѣ расъ и субрасъ дѣйствительно наблюдается стройный законъ роста, подъема и упадка. Каждая раса имѣетъ свою особую миссію. По завершеніи ея, она уступаетъ мѣсто новой расѣ. Каждая раса проходитъ черезъ періодъ младенчества, дѣтства, юности, зрѣлости и старости. Смѣняющіяся расы послѣдовательно раскрываютъ новыя стороны жизни и духовнаго творчества. Такъ двигается міровая эволюція.

выразилось въ украшеніяхъ, которыми онъ снабжалъ свою первобытную утварь и которыми также онъ украшалъ себя и свою одежду. Какъ ни грубы и ни наивны эти первыя начинанія въ области искусства, они для насъ очень цѣнны, какъ свидѣтельство того, что и на зарѣ человѣческой культуры, когда казалось бы человѣку было свойственно лишь грубо-утилитарное стремленіе, и тогда уже рядомъ съ первыми шагами къ созиданію матеріальной культуры, въ немъ уже шевелится чувство прекраснаго и является потребность дать выраженіе этому чувству. Это безкорыстное усиліе (потому что красота не нужна для удовлетворенія физическихъ потребностей), и даетъ рожденіе первобытному искусству, которое играетъ въ исторіи культуры видную роль; *красоты* жаждетъ едва проснувшійся человѣкъ, а не только животнаго удовлетворенія и эта жажда ярко подтверждаетъ слова Христа: „не хлѣбомъ единымъ живъ будетъ человѣкъ".

Естественно, что въ эти отдаленныя времена человѣкъ былъ всецѣло во власти своихъ эмоцій. Онъ не имѣлъ еще представленія о прекрасномъ, но онъ чувствовалъ тягу къ красотѣ, онъ уже любилъ эстетическія эмоціи; искусство созидалось на почвѣ смутныхъ порывовъ и переживаній. Проснувшійся разумъ человѣка сознательно устремилъ свое вниманіе на матеріальную сферу и здѣсь начинается впервые *сознательная* работа человѣка надъ совершенствованіемъ своей жизни.

По мѣрѣ того, какъ матеріальная культура развивалась, появились благоустроенныя жилища, семейный очагъ, общественное устройство, нѣкоторый уютъ и комфортъ, сознательная работа человѣческаго разума перешла изъ сферы матеріальной въ область интеллектуальную и вниманіе человѣка устремилось на процессъ познаванія окружающихъ его явленій. Родилась наука и началась творческая работа логическихъ построеній, глубокаго анализа сути вещей, всевозможныхъ научныхъ изслѣдованій. Медленно, постепенно созидалась интеллектуальная культура и ей на помощь явились книги, лабораторіи, музеи, школы, академіи и университеты. Передовая волна человѣчества трудилась надъ разрѣшеніемъ философскихъ и научныхъ проблемъ; большинство же жило еще исключительно матеріальными интересами и жадно хваталось за каждое новое научное открытіе, чтобы внести усовершенствованіе въ свою матеріальную культуру. Духовная же жизнь человѣчества все еще выражалась болѣе въ эмоціяхъ, чѣмъ въ опредѣленномъ строѣ души, но эти эмоціи постепенно облагораживались, утончались и потому искусства всегда играли

видную роль въ жизни человѣчества. Тѣмъ не менѣе, духовная область еще не была озарена свѣтомъ сознанія и потому въ ней все было еще стихійно: стихійно чувство прекраснаго, стихійно и религіозное чувство, выливавшееся столько вѣковъ въ форму безотчетной слѣпой вѣры. Но и въ эти два періода человѣческой эволюціи, когда человѣкъ сознательно работалъ лишь надъ задачами своей матеріальной и интеллектуальной культуры, и въ это время были люди, опредѣленно выдвигавшіе задачи духовной культуры и ставившіе вѣхи, по которымъ человѣчество могло найти свой путь и сознательно двигаться впередъ. Это были великіе Учителя человѣчества, Основатели религій и ихъ ученики, посвященные въ тайны высшей жизни. Пока человѣчество было духовно незрѣло, рано было выдвигать стройную систему духовнаго подвига, который по силамъ былъ лишь опередившимъ толпу, точно также какъ задачи интеллектуальной культуры по силамъ были лишь меньшинству. Изъ этого меньшинства выдѣлялась безконечно малая группа, которая была способна понять и признать необходимость сознательнаго строительства своей внутренней жизни. И потому духовное вѣдѣніе хранилось въ тайнѣ. Великіе Учителя человѣчества давали толпѣ основныя духовныя истины и учили закону жизни, міровому закону любви; въ глубины духовнаго пути они углублялись лишь со своими ближайшими учениками, посвятившими себя апостолату. Эти ученики передавали по традиціи свои знанія далѣе, своимъ ученикамъ. Нѣкоторые изъ нихъ основывали тайные школы и ордены, въ которыхъ хранился и передавался религіозный эзотеризмъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Таково происхожденіе духовныхъ школъ Платона, Пиѳагора, нео-платониковъ, и средневѣковыхъ тайныхъ орденовъ, о которыхъ мы знаемъ изъ исторіи литературы и философіи. Эти школы вѣдали частью религіознаго эзотеризма и тщательно его берегли и хранили.

Какъ въ природѣ нашей каждый видъ полезнаго растенія имѣетъ свой двойникъ, вредный и часто ядовитый (грибы), такъ и теченія мысли и человѣческія учрежденія порождаютъ свои дубликаты, которые пользуются вспаханнымъ полемъ для своихъ корыстныхъ и одностороннихъ цѣлей. Такъ рядомъ съ великими Эзотерическими школами древности и среднихъ вѣковъ отъ времени до времени возникали искусственно созданные тайные ордены, настоящіе сурогаты хлѣба живаго, которые принимали внѣшнюю личину преемственно-созданныхъ школъ и вносили въ великое духовное теченіе мутную воду корыстныхъ цѣлей и личныхъ вожделѣній

То же происходитъ и въ настоящее время. Теперь, когда человѣчество готовится встать на новую ступень сознанія и когда въ немъ пробуждается новое, духовное начало, явилось съ одной стороны великое Теософическое движеніе, которое раскрываетъ религіозный эзотеризмъ и выдвигаетъ задачи духовной культуры; съ другой—рядъ оккультныхъ обществъ и движеній сомнительнаго характера, призывающія общество къ практическому оккультизму. То, что было многіе вѣка скрыто въ Эзотерическихъ школахъ, должно постепенно сдѣлаться достояніемъ всего растущаго человѣчества, и потому человѣчеству необходимо подготовить себя къ принятію новыхъ знаній, очистивъ свою природу и углубивъ свое сознаніе.

Сознательная работа надъ волей, чувствомъ и характеромъ есть conditio sine qua non для дальнѣйшаго духовнаго развитія и потому становится категорическимъ императивомъ для ищущаго духовнаго пути.

Эта необходимая связь духовнаго роста съ духовнымъ вѣдѣніемъ выясняется каждому вдумчивому искателю истины и опредѣленно ведетъ его къ внутренней работѣ, т. е. къ пути духовности, а не психизма (практическаго оккультизма). Важно помнить, что не то или иное названіе опредѣляетъ достоинство и авторитетность даннаго ученія, а *печать духовности*, которая есть неотъемлемый признакъ посвященнаго. *Духовность есть сознаніе единства Жизни подъ всѣми ея покровами*, сознаніе столь глубокое и сильное, что внѣшнія формы теряютъ свою власть и человѣкъ возсоединяется въ духѣ со всѣмъ живущимъ. Для него нѣтъ болѣе стѣнъ религіозныхъ, національныхъ, расовыхъ и кастовыхъ; для него нѣтъ болѣе возможности замкнуться въ покровы самости; ему дѣлаются одинаково чуждыми и догматическій фанатизмъ, и эмоціи обособленности и вражды. Онъ поклоняется Богу „въ духѣ и истинѣ"; религіозныя формы являются лишь оболочкой жизни духа. *Догма разъединяетъ, духъ соединяетъ*, и потому человѣкъ вполнѣ духовный не можетъ быть догматикомъ; онъ становится мистикомъ.

Теософическое движеніе, будучи въ самой сути своей движеніемъ глубоко-духовнымъ, провозглашаетъ основное единство всѣхъ религій и братство человѣчества.

Тѣ движенія, которыя проявляютъ узкій догматизмъ, нетерпимость и враждебное отношеніе къ инымъ религіознымъ исканіямъ, этимъ самымъ свидѣтельствуютъ о своей неподготовленности къ рѣшенію тѣхъ задачъ, которыя они формально выдви-

гаютъ. У нихъ нѣтъ главнаго признака, отличающаго истинное отъ ложнаго: печати духовности. Терпимость, широкое пониманіе всѣхъ формъ религіозныхъ исканій, углубленіе въ мистическую сторону религіозной жизни, активное и любовное отношеніе къ міру, таковы основныя черты того, что мы назвали „печатью духовности". Изъ такого глубокаго пониманія религіозныхъ вопросовъ естественно выливается признаніе *братства религій* и *братства человѣчества.* Тамъ, гдѣ этихъ чертъ нѣтъ, тамъ гдѣ любовь и пониманіе единства жизни не проявляются, тамъ очевидно нѣтъ и духовности. Христосъ сказалъ: „Познайте дерево по плодамъ его".

Итакъ духовное сознаніе раскрывается, какъ духовная свобода и какъ всесоединяющая любовь. Такое настроеніе рождаетъ потребность въ духовной культурѣ. Понимая все значеніе міроваго закона любви и ставъ его служителемъ, человѣкъ чувствуетъ потребность въ томъ, чтобы проявлять любовь всегда, ко всѣмъ, и возможно совершеннѣе. Онъ уже понимаетъ, что любовь не есть наитіе свыше, которое можетъ осѣнить или нѣтъ: любовь есть то „*Царство Божіе, которое нудится*", т. е., которое берется силой и великимъ трудомъ. Люди называютъ любовью блѣдное и искаженное ея отраженіе, не подозрѣвая о томъ, что такое истинная, чистая любовь. Ее дивно опредѣлилъ Ап. Павелъ*). Вь этомъ опредѣленіи даны всѣ ея черты: чистота, смиреніе, милосердіе, терпѣніе, полное безкорыстіе. Указаны также всѣ враги ея, загрязняющіе ея чистыя волны: зависть, ревность, гнѣвъ, нетерпѣніе, требовательность, властность, гордость, раздражительность, недовѣріе, злорадство, непостоянство. Истинная любовь всегда сопутствуема вѣрой и надеждой. Но больше всѣхъ нихъ Любовь. Такъ говоритъ Апостолъ.

Стоитъ надъ этимъ задуматься. Если всѣ эти нежелательные признаки искажаютъ любовь, то слѣдовательно надо ихъ искоренить, надо очиститься отъ нихъ, замѣнивъ ихъ соотвѣтствующими противоположными качествами. Здѣсь выдвигаются задачи духовной культуры: наступаетъ работа *очищенія* и такъ называемая *духовная алхимія.*

Въ свѣтѣ Теософіи не надо ничего уничтожать, но надо поднимать и преображать. Точно также, какъ простой металлъ можетъ при извѣстномъ алхимическомъ процессѣ быть преображенъ въ благо-

---

*) I посл. къ Коринѳянамъ гл. 13.

Прим. Ред.

родный, точно также и низшая наша природа можетъ, при упорномъ трудѣ очищенія, быть постепенно обращена въ силу высшаго порядка. Эту работу преображенія человѣческой природы и имѣли въ виду средневѣковые мистики, когда говорили о „философскомъ камнѣ“ и о „превращеніи металловъ“. Здѣсь мы имѣемъ цѣлую тонкую и сложную символику, которая подъ условнымъ покровомъ скрывала важныя духовныя истины.

Очищеніе и алхимія безсильны пока ихъ союзникомъ и помощникомъ не становится разумъ, ибо мысли рождаютъ и поддерживаютъ чувства, а чувства создаютъ настроеніе и характеръ. Человѣкъ долженъ сдѣлаться *господиномъ* своихъ мыслей. Только тогда будетъ онъ и господиномъ своихъ эмоцій и поступковъ. (Исповѣдь сектанта, изд. Посредника). О силѣ, значеніи и культурѣ мысли въ теософической литературѣ есть много цѣнныхъ указаній. Этому вопросу посвящена, между прочимъ, книга А. Безантъ: „Сила мысли“ *.

Какъ только человѣкъ становится господиномъ своихъ мыслей, онъ получаетъ власть и надъ своими эмоціями и поступками. О такомъ человѣкѣ можно сказать съ увѣренностью, что онъ, какъ бы ни были трудны его испытанія, поступитъ согласно своей совѣсти, т. е. голосу своего „Высшаго Я“. О человѣкѣ эмоціональномъ никогда нельзя сказать, какъ онъ поступитъ: онъ самъ еще этого не знаетъ, онъ поступитъ *по настроенію*, какъ поступаетъ большинство эмоціональныхъ людей. На слово такого человѣка положиться трудно. Послѣ ухода эмоціи онъ бываетъ самъ пораженъ, какъ мало соотвѣтствовали его поступки его высшимъ стремленіямъ; онъ не понимаетъ еще, что онъ— рабъ своихъ страстей. Только разбившій эти цѣпи можетъ свободно творить новую жизнь.

Человѣкъ, ставшій господиномъ своихъ мыслей и эмоцій, сдѣлалъ громадный шагъ впередъ. Начинается созиданіе характера, растетъ воля человѣка и самообладаніе. Всѣ его внутреннія силы приходятъ въ гармонію и онъ растетъ не по днямъ, а по часамъ.

Всѣмъ извѣстно, что Романскія и Славянскія народности, страдая избыткомъ эмоціональности, отличаются сравнительно и слабымъ развитіемъ воли. Напротивъ, менѣе эмоціональная саксоно-германская раса являетъ большую силу воли и характера. Невольно является мысль: если экспансивная, страстная и гибкая

---

*) Укажемъ также ея же: „Преддверіе храма“.

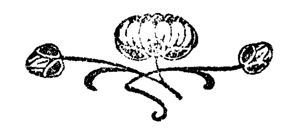
Славянская натура сумѣетъ посредствомъ строгой духовной культуры въ полной мѣрѣ развить свою волю и создать сильный, могучій характеръ, то, являя обѣ стороны души гармонично развитыми (сердце и волю), она можетъ оказаться наиболѣе годнымъ проводникомъ для духовнаго начала, которое въ настоящее время готовится къ раскрытію въ человѣчествѣ. (Это то начало, о которомъ молится Ап. Павелъ въ словахъ: „Дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ". Посл. къ Галат. IV, 19).

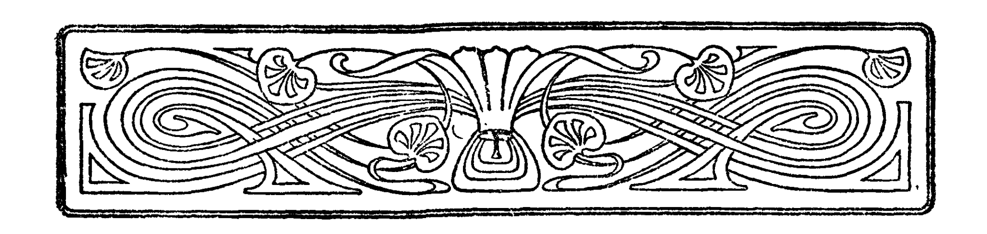
Каждое начало творитъ соотвѣтствующую ему культуру. Такимъ образомъ уже родились культура физическая и интеллектуальная. Нынѣ рождается въ человѣчествѣ духовное начало, которое родитъ въ свою очередь духовную культуру.

Та раса грядущая, которая подготовитъ себя раньше другихъ къ духовной жизни, станетъ и носителемъ духовной культуры. Нота этой культуры будетъ *единеніе и любовь.* Печать грядущей расы—духовность; не блестящія способности и не выдающійся умъ, а *духовность*, т. е. явленіе самого духа въ жизни и черезъ него—преображеніе, одухотвореніе ея. Высшій разумъ, оплодотворенный любовью, двинетъ тогда человѣка къ свободному творчеству, къ сокровенному зодчеству, и это величайшее изъ всѣхъ искусствъ — искусство строить себя и строить жизнь — создастъ ту высшую культуру, о которой сознательно или безсознательно мы всѣ мечтаемъ.

Будемъ же помнить, что выдвинувъ на первый планъ задачи духовной культуры, человѣкъ готовитъ себя къ соучастію въ этомъ славномъ творчествѣ будущаго. Работая надъ собой, онъ уже дѣлается носителемъ этого будущаго и чѣмъ чище, пламеннѣе и цѣльнѣе будетъ совершаться его работа, тѣмъ больше будетъ онъ зажигать другія сердца и тѣмъ быстрѣе будетъ расчищаться для всего человѣчества тотъ Путь, на который зовутъ насъ величайшіе духовные Вожди человѣчества, Путь Служенія, Путь Любви.

Alba.

Эволюція міра и человѣка.

Д-ра **Р. Штейнера.**

(*Продолженіе* *).

Деваканъ.

Въ астральномъ мірѣ еще есть рѣчь, въ „небесномъ“ ея уже нѣтъ, тамъ она замѣняется символами и картинами. Небесная сфера (Деваканъ) представляетъ собою дѣйствительно *семь* отличающихся одно отъ другого подраздѣленій, но это вовсе не различныя мѣста, а различныя состоянія человѣческаго сознанія. Въ небесной стадіи своей посмертной эволюціи человѣкъ проходитъ черезъ эти состоянія стихійно, но Посвященный проходитъ черезъ нихъ вполнѣ сознательно. Посвященный сознательно подготовляетъ себя духовными упражненіями и, благодаря этому, пріобрѣтаетъ постепенно новыя свойства сознанія, которыя соотвѣтствуютъ небесному міру.

Эти упражненія, иначе—наука Іога стоитъ въ связи съ ритмомъ дыханія; она требуетъ опредѣленнаго соотношенія между вдыханіемъ и выдыханіемъ. Конкретнымъ признакомъ того, что упражненія идутъ правильно и успѣшно, служитъ измѣненіе въ сновидѣніяхъ. Сновидѣнія перестаютъ быть хаотичными, въ нихъ постепенно является ритмъ, который и приводитъ къ ясновидѣнію. Низшая форма ясновидѣнія извѣстна многимъ людямъ, это—пророческіе сны, относящіеся до любимыхъ людей и предупреждающіе о грозящей имъ опасности.

Высшее ясновидѣніе проявляется во снѣ видѣніемъ высшихъ истинъ, являющихся передъ сознаніемъ въ видѣ различныхъ гео-

*) „Вѣстникъ Теософіи“ 1911 г., № 3.

метрическихъ фигуръ и образовъ, которые всѣ имѣютъ свое опредѣленное значеніе. Ступенью ниже, символическіе знаки являются передъ ясновидящимъ въ формѣ животныхъ; таковы знаки зодіака.

Въ эзотерическомъ Христіанствѣ есть указанія на различныя состоянія въ „небесномъ мірѣ“. Ученикъ св. Павла, Лука, который былъ посвященнымъ, далъ, подъ именемъ Діонисія Ареопагита, эзотерическое ученіе о Богахъ. До насъ дошли только отрывки писаній гностиковъ, но и эти отрывки (Iohon Scottus, Origen) доказываютъ, что интуиція гностиковъ шла черезъ христіанскій изотеризмъ. И только по мѣрѣ развитія догматики, эзотеризмъ исчезалъ все болѣе и болѣе.

Если взять исходную точку, съ которой начинается новая жизнь человѣка, жизнь Посвященнаго, удачнѣе всего можно ее выразить изреченіемъ древней мудрости (Веданта): „Tat twam asi“, это—ты. Изреченіе это дало пищу для цѣлой литературы, оно послужило темой для спекулятивнаго мышленія. Дѣйствительный смыслъ этого изреченія тотъ, что духовно рожденный человѣкъ въ первый разъ видитъ свое собственное тѣло со стороны, видитъ себя самого какъ объектъ. Впечатлѣніе, получаемое отъ такого покинутаго тѣла, напоминаетъ фотографическій негативъ, и отношеніе между человѣкомъ, глядящимъ на свое тѣло, и этимъ тѣломъ, сходно съ отклоненіемъ между дѣйствительнымъ предметомъ и его негативомъ. Пока этого перваго разъединенія души и тѣла не произошло, человѣкъ заполняетъ собою свое тѣло, но когда разъединеніе совершилось, покинутое тѣло не болѣе какъ пустое пространство, опустошенная форма съ окружающей аурой, истинный негативъ живого объектива.

Это—первый моментъ открывшагося внутренняго вѣдѣнья. Вслѣдъ за этимъ моментомъ раскрываются взоры и на весь остальной міръ, который виденъ Посвященному какъ негативъ, изъ котораго какъ бы излучаются всѣ предметы: кристаллы, растенія, животныя, все природное; все же искусственное, сдѣланное рукой человѣческой, является Посвященному иначе.

Когда у человѣка открывается высшая ступень сознанія (ментальное зрѣніе), все знакомое на землѣ, какъ горы, скалы, долины и ущелья, представляется ему вродѣ того, какъ континенты на географической картѣ, слѣдовательно, тоже, какъ негативы. При дальнѣйшемъ овладѣніи наукой Іога, человѣкъ начинаетъ жить въ самой сути вещей, но воспринимаетъ онъ субъективно не ту массу, которая заполняетъ опредѣленное пространство, а

всѣ исходящіе изъ предметовъ жизненные токи; такимъ образомъ онъ начинаетъ познавать самую жизнь предметовъ, что для физической науки совершенно недоступно.

Въ эзотерикѣ среднихъ вѣковъ, на языкѣ Посвященныхъ, первая стадія высшаго зрѣнія обозначалось: (видѣть) *континенты,* вторая: (видѣть) *океаны.*

Все сказанное относится къ способу воспріятія; если обратиться къ ощущеніямъ, то на этой ступени ясновидѣнья замѣчается нѣчто особенное: когда ясновидящій имѣетъ дѣло съ металлами, онъ чувствуетъ такъ, какъ будто бы онъ находился внутри самаго металла. Подобное чувство бываетъ у очень сенситивныхъ людей *), но оно вполнѣ безсознательно; владѣть же этимъ чувствомъ сознательно можетъ только Посвященный на этой второй ступени ясновидѣнія, при чемъ онъ испытываетъ необыкновенное чувство единства, симпатіи, дѣйствительное пребываніе въ металлѣ, истинное переживаніе золотости, желѣзости и т. д. Въ ученіи Діонисія Ареопагита о Богахъ, названіе „Erzengel“ указываетъ на посвященіе во вторую степень ясновидѣнія.

Третья степень ясновидѣнья наступаетъ тогда, когда Посвященный освобождается вполнѣ отъ представленій, т. е., сохраняя всѣ функціи своего интеллекта, начинаетъ черпать содержаніе своей умственной жизни изъ сути окружающаго такъ же непосредственно, какъ легкія вбираютъ воздухъ. Только при этомъ условіи возможны сознательныя переживанія въ небесной сферѣ. Какъ земля окружена кольцомъ атмосферическаго воздуха, который необходимъ для земного существованія, такъ и „Небесный Міръ“ окруженъ атмосферой, которая вся состоитъ изъ ощущеній радости и горя, блаженства и страданія,—цѣлымъ океаномъ ощущеній, чувствъ, эмоцій, которыя какъ бы вдыхаются пребывающимъ въ небесномъ мірѣ, но не легкими, а разумомъ, *проводникомъ сознанія.*

Изъ сказаннаго явствуетъ, что въ высшемъ, небесномъ ясновидѣніи различаются три ступени: на первой ступени ясновидящій познаетъ *жизнь формъ;* на второй—*жизнь токовъ;* на третьей ступени—*жизнь ощущеній.*

Когда Посвященный достигаетъ послѣдней ступени „небеснаго ясновидѣнія“, онъ видитъ все совершающееся на физическомъ планѣ не такъ, какъ мы видимъ на землѣ, а въ отраженіяхъ, которыя нашему земному сознанію показались бы симво-

---

*) Наприм. ясновидящая изъ Превоста.

лическими; такъ напр., сосредоточивая вниманіе на земномъ сраженіи, ясновидящій восприметъ выбрасываемыя съ поля битвы чувства и страсти не какъ картины, а какъ нѣчто, схожее съ явленіями сильной грозы на физическомъ планѣ. Въ томъ видѣ, въ какомъ физическія явленія—проходя черезъ внѣшніе органы воспріятія—отражаются въ сознаніи непосвященнаго человѣка, въ такомъ видѣ они не могутъ достигать небеснаго міра.

Мысль, что въ небесной сферѣ можно переживать только блаженство, совершенно ошибочна. Переживанія во время небесной стадіи представляютъ собою не только собираніе плодовъ, но и время обученія для души: тамъ человѣческая душа переживаетъ *Tat twam asi*, т. е. испытанія *всего* человѣчества, тамъ ея способность сочувствія и состраданія становится совершенной, тамъ эти переживанія воспитываютъ душу и подготовляютъ ее къ новому воплощенію. Вотъ почему и на „небесный міръ" можно по справедливости смотрѣть какъ на великую истину человѣческой эволюціи. Земной міръ учитъ одному, „небесный" учитъ иначе.

Когда посвященный овладѣлъ первыми тремя ступенями ясновидѣнія и способенъ уже подняться на четвертую ступень, всѣ вещи, которыя онъ творилъ на землѣ, являются ему въ первообразахъ, въ тѣхъ идеяхъ, которыя были когда то въ его сознаніи; на этой же ступени онъ начинаетъ разбирать Акаша—хронику. Что такое эта хроника? Все созданное человѣкомъ, все, когда либо сдѣланное имъ, всѣ его слова, эмоціи, мысли, все это сохраняется въ тончайшихъ образованіяхъ эфира. Мы знаемъ, что каждое тѣло можетъ переходить изъ одного состоянія въ другое: изъ твердаго въ жидкое, изъ жидкаго въ газообразное; но возможно представить себѣ тотъ же процессъ и въ обратномъ порядкѣ, т. е. тѣло, переходящее изъ тончайшаго состоянія въ состоянія все болѣе сгущающіяся, въ болѣе плотныя... Можно представить себѣ мысли и слова человѣческія въ видѣ тончайшихъ, невѣсомыхъ образованій, и представить себѣ, какъ эти образованія какъ бы охлаждаются въ воздухѣ, и по мѣрѣ охлажденія сгущаются, кристаллизуются и превращаются въ то, что мы зовемъ конкретной формой. А затѣмъ, можно представить себѣ, что мы читаемъ ряды такихъ конкретныхъ формъ. Но нужно при этомъ помнить, что все, что мы знаемъ, измѣняется, когда проходитъ черезъ различныя *состоянія* того или иного міра или „плана"; такъ, то, что мы на землѣ воспринимаемъ какъ звуки, въ „небесномъ мірѣ" является какъ волнообразныя вздыманія и опусканія въ океанѣ эфира.

Чтобы составить себѣ понятіе о переживаніяхъ въ „небесномъ мірѣ“, нужно пріобрѣсти тонкое понятіе о томъ, что имѣется *за* звукомъ, о томъ, что находится *за* предѣлами матеріи. Если мы перейдемъ изъ шумнаго города въ тихій лѣсъ, окружающая насъ природа будетъ наполнена звуками, гораздо болѣе тонкими и слабыми, чѣмъ грубые и рѣзкіе звуки шумнаго города; если тишина будетъ все болѣе и болѣе усиливаться, звуки все болѣе слабѣть, то мы дойдемъ наконецъ до предѣла, до абсолютной тишины, до отрицанія звуковъ.

Что же найдемъ мы *за* этимъ предѣломъ? За этой гранью начнетъ наростать противоположное звукамъ, отрицаніе звуковъ, слѣдовательно, отрицательная величина перейдетъ въ положительную, и при томъ въ *растущую* величину. Тоже самое и относительно сгущающейся матеріи: есть предѣлъ сгущенія и есть предѣлъ разрѣженія, кульминаціонная точка, за которой начинается состояніе, противоположное состоянію физической матеріи. Физическій атомъ есть уже явленіе сложное, соединеніе атомовъ сверхфизическихъ, слѣдовательно, если бы можно было разложить физическій атомъ, получилось бы его сверхфизическое состояніе.

Вотъ такими сверхфизическими состояніями матеріи и выражаются тѣ тонкія впечатлѣнія, изъ которыхъ слагаются письмена Акаша-хроники. Мысли, чувства и слова человѣческія, проходя черезъ многіе невидимые для насъ циклы все болѣе и болѣе утончающейся жизнеспособности, подъ конецъ кристаллизуются настолько, что по нимъ можно читать, и изъ таинственныхъ глубинъ тѣхъ небесныхъ свитковъ можно познать всю исторію міровъ.

Возьмемъ примѣръ. Если ясновидящій захочетъ узнать изъ Акаша-хроники, положимъ, о Ликургѣ, онъ сосредоточивается на опредѣленной эпохѣ, вызываетъ образъ Ликурга, и—передъ нимъ проносятся живыя картины Спарты и той эпохи. Или если онъ думаетъ сосредоточенно о Данте, онъ и видитъ Данте, и даже если бы онъ вздумалъ поставить такому отраженному Данте вопросы, онъ могъ бы получить и отвѣты, хотя отвѣчать будетъ не истинная индивидуальность Данте, а фиксація всѣхъ словъ, мыслей, жестовъ и т. д. Данте въ области Акаши.

Пятая ступень посвященія стоитъ въ связи съ небесной гармоніей. Высшія сферы небеснаго міра отличаются тѣмъ, что всѣ разбросанные въ пространствѣ звуки становятся тамъ все яснѣе и опредѣленнѣе, связываются въ мелодію и сливаются въ ту міровую симфонію, которой Пиѳагоръ далъ наименованіе „гармонія сферъ“.

Это—духовная гармонія; имѣющій уши, чтобы слышать ее, можетъ различить и звучаніе ауры, окружающей каждую вещь, и сокровенный звукъ внутренней сути каждой вещи. Ибо на этой ступени небеснаго міра каждое существо имѣетъ свой собственный опредѣленный тонъ; отсюда мистическое изреченіе: „теперь каждое существо скажетъ свое имя“. На землѣ отдѣльный человѣкъ совершенно затерянъ среди другихъ людей, здѣсь же онъ отличается какъ особый опредѣленный звукъ и въ то же время гармонически сливается со всѣмъ звучащимъ міромъ.

На этой пятой ступени Посвященный носитъ названіе „лебедя“; звуки Девакана тѣ же, какими говоритъ Учитель; такимъ образомъ, Его голосъ есть во истину благая вѣсть изъ высшихъ міровъ, вѣсть, идущая отъ самого Логоса.

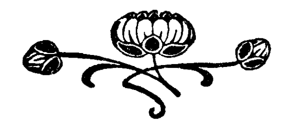
Миѳы всѣхъ временъ изображаютъ символически всѣ названныя ступени посвященія въ прекрасной формѣ. Въ средневѣковомъ мірѣ были мистическія братства, которыя хранили въ своихъ оккультныхъ ученіяхъ всѣ мистеріи посвященія; въ нихъ же слагались и такія символическія легенды, какъ легенда о Св. Граалѣ и о Лоэнгринѣ.

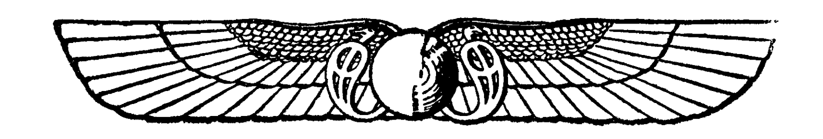
Оккультныя Братства никогда не прекращали своего существованія; и всѣ прогрессивныя движенія человѣчества совершались всегда подъ импульсомъ высокихъ Посвященныхъ. Такъ, переходъ изъ древне-феодальныхъ формъ общежитія къ гражданственности совершился подъ *такимъ* духовнымъ импульсомъ; это выражено въ легендѣ о Лоэнгринѣ и Эльзѣ Брабантской. Эльза, носительница прогресса, символизируетъ стремящуюся душу среднихъ вѣковъ. Лоэнгринъ, посланникъ Посвященнаго, вводится на арену дѣйствія символическимъ Лебедемъ. Посвященные появляются отъ времени до времени въ мірѣ, оставаясь неузнанными, и при нихъ всегда бываютъ ученики—посланники, которые носятъ эзотерическое названіе „Лебедь“.

Миѳы и символы въ искусствѣ можно уподобить проэкціи, брошенной изъ высшихъ міровъ. Логосъ дѣйствительно отражается въ миѳахъ. Миѳы—какъ бы тѣнь, брошенная отъ Него.

Сост. Е. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бхагавадъ-Гита.

*(Продолженіе *).*

XV. Бесѣда.

1.

Благословенный сказалъ:

Съ корнями вверхъ, съ вѣтвями внизъ, говорятъ, что Ашватха [1] — неразрушимо; его листья—гимны; тотъ, кто его знаетъ, знаетъ Веду [2]).

2.

Внизъ и вверхъ простираются его вѣтви, питаемыя качествами; его почки—предметы чувствъ; а корни его растутъ внизу, въ мірѣ человѣковъ, и составляютъ оковы дѣйствій.

3.

Его форма не познается здѣсь, ни его конецъ, ни его начало, ни мѣстонахожденіе его корней; когда сильнымъ мечомъ свободы [3]) срублено это коренастое древо,

4.

Тогда настаетъ пора искать Путь, съ котораго нѣтъ возврата [4]). Воистину, Я иду къ тому первичному Духу [5]), отъ котораго изошла первая энергія.

---

*) См. „Вѣстн. Теософіи“, № 3, 1911 г.

[1]) Священное фиговое дерево, символъ Жизни вѣчной.

[2]) Веду, т. е. высшее вѣдѣніе, въ отличіе отъ Ведъ, Св. книгъ, въ которыхъ Веда раскрывается. Веда—единая, Ведъ—четыре.

[3]) Буквально не—привязанности, не—рабства.

[4]) Ниврритти Марга, т. е. путь эзотеризма, путь духовный.

[5]) Къ первичному Пурушѣ.

5.

Безъ гордости и заблужденія, побѣдивъ зло привязанности, постоянно пребывая въ Высшемъ Я, потушивъ желаніе, освободившись отъ пары противоположностей, нами извѣстныхъ какъ радость и страданіе, они шествуютъ, не сбиваясь, по неразрушимому Пути.

6.

Тамъ не свѣтятъ ни солнце, ни луна, ни огонь; вступивъ сюда, больше не возвращаются; сія есть моя высшая Обитель.

7.

Частица Меня Самого, ставшаго Дживой [1]) въ мірѣ жизни, собираетъ вокругъ себя чувства, изъ которыхъ облаченный въ матерію умъ есть шестое.

8.

Когда Господь обрѣтаетъ тѣло, а также когда Онъ его покидаетъ, Онъ схватываетъ ихъ [2]) и уноситъ съ собой, какъ вѣтеръ уноситъ благоуханія цвѣтовъ [3]).

9.

Господствуя надъ ухомъ, окомъ, органами осязанія, вкуса и обонянія, господствуя также надъ умомъ, онъ воспринимаетъ предметы чувствъ.

10.

Заблуждающіеся [4]) не видятъ Его, когда Онъ уходитъ, пребываетъ или наслаждается, сопутствуемый качествами; имѣющіе очи мудрости видятъ.

11.

Подвизаясь, іоги также видятъ Его, пребывающаго въ Высшемъ Я; но хотя и подвизающіеся, но неочищенные, неразумные не видятъ Его по своей неподготовленности.

12.

Знай, что великолѣпіе, исшедшее отъ солнца и озаряющее весь міръ, пребывающее и въ лунѣ, и въ огнѣ; знай, что это великолѣпіе Мое.

---

[1]) Безсмертнымъ духомъ.

[2]) Т. е., эти чувства.

[3]) Буквально: какъ вѣтеръ уноситъ благоуханія изъ ихъ обителей.

[4]) Т. е., обманутые иллюзіей.

13.

Пропитавъ землю, Я поддерживаю всѣ существа Своей жизненной силой, и ставъ упоительной Сомой [1]), Я питаю всѣ растенія.

14.

Ставъ Огнемъ Жизни [2]), Я скрываюсь въ тѣлѣ живыхъ существъ, и, соединившись съ дыханіями жизни, Я перевариваю четыре вида пищи.

15.

И Я пребываю въ сердцахъ всѣхъ, и отъ Меня происходятъ память, мудрость и ихъ отсутствіе. И Я—то, что должно быть познано въ Ведахъ; и Я воистину „познавшій Веду“ [3]) и создатель [4]) Веданту.

16.

Въ этомъ мірѣ живутъ двѣ силы: разрушимая и неразрушимая; разрушимая живетъ во всѣхъ существахъ, неизмѣнное называется неразрушимымъ.

17.

Высочайшій же Духъ Другой, именуемый Божественнымъ Я, это Единый, проникающій Собою и поддерживающій тройственный міръ, Господь непреходящій.

18.

Потому что Я выше разрушимаго и превыше даже неразрушимаго, Я признанъ высочайшимъ Духомъ въ мірѣ и въ Ведѣ.

19.

Кто, не заблуждаясь, признаетъ Меня такимъ высочайшимъ Духомъ, тотъ всевѣдущій поклоняется Мнѣ всѣмъ своимъ существомъ, о Бхарата.

20.

Такъ Мною было дано самое сокровенное ученіе, о безгрѣшный. Познавшій его сталъ просвѣтленнымъ и совершилъ свою работу, о Бхарата.

Такъ гласитъ славной Бхагавадъ-Гиты XV бесѣда, именуемая Іога достиженія совершенства [5]).

---

[1]) Буквально: „ставъ водянистой луной“.

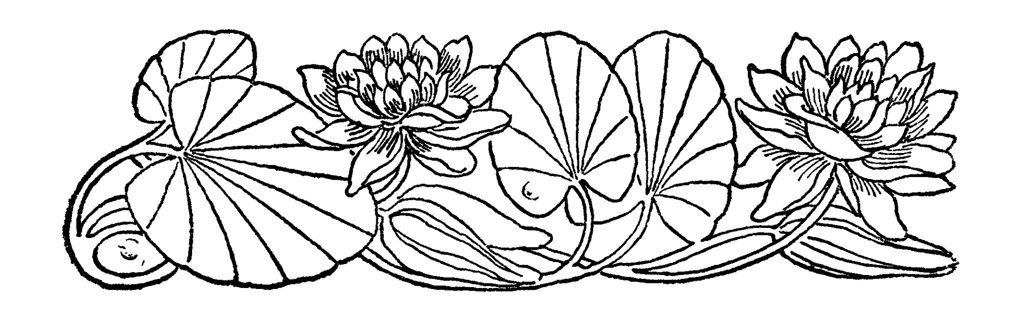
[2]) Вайшванара.

[3]) Познающій и познавшій.

[4]) Буквально: сдѣлавшій Веданту.

[5]) Іога достиженія Пурушоттама.

Пер. **И. Манціарли** и **Alba**.

Цѣль и путь.

*(Продолженіе *).*

Священныя книги персовъ сообщаютъ, что Ахура Мазда, главный солнечный богъ, объявилъ Заратуштру *), что истинная молитва заключается въ томъ, чтобъ избѣгать „дурныхъ мыслей, дурныхъ словъ и дурныхъ поступковъ“.

Относительно послѣдняго, я думаю, согласятся всѣ; гораздо уже меньше людей придаетъ столь серьезное значеніе словамъ, что же касается мыслей, то огромное большинство современнаго человѣчества увѣрено, что пока онѣ не проявились во внѣ—мысли, какъ нѣчто безплотное, никакого вліянія оказывать не могутъ, вслѣдствіе чего не мало встрѣчается людей, сдерживающихъ свои дурныя страсти въ ихъ проявленіяхъ и вознаграждающихъ себя за это необузданной свободой, которую предоставляютъ своимъ мыслямъ, совершая въ нихъ то, чего никогда не допустили бы на дѣлѣ.

Между тѣмъ, если уже расцѣнивать по силѣ и значенію производимаго впечатлѣнія, то, пожалуй, придется учитывать какъ разъ въ обратномъ порядкѣ.

Въ самомъ дѣлѣ—большинство нашихъ *поступковъ* (я говорю о среднихъ, рядовыхъ людяхъ) рѣдко затрагиваетъ очень большой кругъ лицъ. Огромное ихъ количество почти не выходитъ за предѣлы семьи, близкихъ знакомыхъ, сослуживцевъ.

Не то *слово*. Обладая какъ бы большей степенью летучести, оно тѣмъ самымъ значительно расширяетъ сферу своего вліянія.

---

*) См. „Вѣстн. Теософ.“ 1911 г., № 3.

* Онъ же Зороастръ—нарицательное имя великихъ учителей Персіи и основателей религіи.

Случайно высказанное о комъ нибудь мнѣніе, самая невинная на первый взглядъ догадка съ невѣроятной быстротой переходитъ изъ устъ въ уста, растетъ какъ снѣжный комъ, видоизмѣняется, превращаясь порой въ своего рода вихрь самыхъ дикихъ страстей, самыхъ чудовищныхъ вымысловъ, самыхъ нелѣпыхъ обвиненій. А что сказать о цѣломъ рядѣ пошлыхъ словечекъ, анекдотовъ сомнительнаго свойства, дружескихъ ругательствъ, хотя произносимыхъ и безъ злобы, но все же оскверняющихъ и воздухъ, и слухъ? Ихъ можно сравнить съ пылью: каждая пылинка сама по себѣ какъ будто и незначительна, но въ общей массѣ покрываютъ эти отдѣльныя пылинки всѣ предметы и одежду сѣрымъ нечистымъ налетомъ.

Еще большей степенью силы и живучести обладаютъ чувства, настроенія и въ особенности мысль. *Въ самомъ прямомъ и буквальномъ значеніи слова* она проникаетъ черезъ стѣны и съ быстротой молніи расходится во всѣ стороны, вызывая созвучныя вибраціи (дрожаніе) въ мозгу людей подобно тому, какъ звучащая струна вызываетъ отвѣтный звукъ во всѣхъ струнахъ одинаковаго тона.

Поэтому мысль любви вызываетъ и усиливаетъ любовь, ненависти—ненависть чувственности—чувственность. И, хотя непроявленная, но порожденная, вами мысль можетъ перейти въ дѣйствіе у человѣка, которому она передалась.

Кто не знаетъ огромнаго значенія книгъ — этихъ мыслей, запечатлѣнныхъ на бумагѣ. Каждая изъ нихъ является своего рода маленькой электрической батареей той или иной силы и напряженности, и горе тому дому, гдѣ не только читаютъ, но гдѣ лежитъ много пошлыхъ, ничтожныхъ или просто скверныхъ книгъ. Заключенныя въ нихъ мысли и настроенія, какъ невидимыя излученія радія, проходятъ сквозь переплетъ, электризуютъ тѣми или иными токами, какъ и произносимыя слова, самый воздухъ, которымъ мы дышимъ. Роль такой книги въ области духа та-же, что роль трупа въ сферѣ физической—она не только сѣетъ, но и притягиваетъ къ себѣ всѣ элементы разложенія, дисгармоніи и смерти, являясь, опять таки въ самомъ прямомъ и буквальномъ смыслѣ слова, источникомъ заразы и болѣзней—только не тѣла, а духа.

Мыслить—значитъ дѣйствовать *).

---

* Къ этому выводу уже близко подходитъ и позитивная наука. См. изслѣдованія д-ровъ Бехтерева, Котика и др.

„Говорю вамъ—кто взглянетъ на женщину съ вожделѣніемъ, тотъ уже согрѣшилъ съ ней въ сердцѣ своемъ“, учитъ Христосъ.

Не удивительно поэтому, что наиболѣе выдающіеся учителя церкви всегда обращали самое серьезное вниманіе на „борьбу съ помысломъ“, видя въ немъ главный источникъ всѣхъ грѣхопаденій.

„Необходимо твердо знать и всегда помнить, что не отъ слабости, не отъ разсѣянности, не отъ небрежности, не отъ легкомысленности только нашей все это (паденія) происходитъ съ нами, а главнымъ образомъ—отъ незнанія того процесса, которымъ помыслы доводятъ насъ до страстей, отъ нежеланія и неумѣнья бороться съ ними и побѣждать ихъ, отъ забвенія о своемъ назначеніи, отъ невѣдѣнія, что противопоставлять имъ“ *).

При этомъ, по мнѣнію отцовъ церкви, ни одно почти паденіе не происходитъ сразу, а всегда съ постепенностью, начинаясь съ самой невинной на первый взглядъ формы помысла—такъ называемаго *Прилога.*

Прилогъ—это случайная, не зависящая отъ вашей воли мысль; она можетъ явиться отъ нечаянно подслушаннаго обрывка фразы, отъ сцены на улицѣ, газетнаго сообщенія и даже безъ всякой видимой причины—просто какъ дошедшее до васъ порожденіе чужой души.

И какъ бы эта мысль сама по себѣ ни была дурна, нѣтъ въ ней опасности, если вы тотчасъ отмѣтили ее, осознали и произвели должную оцѣнку, не допустивъ ея до *сочетанія*, т. е., по выраженію св. Отцовъ, собесѣдованія съ пришедшимъ дурнымъ помысломъ. Это собесѣдованіе является уже своего рода скрытымъ, порою и не вполнѣ сознаннымъ интересомъ и любованіемъ, благодаря чему пришедшій помыселъ какъ бы пускаетъ въ вашу душу ростки, задерживается, сочетается съ вашими уже мыслями, отравляя ихъ своимъ ядомъ. Поэтому усиленно рекомендуется, какъ только замѣтите въ себѣ дурную или даже подозрительную по качеству мысль—немедленно употребить усилія освободиться отъ нея, *не столько борьбой съ ней, осужденіемъ ея, сколько замѣной другой хорошей*, возвышенной, благородной или даже просто интересной,—иначе сочетаніе легко переходитъ въ *Сложеніе*, т. е. сознательное уже принятіе дурного помысла. Иначе говоря, сложеніе—это дурной, безнравственный поступокъ, совершаемый нами только мысленно и, по выраженію отцовъ, „такое состояніе

*) „Отецъ нашъ Нилъ Сорскій“, стр. 30—31.

души весьма виновно и подлежитъ запрещенію“, т. е. требуетъ уже спеціальнаго очищенія души покаяніемъ, чтеніемъ или особыми подвигами.

Гораздо хуже обстоитъ дѣло, когда умъ дошелъ до *плѣненія*, т. е. до повторнаго воспріятія однѣхъ и тѣхъ же дурныхъ мыслей.

Тутъ этотъ процессъ происходитъ какъ бы механически— сталъ привычкой. Вы уже не можете не думать. Не человѣкъ владѣетъ своей мыслью, а мысль владѣетъ человѣкомъ какъ вампиръ, высасывая изъ него живые соки души и толкая на поступки.

„Преступленіе и наказаніе“ Достоевскаго съ полной наглядностью показываетъ этотъ медленный процессъ созидающейся „навязчивой идеи“, которая какъ бы покрываетъ душу чехломъ, сквозь который уже никакая иная мысль не можетъ пробить себѣ дороги. Мелькнулъ какъ то у Раскольникова вопросъ—пока только вопросъ — зачѣмъ живутъ хищники-ростовщики? Не лучше ли было бъ ихъ уничтожить и, уничтоживъ, всѣмъ награбленнымъ добромъ осчастливить людей, облегчить страданіе, нищету.

Мелькнулъ вопросъ и пропалъ. Точно его и не было. Но вотъ жизнь наталкиваетъ его на новые ужасы. „Онъ вздрогнулъ: одна, тоже вчерашняя, мысль опять пронеслась въ его головѣ. Но вздрогнулъ онъ не оттого, что пронеслась эта мысль. Онъ вѣдь зналъ, онъ *предчувствовалъ*, что она непремѣнно „пронесется“, и уже ждалъ ея; да и мысль эта была совсѣмъ не вчерашняя. Но разница была въ томъ, что мѣсяцъ назадъ, и даже вчера еще, она была только мечтой, а теперь... теперь явилась вдругъ не мечтой, а въ какомъ то новомъ, грозномъ и совсѣмъ незнакомомъ ему видѣ, и онъ вдругъ самъ созналъ это... Ему стукнуло въ голову и потемнѣло въ глазахъ“ *).

Прежде мысль была общая, неопредѣленная — уничтожить вообще кого то ненужнаго, вреднаго.

Теперь этотъ общій расплывчатый образъ принялъ уже вполнѣ опредѣленную форму знакомой старухи процентщицы. При этомъ мысль получаетъ надъ Раскольниковымъ такую власть, дѣлается столь живой, превращаясь какъ бы въ невидимый, но вполнѣ реальный подстрекатель и соучастникъ, что самъ Раскольниковъ является уже какъ бы слѣпымъ безвольнымъ орудіемъ въ рукахъ уже *чужой внѣшней* воли.

---

*) Полн. собр. соч. Достоевскаго, т. V „Преступл. и наказ.“. Изд. Маркса, СПБ. 1894 г., стр. 47.

Эта внѣшняя воля—воля имъ же взлелеянной, когда то слабой и ничтожной *мысли*, ставшей уже самостоятельно волящимъ *существомъ*. Ибо что такое существо, какъ не соединеніе извѣстной живой формы (а у мысли есть форма) съ опредѣленной, вложенной въ нее волей или духовнымъ содержаніемъ? Вотъ почему даже въ обычной рѣчи часто наталкиваешься на выраженія: „имъ овладѣла страсть" „онъ поддался безумной страсти" и т. п.

Страсть—по выраженію отцовъ церкви „это привычка, ставшая какъ бы естествомъ души".

Но, помимо необходимости знать, *какъ* бороться, нужно знать еще и съ чѣмъ, какіе именно помыслы („прилоги") должны быть отнесены къ числу безусловно дурныхъ.

Учителя церкви составили длинный списокъ всяческихъ грѣховъ, перечислять которыхъ было бы излишне, т. к. большинство и безъ того извѣстны всякому—тутъ есть и ложь, и жадность, и зависть, и гнѣвъ, которые, повторяю, никто за добродѣтель не сочтетъ. Но надо остановиться на двухъ великихъ искусителяхъ, которыхъ очень много людей не только за таковыхъ не считаютъ, но зачастую готовы признать въ нихъ даже нѣчто положительное.

Я говорю о помыслахъ *печали* и *унынія*. „Малодушіе и безнадежіе принадлежатъ къ предметамъ душепагубнымъ", говоритъ Василій Великій (6 томъ, стр. 358). Еще опредѣленнѣе высказывается Нилъ Сорскій: „Если возобладаетъ нами уныніе, то душѣ предлежитъ великій подвигъ. Лютый духъ, жестокъ духъ унынія, а въ соединеніи съ духомъ скорби, когда споспѣшествуетъ, помогаетъ своему послѣднему, онъ бываетъ лютѣе и тягостнѣе"*.

Конечно это отнюдь не означаетъ, что, сдѣлавъ что-нибудь завѣдомо дурное, мы должны отнестись къ этому равнодушно. Совсѣмъ напротивъ—чѣмъ строже отнесешься къ себѣ—тѣмъ лучше: но какъ бы мы себя ни укоряли—это сознаніе своей вины отнюдь не должно привести къ унынію, а наоборотъ вызвать горячую вѣру въ возможность исправленія при повторныхъ и настойчивыхъ усиліяхъ съ нашей стороны.

Въ послѣднее время все чаще и чаще приходится наталкиваться на людей, которые, стремясь къ славѣ, къ видному положенію среди своихъ современниковъ или даже къ проведенію въ жизнь великой идеи, убѣдившись, что роль Толстыхъ, Платоновъ, Пушкиныхъ или Галилеевъ имъ совершенно не подъ силу, рѣша-

---

* См. „Отецъ нашъ Нилъ Сорскій".

ютъ, что они негодны ни къ чему, впадаютъ въ полное отчаяніе и уже не дѣлаютъ и того малаго, что въ настоящее время было бы имъ вполнѣ доступно и могло бы послужить основаніемъ дѣйствительной крупной и полезной дѣятельности. Происходитъ это потому, что люди эти, глядя на геніевъ, судятъ о нихъ лишь по полученнымъ результатамъ — красивымъ цвѣтамъ или сочнымъ плодамъ, совсѣмъ не задумываясь надъ долгой подземной, а потому невидной работой малаго зерна, изъ котораго вышелъ первый пробившійся къ свѣту ростокъ восхитившаго ихъ растенія.

Строго говоря, если углубиться въ содержаніе „унынія", мы непремѣнно увидимъ, насколько оно сродни эгоизму.

Въ уныніе впадаемъ главнымъ образомъ потому, что свое *Я* оцѣниваемъ гораздо выше, чѣмъ оно того заслуживало. Отрѣшитесь отъ этого самолюбиваго и самолюбующагося Я, и унынію не будетъ уже мѣста, такъ какъ всегда найдется поводъ къ дѣятельности, а дѣятельность (искренняя, а не показная) требуетъ творчества, а творчество вызываетъ тотъ душевный ростъ, который въ корнѣ убиваетъ даже возможность унынія.

Есть огромная связь между внутреннимъ содержаніемъ и внѣшней формой. Человѣкъ можетъ обладать безобразными чертами лица, но если душа его постоянно занята мыслями добра и красоты — эта внутренняя красота непремѣнно отразится и наружу и некрасивое лицо сдѣлается, если не красивымъ, то прекраснымъ.

Вотъ почему ищущему необходимо взять себѣ за постоянное правило—*никогда не выходить передъ людьми съ унылымъ, нахмуреннымъ лицомъ,* помня, что одинъ видъ унынія понижаетъ общее чувство жизни, дѣлаетъ всѣхъ хоть немного несчастнѣе. Работая же надъ выраженіемъ лица, вы поневолѣ доберетесь до источника, его вызвавшаго.

Мнѣ разсказывали объ одномъ очень интересномъ фактѣ, какъ нельзя лучше поясняющемъ только что сказанное. Пріѣхалъ по дѣламъ въ Россію нѣкій англичанинъ, которому ежедневно приходилось по нѣсколько часовъ проводить въ какомъ то учрежденіи. Жилъ онъ одиноко и, плохо владѣя русскимъ языкомъ, ни съ кѣмъ почти не сближался. Пробылъ онъ около двухъ мѣсяцевъ и затѣмъ уѣхалъ. Но наканунѣ отъѣзда подошелъ къ одному изъ служащихъ того учрежденія, гдѣ ежедневно бывалъ, и началъ горячо его благодарить за огромную услугу, ему оказанную. Тотъ немало удивился. Какая тамъ услуга, когда люди даже не разговаривали.

— Нѣтъ, сказалъ англичанинъ, вы мнѣ почти спасли жизнь. Я такъ тосковалъ, что былъ близокъ къ самоубійству, если бы не та ласковая улыбка, съ которой вы со мной здоровались. Вспомню вашу улыбку, и чувствую, что здѣсь, на чужбинѣ, я не совсѣмъ одинъ и, думалось мнѣ, въ случаѣ нужды будетъ хоть одинъ человѣкъ, въ комъ найду сочувствіе.

Вотъ что можетъ сдѣлать одна улыбка—этотъ лучъ солнца изъ радостныхъ духовныхъ сферъ.

И нельзя „стать на Путь", пока не научитесь распространять эти лучи, а для этого необходимо сдѣлать прозрачнымъ нашу душу отъ всей нечистоты, которая не даетъ проявиться солнечности нашей истинной природы.

И очиститься надо „до конца", великимъ терпѣніемъ, пройдя черезъ многія испытанія, которыя на твоемъ пути поставитъ тебѣ Жизнь. „Лѣстница, по которой стремящійся поднимается, построена изъ ступеней страданія и скорби, утишить ихъ можетъ лишь голосъ праведности. Горе же тебѣ, ученикъ, если перенесешь ты съ собой хоть единый порокъ, не покинувъ его внизу, ибо тогда лѣстница подломится *и низвергнетъ* тебя". Такъ говоритъ „Голосъ Безмолвія" *).

Е. Кузминъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ.

Оно было въ началѣ у Бога.

Все чрезъ Него начало быть, и безъ Него ничто не начало быть, что начало быть.

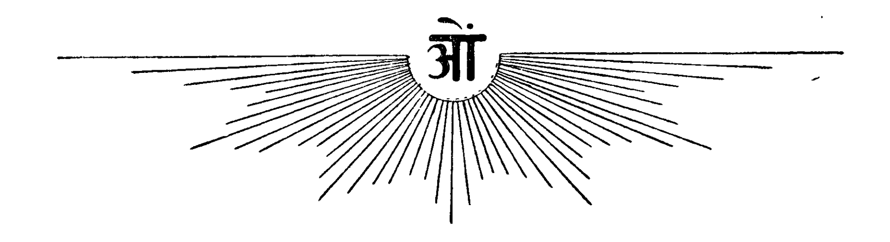
Въ Немъ была жизнь, и жизнь была свѣтъ человѣковъ.

И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объяла его.

(Еванг. отъ Іоанна, I, 1—5).

---

*) „Голосъ Безмолвія" изъ сокровенныхъ индусскихъ писаній. Обнародов. Ел. Пет. Блаватской. Перев. съ англ. Е. П. Калуга. 1908 г. Цѣна 35 к.

Чудо Пурунъ Бхагата.

Рёдьярдъ Киплингъ.

Жилъ нѣкогда въ Индіи человѣкъ, который былъ первымъ министромъ одного изъ полунезависимыхъ туземныхъ государствъ въ сѣверо-западной части страны. Онъ былъ браминомъ такой высокой касты, что каста даже перестала имѣть для него особенное значеніе; и его отецъ былъ важнымъ лицомъ среди разноцвѣтной толпы придворныхъ старосвѣтскаго индусскаго двора. Но, когда Пурунъ Дассъ выросъ, онъ почувствовалъ, что старый порядокъ вещей мѣнялся, и что кто хотѣлъ успѣха въ жизни, тотъ долженъ былъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ англичанами и подражать всему, что они считаютъ хорошимъ. Въ то же время туземный чиновникъ долженъ былъ сохранять милость своего господина. Это была трудная игра, но спокойный молчаливый молодой браминъ, которому помогало хорошее англійское образованіе, полученное въ Бомбейскомъ университетѣ, игралъ ее хладнокровно и шагъ за шагомъ поднялся до положенія перваго министра въ государствѣ. А это значило, что онъ имѣлъ даже больше дѣйствительной власти, чѣмъ его господинъ магараджа.

Когда умеръ старый король—подозрительно относившійся къ англичанамъ, къ ихъ желѣзнымъ дорогамъ и телеграфамъ—Пурунъ Дассъ поднялся еще выше при его молодомъ наслѣдникѣ, воспитанномъ англичаниномъ. И съ молодымъ магараджей они произвели множество реформъ, хотя въ то же время Пурунъ Дассъ все время заботился, чтобы его господинъ не потерялъ довѣрія въ странѣ. Они открывали школы для дѣвочекъ, проводили дороги, устраивали казенныя аптеки и выставки сельско-хозяйственныхъ орудій, и ежегодно публиковали *синюю книгу* „Моральнаго и матеріальнаго прогресса государства“. Министерство иностранныхъ

дѣлъ и индійское правительство были въ восхищеніи. Очень немногія туземныя государства принимаютъ англійскій прогрессъ за идеалъ, потому что они не хотятъ повѣрить, какъ повѣрилъ Пурунъ Дассъ, что то, что хорошо въ Англіи, должно быть дважды хорошо въ Азіи. Первый министръ сдѣлался уважаемымъ другомъ вице-королей, и губернаторовъ, и вице-губернаторовъ, и докторовъ, и миссіонеровъ и англійскихъ офицеровъ, пріѣзжавшихъ на охоту, и множества туристовъ, которые въ холодный сезонъ странствуютъ вдоль и поперекъ Индіи и объясняютъ мѣстнымъ жителямъ, какъ нужно устраивать индійскія дѣла. Въ свободное время Пурунъ Дассъ учреждалъ стипендіи для изучающихъ медицину, открывалъ фабрики по англійскому образцу и писалъ письма въ *Піонеръ*, самую большую индійскую ежедневную газету, объясняя планы и намѣренія своего господина.

Наконецъ онъ поѣхалъ въ Англію, и по возвращеніи долженъ былъ заплатить огромныя деньги священникамъ, потому что браминъ, даже такой высокой касты, какъ Пурунъ Дассъ, теряетъ касту, переплывъ холодное море.—Въ Лондонѣ онъ встрѣчался и говорилъ со всѣми, кого стоило знать—съ людьми, имена которыхъ зналъ весь свѣтъ—и видѣлъ много больше, чѣмъ слышалъ. Онъ получалъ почетныя степени отъ ученыхъ обществъ и университетовъ, говорилъ рѣчи и бесѣдовалъ о соціальныхъ реформахъ въ Индіи съ англійскими леди въ бальныхъ туалетахъ. Пока наконецъ весь Лондонъ не началъ кричать: это самый очаровательный человѣкъ, какого только можно встрѣтить за обѣдомъ.

Когда онъ вернулся въ Индію, это былъ верхъ его славы. Самъ вице-король пріѣхалъ передать магараджѣ большой крестъ Индійской звѣзды—весь осыпанный бриллiантами. И при этой же самой церемоніи, въ то время, когда гремѣли пушки, Пурунъ Дассъ получилъ коммандорскій орденъ Индійской Имперіи, такъ что его имя теперь должно было писаться—сэръ Пурунъ Дассъ *K. C. I. E.*

Въ этотъ вечеръ за обѣдомъ въ большомъ шатрѣ вице-короля онъ всталъ со знаками на груди и, отвѣчая на тостъ за здоровье магараджи, произнесъ рѣчь, превзойти которую могли бы немногіе изъ англичанъ.

А на слѣдующій мѣсяцъ, когда городъ вернулся къ своему обычному покою подъ жгучимъ солнцемъ, онъ сдѣлалъ вещь, которая не могла даже присниться никому изъ англичанъ. Насколько

идутъ мірскія дѣла — онъ умеръ. Драгоцѣнный коммандорскій орденъ былъ возвращенъ индійскому правительству. Новый первый министръ былъ назначенъ на его мѣсто. И вокругъ главнаго поста опять началась обычная игра интригъ въ пользу слѣдующаго кандидата. Только священники знали, что случилось, да догадывался народъ. Но Индія—это единственное мѣсто на свѣтѣ, гдѣ человѣкъ можетъ сдѣлать съ собой все, что хочетъ, и гдѣ никто не спроситъ его, почему. Поэтому не нашли ничего необыкновеннаго и въ томъ фактѣ, что первый министръ, сэръ Пурунъ Дассъ, коммандоръ ордена индійской Имперіи, промѣнялъ положеніе, дворецъ и власть на чашечку для собиранія милостыни и на желтое платье Сунніази или святого человѣка. У него было, какъ предписываетъ древній законъ, двадцать лѣтъ молодости, двадцать лѣтъ войны—хотя онъ никогда въ жизни не носилъ оружія—и двадцать лѣтъ главенства въ семействѣ. Онъ пользовался своимъ богатствомъ и властью для того, что считалъ достойнымъ, принималъ почести, когда онѣ шли къ нему; видѣлъ людей и города и близкіе и далекіе, и люди и города встрѣчали и чтили его. Теперь онъ оставлялъ все это, какъ человѣкъ который снимаетъ ненужную ему больше одежду.

Когда онъ проходилъ черезъ городскія ворота, со шкурой антилопы и съ палкой съ мѣднымъ крючкомъ подъ мышкой и съ чашечкой изъ скорлупы кокосоваго орѣха для милостыни въ рукѣ, босой, одинъ, съ глазами опущенными въ землю—сзади гремѣли салюты съ бастіоновъ въ честь его счастливаго преемника. Пурунъ Дассъ кивнулъ головой. Та жизнь была кончена. И онъ начиналъ относиться къ ней съ такимъ безразличіемъ, съ какимъ человѣкъ относится ко сну прошедшей ночи, уже лишенному красокъ. Онъ былъ теперь Сунніази—бездомный, бродячій нищій, зависящій отъ ближнихъ въ своемъ хлѣбѣ насущномъ. Это не безпокоило его. Онъ зналъ, что пока въ Индіи есть кусокъ хлѣба, который можно разломить пополамъ, ни священникъ, ни нищій не умрутъ съ голода.—Лишенія не пугали его. Онъ никогда въ жизни не пробовалъ мяса и очень рѣдко ѣлъ рыбу. Пять фунтовъ въ годъ покрывали его личные расходы на столъ, въ то время когда онъ былъ неограниченнымъ хозяиномъ милліоновъ. Даже когда онъ игралъ роль льва въ Лондонѣ, передъ нимъ стояла какъ мечта мира и покоя—длинная, бѣлая, пыльная индійская дорога, покрытая слѣдами босыхъ ногъ, медленно двигающіеся обозы и острый запахъ дыма, вьющагося въ сумеркахъ подъ фиговыми деревьями, гдѣ сидятъ за ужиномъ путники.

Когда пришло время осуществить эту мечту, первый министръ избралъ самый вѣрный путь; и черезъ три дня вы легче бы нашли мыльный пузырь въ волнахъ Атлантическаго океана, чѣмъ Пурунъ Дасса среди бродячихъ милліоновъ Индіи.

На ночь онъ разстилалъ шкуру антилопы. тамъ гдѣ его заставала темнота: иногда въ монастырѣ Сунніази около дороги; иногда въ кумирнѣ Кала Пиръ съ глиняными колонками, гдѣ Іоги—другое мистическая секта святыхъ людей — принимали его, какъ они принимаютъ всѣхъ, кто знаетъ чего стоютъ всѣ касты и секты — иногда около какой-нибудь маленькой индусской деревеньки, гдѣ дѣти приносили ему пищу, которую приготовили ихъ матери—а иногда просто на пастбищѣ, гдѣ огонь его костра будилъ дремавшихъ верблюдовъ. Все это было безразлично для Пурунъ Дасса или Пурунъ Бхагата, какъ онъ теперь называлъ себя. Земля, люди, пища—были безразличны ему. Но безсознательно его ноги вели его къ сѣверу и къ востоку; съ юга къ Рохтаку; отъ Рохтака къ Курнулу; отъ Курнула къ разрушенному Саманаху, и потомъ вверхъ по сухому руслу Гуджера, рѣки текущей только во время дождей—пока наконецъ онъ не увидѣлъ въ дали линію великихъ Гималаевъ.

Тогда Пурунъ Бхагатъ улыбнулся. Онъ вспомнилъ, что его мать была браминка родомъ изъ Ражпута, съ пути Кулу,—женщина съ горъ, постоянно тосковавшая о снѣгѣ. А послѣдняя капля горной крови въ концѣ концовъ приведетъ человѣка назадъ туда, откуда онъ произошелъ.—„Тамъ, сказалъ себѣ Пурунъ Бхагатъ, поднимаясь на нижніе склоны горъ, гдѣ расли кактусы, похожіе на семисвѣчники,—„тамъ я останусь и постигну премудрость“. И свѣжій вѣтеръ съ Гималаевъ свистѣлъ мимо его ушей, когда онъ шелъ по дорогѣ ведущей къ Симлѣ.

Послѣдній разъ онъ проѣзжалъ по этой дорогѣ съ блестящимъ кавалерійскимъ конвоемъ—съ визитомъ къ самому симпатичному и любезному изъ вице-королей. И они говорили тогда цѣлыхъ два часа объ общихъ друзьяхъ въ Лондонѣ и о томъ, какъ въ дѣйствительности думаетъ о вещахъ простой народъ въ Индіи. На этотъ разъ Пурунъ Бхагатъ не сдѣлалъ визита вице-королю. Онъ прислонился къ парапету дороги, смотря на чудную картину равнинъ разстилавшихся внизу на сорокъ миль—и стоялъ пока туземный полисменъ изъ мусульманъ не сказалъ ему, что онъ мѣшаетъ прохожимъ, и Пурунъ Бхагатъ почтительно поклонился закону, потому что онъ зналъ цѣну его и искалъ закона для себя. Онъ двинулся дальше и спалъ эту ночь въ пустой хижинѣ

въ Чота Симла, которая кажется самимъ краемъ свѣта. Но это было только начало его путешествія.

Онъ пошелъ тибетской дорогой черезъ Гималаи—эта дорога вся въ десять футовъ шириной или пробита въ твердыхъ скалахъ, или построена изъ деревянныхъ бревенъ и виситъ надъ пропастями въ тысячу футовъ глубиной; она спускается въ теплыя сырыя, со всѣхъ сторонъ закрытыя долины; поднимается на голые заросшіе травой, отроги холмовъ, гдѣ солнце жжетъ, какъ зажигательное стекло; вьется черезъ темные лѣса, гдѣ растутъ древовидные папортники со стволомъ въ человѣческій ростъ, и перекликаются фазаны. Онъ встрѣчалъ тибетскихъ пастуховъ съ ихъ собаками и стадами овецъ, бродячихъ дровосѣковъ, закутанныхъ въ плащи и одѣяла ламъ изъ Тибета, идущихъ пилигриммами въ Индію, встрѣчалъ курьеровъ маленькихъ горныхъ государствъ, бѣшено мчащихся на маленькихъ лошадкахъ, встрѣчалъ кавалькады раджей, ѣдущихъ въ гости, а иногда въ теченіе длиннаго яснаго дня онъ не видѣлъ никого кромѣ чернаго медвѣдя, ворчащаго и роющаго корни, внизу въ долинѣ. Въ началѣ пути шумъ міра еще оставался у него въ ушахъ, какъ остается въ ушахъ шумъ туннеля, долго послѣ того какъ поѣздъ вышелъ на свѣтъ. Но когда перевалъ Мютіэни остался позади его—все было кончено. И Пурунъ Бхагатъ остался одинъ съ самимъ собой—и шелъ размышляя съ глазами, опущенными въ землю, и съ мыслями за облаками.

Разъ вечеромъ онъ проходилъ перевалъ, выше котораго ему еще не попадалось. Два дня поднимался онъ вверхъ — и наконецъ вышелъ на линію снѣжныхъ вершинъ, со всѣхъ сторонъ закрывавшихъ горизонтъ. Горы въ пятнадцать и двадцать тысячъ футовъ высотой стояли такъ близко, что, казалось, до нихъ можно добросить камень, хотя на самомъ дѣлѣ онѣ были въ пятидесяти и шестидесяти миляхъ. Перевалъ былъ покрытъ густымъ, темнымъ лѣсомъ — деодаръ, грецкій орѣхъ, дикая вишня, дикая олива и дикая груша, но больше всего деодаръ, гималайскій кедръ. И подъ тѣнью деодаровъ стояла покинутая кумирня богини Кали—она же Дурга, она же Ситала, къ которой иногда ходятъ молиться отъ оспы.

Пурунъ Дассъ чисто вымелъ каменный полъ кумирни; улыбнулся смѣющейся статуѣ; сдѣлалъ себѣ маленькій глиняный очагъ сзади кумирни; разстелилъ свою шкуру антилопы на постели изъ свѣжихъ сосновыхъ иглъ; и сѣлъ отдыхать, подперевъ себя подъ мышку, своей *байраги*,—палкой съ мѣднымъ крючкомъ.

Прямо передъ нимъ склонъ горы падалъ внизъ отвѣсной стѣной на полторы тысячи футовъ, и внизу лежала маленькая деревушка, каменныя хижинки которой съ глинобитными крышами прилѣпились къ самому откосу. Кругомъ деревушки терассами лежали крошечныя поля, точно вышитый передникъ на колѣняхъ горъ, и между гладкими каменными валунами паслись коровы величиною съ пчелъ. При взглядѣ черезъ долину глазъ обманывался въ величинѣ вещей, и трудно было подумать, что мелкая заросль на противоположной стѣнѣ горъ—на самомъ дѣлѣ была лѣсомъ стофутовыхъ сосенъ. Пурунъ Бхагатъ увидѣлъ орла, поднявшагося надъ гигантской пустотой—и огромная птица стала точкой на полпути. Нѣсколько обрывковъ разорванныхъ облаковъ тамъ и сямъ висѣли, цѣпляясь за выступы скалъ, — или медленно поднимались и таяли, доходя до высоты перевала.

— Здѣсь я найду миръ, сказалъ себѣ Пурунъ Бхагатъ.

Для жителя горъ ничего не стоитъ сдѣлать нѣсколько сотъ футовъ вверхъ или внизъ, и, какъ только поселяне замѣтили дымокъ надъ покинутой кумирней, деревенскій жрецъ вскарабкался по террасамъ горнаго склона привѣтствовать странника.

Когда онъ встрѣтилъ глаза Пурунъ Бхагата,—глаза человѣка привыкшаго наблюдать за тысячами людей, — онъ поклонился до земли, не говоря ни слова, взялъ кокосовую чашку для милостыни и вернулся въ деревню.

— Наконецъ, у насъ есть свой святой человѣкъ, сказалъ онъ поселянамъ. Никогда въ жизни не видалъ я такого человѣка. Онъ съ равнинъ, но блѣднаго цвѣта — браминъ изъ браминовъ.

И всѣ хозяйки въ деревнѣ сказали, — а какъ вы думаете останется онъ у насъ?—и каждая постаралась приготовить что-нибудь вкусное для Бхагата. Горная пища очень проста. Но изъ индійскаго жита, изъ риса и краснаго перца, изъ мелкой рыбы наловленой въ рѣчкѣ, протекавшей въ долинѣ, изъ дикаго меда, собраннаго въ ульяхъ, устроенныхъ въ расщелинахъ скалъ, изъ сушеныхъ абрикосовъ и дикаго имбиря набожная женщина можетъ сдѣлать много хорошихъ вещей. Жрецъ понесъ Бхагату полную чашку.

— Думаетъ-ли онъ остаться? спросилъ жрецъ. Не нуженъ-ли ему чела — ученикъ — собирать для него милостыню? Есть-ли у него одѣяло на случай холодной погоды? Нравится-ли ему пища?

Пурунъ Бхагатъ поѣлъ и поблагодарилъ принесшаго. Онъ думалъ остаться.

- Этого достаточно, сказалъ жрецъ. Пускай кокосовая чашечка ставится за кумирней во впадинѣ, между этими двумя свившимися корнями и Бхагатъ будетъ ежедневно получать пищу; потому что жители деревни понимаютъ, какая для нихъ честь, что такой человѣкъ — онъ робко посмотрѣлъ при этомъ въ лицо Бхагата—будетъ жить около нихъ.

Этотъ день видѣлъ конецъ странствованій Пурунъ Бхагата. Онъ пришелъ въ назначенное для него мѣсто и нашелъ то, что ему было нужно—молчаніе и пространство. Послѣ этого время остановилось—и онъ, сидя у входа въ кумирню не могъ сказать, живъ онъ или умеръ, человѣкъ-ли онъ съ властью надъ своими членами—или часть горъ, облаковъ, сѣющаго дождя или солнечнаго свѣта. Онъ тихо повторялъ себѣ *Имя* сотни сотенъ разъ и съ каждымъ повтореніемъ, ему казалось, что онъ все больше и больше выдвигается изъ своего тѣла и приближается къ дверямъ великой тайны. Но какъ только дверь отворялась, его тѣло влекло назадъ и съ печалью онъ чувствовалъ себя опять запертымъ въ тѣлѣ и костяхъ Пурунъ Бхагата.

Каждое утро наполненная чашка молчаливо ставилась за кумирней во впадинѣ между корнями. Иногда жрецъ приносилъ ее; иногда по тропинкѣ поднимался торговецъ изъ Ладакти, жившій въ деревнѣ и старавшійся заслужить передъ богами, но чаще это была женщина, съ вечера приготовившая пищу, и ставя чашку, она чуть слышно шептала: — поговори за меня передъ богами, Бхагатъ, поговори за такую-то, жену такого-то! — А иногда это былъ какой-нибудь смѣлый ребенокъ, которому доставалась честь отнести пищу Бхагату. И тогда Бхагатъ слышалъ, какъ поспѣшно ставилъ онъ чашку, и въ испугѣ бѣжалъ назадъ изо всей силы своихъ маленькихъ ногъ. Но Бхагатъ никогда не спускался въ деревню. Она, какъ на раскрашенномъ планѣ, лежала у его ногъ. Онъ могъ видѣть вечернія собранія, происходившія на току, потому что это было единственное ровное мѣсто, могъ видѣть удивительную, не имѣющую названія свѣжую зелень молодого риса, синія полосы индійскаго жита, зеленыя пятна гречихи и въ надлежащій сезонъ красныя полосы цвѣтущаго амаранта, крошечныя сѣмена котораго, больше похожія на пыль, чѣмъ на зерна, служатъ для приготовленія единственной пищи, которую индусы по закону могутъ ѣсть во время поста.

Когда приходило время жатвы кровли хижинъ внизу превращались въ квадратики чистаго золота, потому что на нихъ клали сушить снопы. Посѣвъ, жатва, молотьба все происходило подъ его глазами, все точно вышитое на маленькихъ кусочкахъ полей. И Пурунъ Бхагатъ смотрѣлъ на все это и думалъ о живущихъ внизу и старался разгадать къ чему они всѣ въ концѣ концовъ идутъ.

Даже въ населенной Индіи, если человѣкъ неподвижно просидитъ цѣлый день въ лѣсу, дикія животныя начнутъ бѣгать кругомъ него, какъ будто бы онъ былъ скалой. А въ этой глуши звѣри, хорошо знавшіе кумирню Кали, скоро пришли посмотрѣть на ея новаго обитателя. *Лангуры*, гималайскія обезьяны, съ сѣрыми бакенбардами были, конечно, первыми, потому что они—одно живое любопытство. Они перевернули кокосовую чашку для милостыни, прокатили ее по полу, попробовали свои зубы на мѣдномъ крючкѣ посоха Пурунъ Бхагата, сдѣлали нѣсколько гримасъ шкурѣ антилопы—и рѣшили, что человѣческое существо, которое сидитъ такъ тихо, совершенно безвредно. И вечеромъ они прыгали съ сосенъ и, протягивая руки, просили ѣсть и потомъ улетали вверхъ на деревья, большими изящными прыжками. Имъ нравилось тепло очага, и они собирались кругомъ него, такъ что Пурунъ Бхагату часто приходилось отодвигать ихъ въ сторону, чтобы подбросить топлива; а утромъ онъ находилъ иногда пушистую обезьянку, забившуюся къ нему подъ одѣяло. И цѣлый день то одна, то другая сидѣла рядомъ передъ линіей снѣговъ, вздыхая и смотря невыразимо умно и печально.

Послѣ обезьянъ пришелъ *баразингъ*, большой горный олень, похожій на краснаго оленя, только сильнѣе. Онъ хотѣлъ стереть старую кожу съ роговъ о статую Кали и взволнованно затопалъ ногами, увидавъ человѣка въ кумирнѣ. Но Пурунъ Бхагатъ не шевелился и мало по малу олень подвинулся къ нему и понюхалъ его плечо. Пурунъ Бхагатъ потихоньку дотронулся холодной рукой до горящихъ роговъ и это прикосновеніе успокоило раздраженное животное. Олень наклонилъ голову и Пурунъ Бхагатъ тихонько очистилъ рога. Потомъ *баразингъ* приводилъ свою лань и дѣтеныша, и изящныя животныя испуганно косились на одѣяло изъ шкуръ антилопы; а иногда онъ приходилъ по ночамъ одинъ за своей порціей свѣжихъ грецкихъ орѣховъ, и его глаза горѣли въ темнотѣ, какъ два зеленые огонька.

Наконецъ пришелъ мускусный олень, самый пугливый и самый маленькій изъ оленей, и стоялъ, какъ кроликъ, насторaживая высокія уши. Пурунъ Бхагатъ звалъ ихъ всѣхъ „братьями„— и, на его тихій зовъ — „Бхаи! Бхаи! — немедленно появлялся изъ лѣсу, кто былъ неподалеку.

Черный гималайскій медвѣдь, раздражительный и подозрительный *Сона*, съ бѣлымъ пятномъ въ видѣ римской цифры V на шеѣ, не разъ проходилъ мимо кумирни. И такъ какъ Бхагатъ не пугался, Сона не сердился — и постепенно подходилъ ближе; и наконецъ пришелъ въ кумирню за своей долей ласкъ и хлѣба и дикихъ вишенъ. Часто на такихъ зоряхъ, когда Бхагатъ взбирался на самый гребень перевала слѣдить, какъ красный день двигается по снѣговымъ вершинамъ, онъ слышалъ за собой сопѣніе и ворчаніе Соны, засовывающаго любопытную лапу подъ упавшіе стволы деревьевъ и съ нетерпѣливымъ фырканіемъ выдергивающаго ее обратно. А иногда его ранніе шаги будили Сону, свернувшагося, гдѣ нибудь за холмомъ, и огромный звѣрь, вставая на заднія лапы, готовился къ бою, пока не слышалъ голосъ Бхагата и не узнавалъ своего лучшаго друга.

Почти обо всѣхъ пустынникахъ и святыхъ людяхъ, живущихъ вдали отъ большихъ городовъ въ Индіи, говорятъ, что они могутъ творить чудеса съ дикими животными. Но все чудо заключается въ томъ, что они сидятъ тихо, никогда не дѣлаютъ быстрыхъ движеній и долгое время стараются не смотрѣть на приходящаго къ нимъ звѣря. Поселяне видѣли силуэтъ *баразинга,* который какъ тѣнь появлялся изъ темнаго лѣса за кумирней; видѣли *минауль*, гималайскаго фазана, переливающагося золотомъ передъ статуей богини Кали; видѣли *лангуровъ*, сидящихъ на корточкахъ въ кумирнѣ и играющихъ орѣховой скорлупой. Нѣкоторые изъ дѣтей слышали какъ Сона, по медвѣжьи, ворчалъ самъ съ собою за обломками скалъ, и репутація Бхагата, какъ чудотворца, стояла непоколебимо.

Но на самомъ дѣлѣ ничто не было такъ далеко отъ его ума, какъ чудеса. Онъ вѣрилъ, что всѣ вещи одно большое чудо. А когда человѣкъ знаетъ это, онъ уже имѣетъ нѣчто отъ чего итти дальше. Онъ зналъ, какъ несомнѣнное, что на этомъ свѣтѣ нѣтъ ничего ни большого, ни малаго. И день и ночь старался проложить своей мысли путь въ сердце вещей, обратно туда, откуда вышла его душа.

За этими мыслями онъ не замѣчалъ времени. Его волосы упали на плечи. На каменной плитѣ пола, рядомъ со шкурой ан-

тилопы, на томъ мѣстѣ, куда онъ упирался палкой, образовалась маленькая ямка. А впадина между корнями, куда ставилась кокосовая чашка для милостыни, стала такой же круглой и гладкой, какъ сама темная скорлупа. И каждое животное знало свое мѣсто у огня. Поля внизу мѣняли цвѣта съ перемѣнами временъ года; гумна наполнялись и опоражнивались и опять наполнялись, и опять опоражнивались, и опять, и опять. И когда проходила зима, *лангуры* прыгали среди вѣтвей, покрытыхъ легкимъ снѣгомъ; пока весной обезьяны-матери не приносили изъ теплыхъ долинъ своихъ дѣтенышей съ печальными глазами. Въ деревнѣ было мало перемѣнъ. Священникъ состарился; многіе изъ дѣтей, приносившихъ чашку съ милостынью, теперь посылали своихъ собственныхъ дѣтей; и когда спрашивали поселянъ, сколько времени живетъ святой человѣкъ въ кумирнѣ Кали на верху перевала, они отвѣчали—„всегда".

Разъ были такіе лѣтніе дожди, какихъ не помнили даже старики изъ поселянъ. Цѣлыхъ три мѣсяца долина была закутана въ облако и мокрый туманъ; и все время лилъ ни на минуту не прекращавшійся дождь, разражавшійся грозами, которыя слѣдовали одна за другой. Кумирня богини Кали стояла по большей части выше облаковъ, и цѣлый мѣсяцъ Бхагатъ не видѣлъ деревни. Она лежала внизу подъ бѣлымъ облакомъ, которое качалось, поднималось, перекатывалось, опускалось, но ни разу не отрывалось отъ скатовъ долины, покрытыхъ шумящими потоками.

И все это время Бхагатъ не слышалъ ничего кромѣ шума милліоновъ маленькихъ ручейковъ, бѣжавшихъ съ деревьевъ и по землѣ, просачивавшихся сквозь старую хвою, стекавшихъ съ широкихъ листьевъ папоротника и потомъ собиравшихся въ мутные потоки, бѣшено бившіе внизъ по откосамъ горы. Наконецъ вышло солнце, и по лѣсу распространилось благовоніе деодаровъ и рододендроновъ, и тотъ далекій чистый запахъ, который горные жители называютъ „запахомъ снѣга". Горячее солнечное сіяніе длилось недѣлю, и потомъ дождь собрался съ силой для послѣдняго натиска и полилъ цѣлыми потоками, размывавшими поверхность почвы и поднимавшими брызги жидкой грязи. Пурунъ Бхагатъ развелъ хорошій огонь въ эту ночь. Онъ думалъ, что его братья захотятъ погрѣться. Но ни одно животное не пришло въ кумирню, хотя онъ нѣсколько разъ выходилъ и звалъ ихъ, удивляясь, что такое случилось въ лѣсу.

Среди черной ночи, когда дождь стучалъ кругомъ, какъ тысяча барабановъ, онъ проснулся, чувствуя, что кто-то дергаетъ его за одѣяло. Онъ протянулъ руку и поймалъ маленькую руку лангура.

— Что, здѣсь лучше чѣмъ на деревьяхъ? проговорилъ онъ сонно, приподнимая одѣяло, иди сюда и согрѣйся.

Но обезьяна поймала его за руку и сильно потянула.

— Ты хочешь ѣсть? сказалъ Бхагатъ. Ну подожди, пока я что-нибудь найду тебѣ.

Онъ сталъ на колѣни, чтобы подбросить топлива въ огонь, а лангуръ отбѣжалъ къ двери кумирни, застоналъ, подбѣжалъ назадъ и схватилъ Пурунъ Бхагата за колѣно.

— Что такое? Въ чемъ дѣло, братъ? сказалъ Бхагатъ, потому что глаза лангура были полны вещей, которыхъ онъ не могъ сказать.—Кто-нибудь изъ вашихъ попалъ въ западню,—но никто не ставитъ теперь западней—и я не пойду въ такую погоду. Смотри, братъ, даже баразингъ пришелъ сюда въ тепло!

Олень стукнулъ рогами у входа въ кумирню, потомъ задѣлъ ими за статую богини Кали и затѣмъ, наклонивъ рога въ сторону Пурунъ Бхагата, онъ неловко переступилъ съ ноги на ногу, со свистомъ выпуская воздухъ изъ своихъ полузакрытыхъ ноздрей.

— *Хаи*! *хаи! хаи*! сказалъ Бхагатъ, тихонько щелкая пальцами. Это ты такъ платишь за пріютъ?—Но олень толкалъ его къ двери, и въ этотъ моментъ Бхагатъ услышалъ звукъ, какъ будто что-то открылось со вздохомъ—и онъ увидѣлъ, что двѣ каменныхъ плиты на полу отошли одна отъ другой и между ними проступила полоска жидкой грязи.

— Теперь я понимаю! сказалъ себѣ Бхагатъ. Нечего винить моихъ братьевъ, что они не хотѣли сидѣть у огня сегодня вечеромъ. Гора падаетъ. И они пришли предупредить меня... Но зачѣмъ я пойду?..

Въ этотъ моментъ его взглядъ упалъ на кокосовую чашечку для милостыни и выраженіе его лица перемѣнилось.

— Они кормили меня такъ хорошо съ того дня... съ того дня, какъ я пришелъ сюда, проговорилъ онъ. И теперь, если я не буду спѣшить, завтра не останется ни одной живой души въ долинѣ. Да, я долженъ итти и поднять ихъ! Назадъ, братъ! Дай мнѣ достать огня.

Баразингъ неохотно попятился, и Пурунъ Бхагатъ всунулъ глубоко въ огонь толстый сосновый сукъ и вертѣлъ его тамъ, пока онъ хорошо разгорѣлся.

— Такъ вы пришли за мной,—сказалъ онъ, поднимаясь и обращаясь къ звѣрямъ. Но мы сдѣлаемъ лучше, гораздо лучше. Ну теперь дай мнѣ твою шею, братъ, потому что у меня только двѣ ноги.

Онъ схватился за жесткую холку баразинга правой рукой, лѣвой рукой поднялъ свой факелъ и вышелъ изъ кумирни въ непроглядный мракъ ночи. Не было даже дыханія вѣтра. Но дождь лилъ потоками и почти потушилъ факелъ, въ то время какъ большой олень поспѣшно спускался по склону, скользя на ляжкахъ. Какъ только они вышли изъ лѣса, къ нимъ присоединились другіе братья Бхагата. Хотя онъ не могъ ничего видѣть, онъ слышалъ кругомъ себя торопливые шаги *лангуровъ* и сзади нетерпѣливое сопѣніе *Соны*. Дождь сбилъ въ пряди его длинные сѣдые волосы; вода плескалась подъ его босыми ногами, и его желтая одежда намокла и прилипла къ его слабому старому тѣлу, но онъ упорно шелъ впередъ, опираясь на *баразинга*. Онъ не былъ больше святымъ человѣкомъ маленькой горной деревушки,— онъ былъ опять сэръ Пурунъ Дассъ, коммандоръ ордена индійской имперіи, первый министръ значительнаго государства, человѣкъ привыкшій повелѣвать и шедшій теперь спасать жизни. По крутой обрывистой тропинкѣ спѣшили они всѣ вмѣстѣ, Бхагатъ и его братья, внизъ и внизъ, пока копыта оленя не стукнули о низкую стѣнку гумна и онъ не зафыркалъ, почуявъ близость человѣка. Они стояли теперь у начала кривой улицы деревушки, и Бхагатъ подошелъ къ первой хижинѣ и началъ стучать своей палкой въ ставни. Пламя его факела опять разгорѣлось подъ навѣсомъ.

— Вставайте, выходите! закричалъ Бхагатъ—и самъ не узналъ своего голоса, потому что уже много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ громко говорилъ съ людьми.

— Гора падаетъ! гора падаетъ! Вставайте и выходите всѣ!

— Это нашъ Бхагатъ, сказалъ кузнецъ женѣ. И съ нимъ всѣ его звѣри. Собирай дѣтей и зови другихъ.

Тревога быстро начала передаваться отъ дома къ дому, а звѣри, сжавшіеся кругомъ Бхагата на узкой улицѣ, топтались и мялись на одномъ мѣстѣ, и Сона нетерпѣливо фыркалъ.

Поселяне выбѣжали на́ улицу—ихъ всего было семьдесятъ душъ—и при свѣтѣ факеловъ они увидѣли Бхагата, сдерживающаго испуганнаго баразинга, обезьянъ хватающихся за его платье, и Сону, сидящаго на заднихъ лапахъ и начинающаго ревѣть отъ нетерпѣнія.

— Черезъ долину! И на ту сторону вверхъ! закричалъ Бхагатъ. Никого не оставлять сзади! Мы идемъ за вами!

Поселяне побѣжали, какъ только умѣютъ бѣгать горцы. Они знали, что во время обваловъ нужно карабкаться на самое высокое мѣсто противоположной стороны долины. Они втродъ перебрались черезъ рѣчку, протекавшую внизу долины и побѣжали вверхъ по своимъ полямъ, террасами поднимавшимся вверхъ. Бхагатъ со своими братьями слѣдовалъ за ними. Вверхъ и вверхъ по противоположному склону поднимались поселяне, перекликаясь между собой, чтобы никто не отсталъ—и по ихъ слѣдамъ поднимался баразингъ, за котораго держался быстро терявшій силы Пурунъ Бхагатъ. Наконецъ олень остановился въ тѣни густого сосноваго лѣса, на пятьсотъ футовъ выше долины. Его инстинктъ, предупредившій его о грозящемъ обвалѣ, сказалъ ему, что здѣсь онъ въ безопасности.

Пурунъ Бхагатъ, совершенно ослабѣвшій, опустился на землю около него. Онъ чувствовалъ, что холодъ, сырость и непривычное усиліе убили его. Но онъ все-таки закричалъ по направленію къ разбросаннымъ впереди факеламъ. Остановитесь и пересчитайте всѣ ли здѣсь! и потомъ, видя, что они сошлись вмѣстѣ, онъ прошепталъ оленю.—Побудь со мною, братъ! Побудь здѣсь.... пока я уйду.

Въ этотъ моментъ въ воздухѣ послышался вздохъ, вздохъ превратился въ шопотъ, шопотъ выросъ въ ревъ, и ревъ покрылъ всѣ границы слуха. Склонъ холма, на которомъ стояли поселяне, вздрогнулъ въ темнотѣ отъ удара и затрясся. Потомъ нота, долгая, высокая и вѣрная, какъ высокое *ми* органа, заглушила все на пять минутъ. И пока она звучала, даже корни деревьевъ дрожали вмѣстѣ съ воздухомъ.

Звукъ замеръ. И шумъ дождя, падавшаго раньше на твердую землю, на листья и на траву, превратился въ мягкій шелестъ воды, льющей на разрыхленную землю. Это само сказало за себя.

Никто изъ поселянъ—даже жрецъ—не рѣшался заговорить съ Бхагатомъ, спасшимъ имъ жизнь. Они собрались подъ соснами и ждали утра. Когда разсвѣло, они посмотрѣли на долину и увидали, что то, что вчера было лѣсомъ, полями, пастбищемъ, перерѣзаннымъ тропинками, превратилось въ одно вѣерообразное красное пятно изъ мокрой глины, изъ которой корнями вверхъ торчали нѣсколько деревьевъ. Красное пятно начиналось почти отъ того мѣста, гдѣ они стояли и тянулось до самаго верха противопо-

ложной стороны, запрудивъ рѣчку, которая уже начала превращаться въ маленькое мутное озеро. Отъ деревни, отъ дороги къ кумирнѣ, отъ самой кумирни и отъ лѣса сзади нея не осталось даже слѣда. На цѣлую милю въ ширину и на двѣ тысячи футовъ въ глубину край горы былъ точно отрѣзанъ.

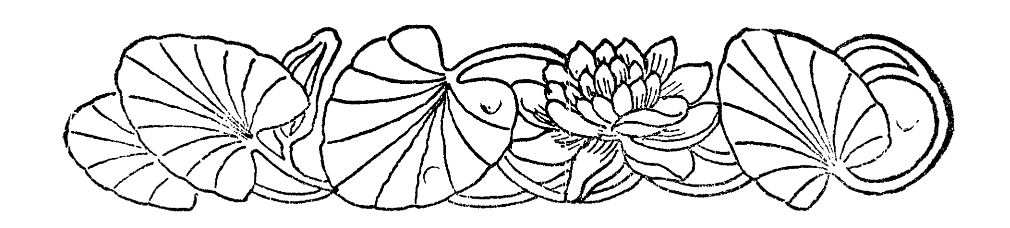
И поселяне одинъ за другимъ потихоньку подобрались, чтобы помолиться своему Бхагату. Они увидѣли баразинга, стоящаго надъ нимъ. И олень отбѣжалъ при ихъ приближеніи. Они слышали жалобные крики лангуровъ на деревьяхъ и ворчаніе Соны за холмомъ. По ихъ Бхагатъ былъ мертвъ. И онъ сидѣлъ, сложивъ ноги на крестъ, опершись спиной о дерево и подперевъ подъ мышку свой посохъ, съ лицомъ обращеннымъ къ сѣверо-востоку.

— Посмотрите, вотъ чудо, послѣ чуда! сказалъ жрецъ. Въ такомъ положеніи должны быть погребаемы всѣ сунніази! На этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ теперь сидитъ, мы построимъ храмъ нашему святому.

Прежде чѣмъ прошелъ годъ, они построили храмъ—маленькую кумирню изъ камней и глины—и они назвали холмъ, холмомъ Бхагата. И до настоящаго времени они зажигаютъ въ кумирнѣ огни и приносятъ туда цвѣты и другія приношенія. Но они не знаютъ и никогда не узнаютъ, что святой, которому они поклоняются, это покойный сэръ, Пурунъ Дассъ, коммандоръ ордена Индійской имперіи, докторъ правъ и докторъ философіи, бывшій нѣкогда первымъ министромъ прогрессивнаго и просвѣщеннаго государства и почетнымъ членомъ и членомъ корреспондентомъ столькихъ ученыхъ и научныхъ обществъ, сколько, пожалуй, и не нужно ни для этого міра, ни для слѣдующаго.

D.

Апокрифическое Евангеліе апостола Петра *).

Евангеліе апостола Петра.

Отрывокъ, найденный въ 1892 году, при раскопкахъ древней гробницы въ Akhmîm (ахмимъ) членомъ французской археологической миссіи въ Каирѣ г-номъ Grebaut и впервые опубликованный въ IX томѣ (fasc 1-er) „Мемуаровъ, публикуемыхъ членами Франц. Археологической миссіи въ Каирѣ“, директоромъ ея, г-номъ И. Bouriant **).

*) Переводъ этотъ сдѣланъ совершенно дословно со списка доктора A. Lods и тщательно провѣренъ по оригиналу, находящемуся въ распоряженіи французской археологической миссіи въ Каирѣ. При разставленіи знаковъ препинанія, какъ и во всѣхъ древне-коптскихъ и греческихъ рукописяхъ, отсутствовавшихъ въ Ахмимскомъ манускриптѣ, я руководствовался любезными указаніями г-на U. Bouriant, директора упомянутой миссіи, а также совѣтами профессора F. Oettli изъ Берна. Раздѣленіе отрывка на главы и строфы соотвѣтствуетъ французскому переводу г-на Grebaut, за исключеніемъ второй главы, относительно которой мы не пришли къ соглашенію съ этимъ почтеннымъ ученымъ. Равносильно мною оставлено безъ измѣненія то мѣсто отрывка, гдѣ говорится о приказѣ старѣйшинъ не перебивать ноги одному изъ разбойниковъ (1 -18), чтобы продлить его мученія. По мнѣнію г-на Grebaut такой приказъ совершенно неправдоподобенъ въ устахъ еврея, принимая въ расчетъ требованіе Моисея, „да не сойдетъ ночь на осужденнаго на смерть“ (Второзак. 21—22), отчего и практиковалось перебиваніе голеней при распятіи (какъ ускореніе смерти). Г-нъ Grebaut полагаетъ, что переписчикъ Ахмимскаго пергамента просто ошибся и вмѣсто глагола σκελοπέδην, поставилъ σκελοκοπθῆ. Отдавая должную дань эрудиціи и находчивости г-на Grebaut, я не счелъ все-таки возможнымъ измѣнить священный текстъ.

Въ концѣ этой брошюры, вслѣдъ за изложеніемъ отрывка и примѣчаніями, читатель найдетъ историческій меморандумъ, относящійся къ данному Евангелію.
Регенсдорфъ близъ Цюриха. Апрѣль 1906 г. Н. Маклаковъ.

**) Вмѣстѣ съ этимъ отрывкомъ были найдены почти половина апокалипсиса того-же апостола, считавшагося утеряннымъ, и пятая часть книги Эноха, цитируемой въ посланіи Апостола Іуды.—Н. М.

Переводъ съ оригинала доктора теологіи Н. Маклакова.

Глава I.

1. ....но никто изъ іудеевъ не умылъ рукъ, ни Иродъ, ни иной изъ Его судей (I).
2. И какъ *они* не хотѣли ихъ умыть, (то) Пилатъ всталъ (и вышелъ).
3. А Иродъ приказалъ схватить Господа (II), говоря: „все, что я приказалъ сдѣлать Ему, дѣлайте"!
4. Іосифъ-же, другъ Пилата и Господа, былъ тамъ и зная, что Его (Іисуса) должны распять, вошелъ къ Пилату и выпросилъ тѣло Господа, чтобы его похоронить.
5. Пилатъ-же послалъ взять тѣло Господа у Ирода и сказалъ Иродъ:
6. „Братъ Пилатъ, если-бы никто не взялъ Его у насъ, мы Его похоронили-бы, ибо скоро восходитъ суббота;
7. А есть написано въ законѣ „не должно зайти солнцу на человѣка, преданнаго смерти" (III).
8. И взявъ Іисуса предалъ Его народу наканунѣ праздника опрѣсноковъ.
9. Они, взявъ Господа, толкали (Его) впередъ, говоря: „Повлечемъ сына Божьяго, разъ мы Его господа".
10. И одѣли его въ пурпурный плащъ и посадили въ судѣ, говоря:
11. „Суди право Царь Израильскій"! А *нѣкто* возложилъ Ему на главу терновый вѣнокъ.
12. А другіе, стоя въ ногахъ, плевали Ему въ лицо, другіе били его по щекамъ.
13. А другіе кололи его тростникомъ, другіе его колотили, говоря: „Воздадимъ эти почести Сыну Божьему".
14. И привели двухъ злодѣевъ и распяли Господа между ними. Но Онъ молчалъ, какъ-бы не чувствуя никакихъ страданій.
15. И когда они поставили крестъ, ибо написали на немъ „этотъ есть Царь Израиля".
16. И положивъ одежды Его передъ Нимъ, они раздѣлили ихъ между собой и бросили жребій.
17. Но одинъ изъ злодѣевъ *ихъ* упрекалъ, говоря: „За зло, что мы сдѣлали, терпимъ мы подобнымъ образомъ. Но Этотъ-то, который сдѣлался спасителемъ людей, какое зло Онъ вамъ причинилъ"?
18. Но они, раздражась противъ злодѣя, приказали не перебивать ему ногъ, да умретъ въ мученіяхъ.

Глава II.

1. Былъ полдень и темнота распространилась по всей Іудеѣ.
2. И они были встревожены (и) спрашивали себя съ безпокойствомъ,—слыша, что *Онъ* еще живетъ,—не зашло-ли солнце (такъ какъ написано *для нихъ*, „да не зайдетъ солнце на человѣка, преданнаго на смерть“) (IV).
3. Но одинъ изъ нихъ сказалъ: „дайте Ему напиться жолчи съ уксусомъ“.
4. И сдѣлавъ смѣсь они дали Ему пить.
5. И совершивъ все это, они собрали на свои головы всѣ свои грѣхи.
6. Многіе ходили съ факелами, полагая, что наступила ночь. И они садились за столъ (V).
7. И Господь вскричалъ: „Мое могущество, Мое могущество, оставило-ли ты Меня“?
8. И при этихъ словахъ Онъ былъ восхищенъ. Въ тотъ самый часъ завѣса храма Іерусалимскаго разорвалась на двое.
9. Они же, вынувъ гвозди изъ Его рукъ, положили ихъ на землю и вся земля затряслась, а они испугались.
10. Тогда блеснуло солнце и оказалось, что былъ всего девятый часъ (VI).
11. Іудеи же ободрились и отдали тѣло Іисусово Іосифу, чтобы онъ Его похоронилъ, ибо былъ Іосифъ свидѣтелемъ всего хорошаго, что сдѣлалъ Іисусъ.
12. Итакъ, взявъ тѣло, Іосифъ обмылъ его и обернулъ пеленой и перенесъ въ свою собственную пещеру, названную садомъ Іосифа.
13. Іудеи же, понявъ какое зло они совершили, и старѣйшины также, и священники, начали жаловаться и говорили: „Горе нашимъ грѣхамъ! судъ и конецъ Іерусалима приближается“.
14. Что до меня, я сокрушался съ нашими и, раненые душевно, мы прятались, ибо они искали насъ, какъ желающихъ сжечь храмъ или какъ злодѣевъ.
15. Поэтому мы постились и пребывали въ скорби, и плакали день и ночь до субботы.

Глава III.

1. Книжники и фарисеи, собравшись вмѣстѣ со старѣйшинами, узнали, что народъ ропщетъ и бьетъ себя въ грудь, говоря: „Если это ради смерти Его всѣ эти знаменія, значитъ Онъ былъ праведенъ“.

2. И они испугались и, взойдя къ Пилату, стали его просить: „Довѣрь намъ воиновъ, да стережемъ Его гробницу, страха ради учениковъ Его, которые придя, украдутъ тѣло и чтобы народъ не думалъ, что Онъ воскресъ, и чтобы не сдѣлали намъ зла“.
3. И далъ имъ Пилатъ сотника Петроніуса съ его людьми и повелѣлъ сторожить пещеру.
4. Старѣйшины съ книжниками пошли къ могилѣ и воины съ ними. И прикатили великій камень съ помощью сотника и воиновъ, всѣ общими усиліями. И всѣ бывшіе тамъ положили на дверь пещеры семь печатей (VII).
5. Затѣмъ, разбивъ тамъ палатку, они поставили стражу. Утромъ же, ибо суббота начинала восходить, пришла толпа изъ Іерусалима и окрестностей и увидѣла гробницу запечатанной.
6. Во время же ночи, той, которою открывается день слѣдующій за субботой, когда воины очереди ходили на стражѣ, два по два, великій голосъ раздался съ небесъ;
7. И они увидѣли небеса отверзшимися и *двое*, блистающіе свѣтомъ, спустились и приблизились къ гробницѣ.
8. И камень, лежащій на двери, откатился самъ собою и двое молодыхъ людей взошли.
9. И какъ только солдаты увидѣли это, они разбудили сотника и старѣйшинъ; ибо они были *тамъ,* на стражѣ.
10. И когда воины разсказали имъ, что они видѣли, *трое* вышли изъ гробницы, но двое поддерживали *Одного* и крестъ слѣдовалъ за ними.
11. И головы *двухъ* достигали до небесъ, голова же *Того*, Котораго они вели, уходила въ небеса.
12. Тогда они услышали голосъ, спросившій съ вышины небесъ: „Благовѣствовалъ ли Ты тѣмъ, которые *спятъ?*
13. И отвѣтилъ голосъ со креста: „Да“!
14. Тѣ же (воины и солдаты) спрашивали другъ друга, не уйти ли имъ, чтобы донести обо всемъ случившемся Пилату.
15. Но пока они совѣщались, снова небеса раскрылись и Человѣкъ спустился съ нихъ и вошелъ въ гробницу, которую они стерегли.
16. Видя это, сотникъ съ людьми поспѣшили пойти къ Пилату, оставивъ гробницу. И сильно встревоженные они разсказали ему обо всемъ и сказали: „Воистину Онъ былъ Сынъ Божій“!
17. Пилатъ, отвѣчая имъ, сказалъ: „что до меня, то я чистъ въ крови Сына Божьяго. Это вы, которые рѣшили такъ“.

18. Тогда всѣ приблизились къ нему и стали просить. И просили они приказать сотнику и воинамъ никому не гововить о томъ, что видѣли.

19. И они говорили: „Намъ надлежитъ, будучи виновными въ величайшемъ грѣхѣ предъ Богомъ, избѣжать еще гнѣва народа Іудейскаго, да не побьютъ насъ каменьями".

20. И приказалъ Пилатъ сотнику и людямъ его молчать и никому не говорить о случившемся.

Глава IV.

1. На разсвѣтѣ дня Марія изъ Магдалы, ученица Господа (изъ страха іудеевъ, которые были воспламенены гнѣвомъ, убоявшаяся свершать на могилѣ Господа то, что женщины имѣютъ обычай дѣлать для мертвыхъ и для тѣхъ, которые имъ дороги), взявъ съ собою подругъ, шла ко гробу, гдѣ Онъ былъ положенъ.

2. И онѣ боялись, чтобы іудеи ихъ не увидѣли и говорили: „если въ день, когда Его распяли, мы не могли плакать, и сѣтовать, и горевать, теперь — по крайней мѣрѣ — сдѣлаемъ это на Его гробницѣ.

3. Но кто же отвалитъ намъ камень отъ двери, чтобы, войдя, мы могли свершить все, что надо и сѣсть около Него"?

4. Ибо камень былъ великъ.

5. „И боимся мы, чтобы насъ не увидали. И если мы не сможемъ, положимъ хоть около двери все то, что мы несемъ въ память Его.

6. „И сѣвъ около двери, мы поплачемъ и посѣтуемъ до самаго нашего возвращенія домой".

7. И придя, онѣ нашли гробницу открытой. И приблизясь, онѣ наклонились, чтобы заглянуть въ нее, но увидѣли юношу, прекраснаго и одѣтаго въ сіяющую одежду, который имъ сказалъ:

8. „Зачѣмъ вы пришли сюда? Кого ищете вы? Или Распятаго? Онъ воскресъ и вышелъ отсюда!

9. Если-же вы не вѣрите, смотрите и увидите, что нѣтъ Его тамъ, гдѣ Онъ былъ положенъ.

10. „Ибо Онъ воскресъ и ушелъ туда, откуда былъ посланъ".

11. Тогда женщины испугались и убѣжали.

Глава V.

1. Былъ послѣдній день праздника; многіе уходили домой, ибо праздникъ кончался (VIII).
2. Мы-же, двѣнадцать учениковъ Господа, плакали и отчаявались;
3. И каждый, горюя о томъ, что произошло, возвращался въ свой домъ.
4. Но я, Симонъ Петръ и Андрей, братъ мой, взявъ сѣти, отправились къ морю.
5. И былъ съ нами Левій, сынъ Алфея, котораго Учитель......

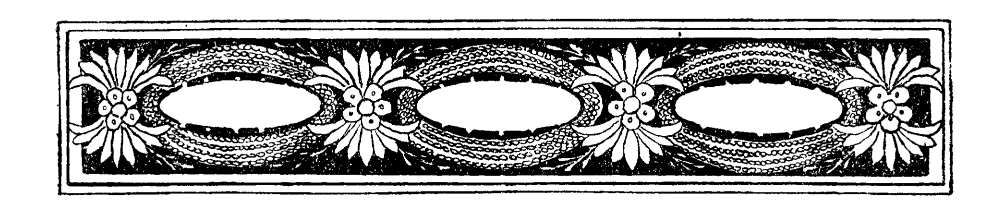
КОНЕЦЪ ОТРЫВКА.

Перев. **Николай А. Маклаковъ.**
Докторъ теологіи и церковнаго права.

Примѣчанія:

I. Отрывокъ начинается съ того момента, когда Пилатъ умываетъ руки—„предъ лицомъ солнца", какъ разсказывается въ „Дѣяніяхъ Пилата" (IX. 4), или „передъ народомъ", какъ сказано у евангелиста Матѳея (XXVII. 24).
II. См. „Дѣянія апостоловъ" IV, 27 и 28.
III. Второзакон. XXI, 22, но текстъ цитированъ весьма свободно.
IV. Іосифъ Флавій разсказываетъ о необыкновенно тщательномъ исполненіи іудеями этого закона. Даже тѣ, которые были распяты послѣ суда, непремѣнно хоронились до заката солнца. (Bell. Jud., IV 5, 2).
V. За пасхальный столъ.
VI. Третій часъ пополудни.
VII. Т. е. по числу членовъ синедріона, которымъ послѣдній поручилъ хлопоты у Прокуратора.
VIII. По окончаніи праздника опрѣсноковъ, который длился около 7 дней. Предполагая, что евангелистъ разсказываетъ далѣе о первомъ явленіи І. X., мы не должны найти невѣроятнымъ, что оно состоялось черезъ 8 дней по воскресеніи, тѣмъ болѣе, что такъ же это описано у Марка (XVI—7) и Матѳея (XXVIII—7 (10) и 16).

Неизданное въ Россіи письмо Л. Н. Толстого Д. Р. Кудрявцеву.

Любезный братъ.

Всегда съ особенною радостію откликаюсь на такое обращеніе, особенно съ человѣкомъ какъ Вы, съ которымъ, судя по Вашимъ писаніямъ, чувствую духовное единство.

Я прочелъ Ваши обѣ статьи *) и очень сожалѣю о томъ, что Вы нашли поводъ разногласія въ томъ, что высказано въ „Послѣсловіи" **). Мнѣ кажется, что этого повода нѣтъ, и что мысли, высказанныя тамъ, не только не разногласятъ съ Вашими, но подтверждаютъ и включаютъ ихъ въ себѣ.

Я не возражаю и не спорю, но мнѣ хотѣлось бы разъяснить недоразумѣніе. Ученіе Христа отличается отъ всѣхъ другихъ ученій и въ особенности отъ церковнаго именно тѣмъ, что оно никакое состояніе не считаетъ оправдывающимъ, а говоритъ: „Будьте совершенны какъ Отецъ вашъ Небесный". Чистота, перенесеніе жизни въ настоящій моментъ, отсутствіе заботъ о завтра, самоотверженіе—все это идеалы такіе же, какъ совершенный кругъ, совершенная прямая, которыхъ нѣтъ въ дѣйствительности, но которые необходимы для приближенія къ нимъ.

Всѣ же вѣры языческія и церковныя состоятъ въ утвержденіи того, что извѣстное пониманіе истины и извѣстная степень исполненія окончательны и вполнѣ оправдываютъ человѣка.

Христіанство—это вѣчное движеніе и приближеніе къ совершенству; церковныя вѣры, какія бы онѣ ни были раціональныя,—застой.

---

*) „Первое престо" и „Идеалы Христа" Д. Р. Кудрявцева.

**) Къ „Крейцеровой сонатѣ" Л. Н. Толстого, Прим. Ред.

Заповѣди Христовы не предписываютъ идеала, а только призываютъ на ту ступень, ниже которой не должно опускаться ученикамъ Христа, если они хотятъ быть учениками Его,—которая можетъ и должна быть исполнена.

1. Не сердиться и не презирать брата—это ступень, которая можетъ и должна быть исполнена. Идеалъ—всегда любить его.

2. Не прелюбодѣйствовать—это та ступень, которая можетъ и должна быть исполнена. Идеалъ—быть вполнѣ чистымъ.

3. Не клясться—та ступень, которая должна быть исполнена. Идеалъ—быть вполнѣ свободнымъ и не связаннымъ ничѣмъ.

4. Не противиться злу, насилiю людей,—это та ступень, которая должна быть исполнена. Идеалъ—не противиться насилiю, злу животныхъ.

5. Не имѣть враговъ—та ступень, которая должна быть исполнена. Идеалъ—любить враговъ.

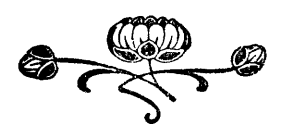
Сознанiе идеала не только не мѣшаетъ, но безъ этого сознанiя все ученiе дѣлается мертвой буквой, хотя и стоящей выше ученiя церковнаго, но столь же мертвой, какъ и то.

Пожалуйста, дорогой братъ, подумайте объ этомъ спокойно и вникните любовно въ мои доводы.—Они, какъ Вы понимаете, набросаны какъ попало, въ расчетѣ на такое любовное ваше вникновенiе въ ихъ смыслъ.

Пока прощайте. Дай Богъ Вамъ всего хорошаго.

Любящiй Васъ *Л. Толстой.*

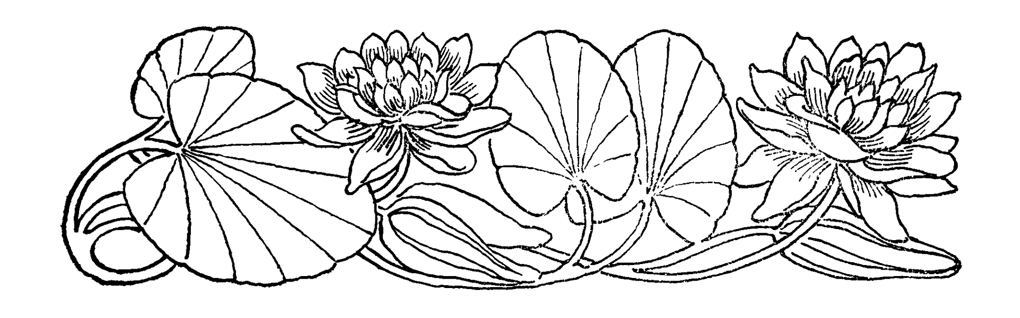
12 февраля 1891 года *).

Если пребудете въ словѣ Моемъ, то вы истинно Мои ученики,
И познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными.

(Еванг. отъ Iоанна, VII, 31—32).

*) Письмо это, написанное 20 лѣтъ тому назадъ, интересно какъ одинъ изъ этаповъ мысли, черезъ который прошелъ могучiй умъ Л. Н. Толстого въ своемъ стремленiи по пути къ Свѣту. Прим. Ред.

Проблема страданія.

А. Безантъ.

Я предполагаю говорить сегодня вечеромъ о предметѣ, полномъ интереса для каждаго, такъ какъ каждому приходится имѣть съ нимъ дѣло—о страданіи, его значеніи и пользѣ. Мы знаемъ, что истинное человѣческое *я*, его внутреннее *я* дѣйствуетъ въ различныхъ тѣлахъ или оболочкахъ и такимъ образомъ проявляетъ свое сознаніе различно. Если мы желаемъ понять всего человѣка, мы должны прежде всего ясно понять, что духовное *я* лежитъ въ корнѣ всякой его дѣятельности и что разныя свойства дѣятельности зависятъ не отъ различія въ *я*, а отъ различій въ проводникахъ, посредствомъ которыхъ оно дѣйствуетъ.

Духовное *я* всегда сознательно въ своей собственной духовной сферѣ. Да и какъ бы могло быть иначе, когда это духовное *я* само есть лучъ всемірнаго сознанія? Но по мѣрѣ того, какъ оно спускается въ проявленную Вселенную, по мѣрѣ того, какъ оно облекается въ оболочку за оболочкой, его глаза, если можно такъ сказать, глаза этого духовнаго *я* постепенно закрываются послѣдовательными покровами, и такимъ образомъ, когда оно оказывается на низшей ступени своего проявленія—въ нашемъ физическомъ мірѣ—Духъ является совершенно ослѣпленнымъ матеріей и не сознаетъ болѣе въ этомъ физическомъ мірѣ ни высокаго своего происхожденія, ни своей собственной сущности. Это ослѣпленное *я* находится въ проявленномъ мірѣ для того, чтобы научиться и накопить опытъ. Подумаемъ на минуту о немъ, какъ объ облеченномъ въ то тѣло, которое служитъ для него проводникомъ мысли, въ ментальное тѣло и въ то, которое обык-

новенно называется „тѣломъ желаній“, потому что чувство и желаніе тѣсно между собою связаны и чувства удовольствія и страданія возникаютъ отъ столкновенія съ внѣшними предметами, которые вліяютъ на это тѣло желаній и притягиваютъ или отталкиваютъ его. Итакъ, подумайте на минуту о человѣческомъ *я*, заключенномъ въ тѣлѣ желаній и какъ бы слѣпомъ по отношенію къ своей собственной, истинной природѣ и къ истиннымъ условіямъ своего бытія. Оно будетъ проявляться всевозможными внѣшними предметами; привлекаться тѣми, которые вызываютъ въ немъ чувство удовольствія и отталкиваться отъ тѣхъ, которые приносятъ ему чувство страданія.

Такимъ образомъ, являясь въ міръ, о которомъ оно ничего не знаетъ, потому что въ настоящемъ случаѣ я беру самыя раннія стадіи его развитія, оно, естественно, будетъ сильно притягиваться ко всему, что приноситъ ему удовольствіе, что заставляетъ его испытывать то, что оно признаетъ за радость, счастье или удовлетвореніе. Притягиваясь такимъ образомъ ко всему, что ему кажется желательнымъ, оно найдетъ въ концѣ своего опыта, что за удовлетвореніемъ желанія слѣдуетъ страданіе. Отъ повторяющагося соприкосновенія съ предметомъ, который долженъ былъ доставить только одно удовольствіе, въ результатѣ является страданіе; благодаря этому страданію человѣкъ убѣждается, что онъ стремился не къ тому, чего слѣдовало бы желать, а наоборотъ къ тому, чего слѣдовало бы избѣгать. Опять и опять проходя черезъ этотъ опытъ, *я* человѣка вынесетъ тотъ необходимый для него урокъ, ради котораго и происходили всѣ его соприкосновенія съ физическимъ міромъ.

Возьмемъ для примѣра двѣ очень обыденныхъ наклонности, которыя, сперва привлекая и доставляя удовольствіе, потомъ обращаются въ страданіе. Напримѣръ, склонность къ привлекательной пищѣ, которая дѣйствуетъ на чувство вкуса, слѣдовательно и на „тѣло желанія“; такая пища будетъ давать пріятныя вкусовыя ощущенія и человѣкъ будетъ стремиться ихъ испытать. По восточному сравненію, чувства подобны дикимъ конямъ, впряженнымъ въ колесницу тѣла,* которые несутъ человѣческую душу къ предметамъ ея страстей. Такимъ образомъ человѣкъ начинаетъ удовлетворять чувства вкуса до излишества, до объядѣнія. Результатомъ такого удовлетворенія будетъ страданіе. То же самое ожидаетъ человѣка, если онъ станетъ удовлетворять свой вкусъ къ вину. Страданіе будетъ слѣдовать за удовлетвореніемъ желанія. И когда подобный опытъ будетъ опять и опять повторяться и *я*

человѣка сопоставитъ оба обстоятельства вмѣстѣ—удовлетвореніе желанія и слѣдующее за нимъ страданіе, оно такимъ образомъ начнетъ постепенно понимать, что есть во вселенной законы, нарушеніе которыхъ влечетъ за собой страданіе.

Можно сдѣлать такое сравненіе: человѣкъ наскочилъ на невидимую стѣну и ушибся. Привлекаемый какимъ-нибудь предметомъ, онъ можетъ снова и снова наталкиваться на этотъ невидимый барьеръ; но если онъ будетъ каждый разъ ушибаться, онъ научится связывать погоню за удовлетвореніемъ своего желанія со страданіемъ, которое какъ тѣнь слѣдуетъ за удовлетвореніемъ. Въ его умѣ вырастаетъ понятіе о причинѣ и послѣдствіи, объ отношеніи, существующемъ между удовлетвореніемъ его страстей и страданіемъ, которое слѣдуетъ за нимъ. Такимъ путемъ, въ молодой Душѣ, повторяющей свои уроки, зарождается понятіе о *законѣ*, который не можетъ быть обойденъ и который будетъ наносить страданіе каждый разъ, какъ душа будетъ сталкиваться съ этимъ невидимымъ барьеромъ. Съ каждымъ удовлетвореніемъ желанія будетъ повторяться тотъ же урокъ, пока накопившійся опытъ не будетъ усвоенъ душой и она не научится владѣть своими желаніями и не пускать дикихъ коней своихъ чувствъ мчаться, куда имъ угодно, а начнетъ обуздывать ихъ и направлять по вѣрному пути. Искусство самообладанія явится результатомъ пережитаго душой горькаго опыта. Могутъ сказать или подумать, что наше „тѣло желаній“ одного рода съ животными, но животныя имѣютъ одно отличное отъ человѣка полезное свойство: въ большинствѣ случаевъ они руководятся, минуя горькій опытъ, тѣмъ, что называется инстинктомъ; это внутреннее природное чувство и предохраняетъ ихъ отъ страданія. У высшихъ, животныхъ инстинктъ несравненно слабѣе, чѣмъ у низшихъ и они часто нуждаются въ извѣстномъ опытѣ, для того чтобы инстинктъ могъ безошибочно руководить ими. Причина, почему человѣкъ какъ бы менѣе охраняется природой, чѣмъ животное, заключается въ томъ, что въ человѣкѣ мы имѣемъ дѣло не только съ его „тѣломъ желаній“, но у человѣка есть еще и духъ, индивидуализированная частица міровой Души, которая не насилуется закономъ извнѣ, а развивается по закону внутреннему, заключенному въ немъ самомъ; онъ уже не подлежитъ принудительному дѣйствію внѣшней природы, какъ это замѣчается въ царствахъ: минеральномъ, растительномъ и низшемъ животномъ; онъ не эволюціонируетъ стихійно въ совокупности съ общей эволюціей, какъ низшія царства природы. Человѣкъ держитъ

свою эволюцію въ собственныхъ рукахъ; она должна вырабатываться, благодаря пріобрѣтаемому имъ опыту, а не навязываться ему силой, потому что Духъ достигаетъ индивидуализаціи посредствомъ разума, который служитъ для него проводникомъ, а накопившійся опытъ перевоплощающейся души долженъ замѣнить собою принудительное стихійное развитіе низшихъ царствъ природы. Такимъ образомъ присутствіе въ человѣкѣ разумнаго начала, Манаса, дѣлаетъ извѣстную долю страданія необходимой въ цѣляхъ развитія. Разумъ способенъ запоминать, сравнивать и находить ту цѣпь причинности, которая связываетъ каждое дѣйствіе съ его послѣдствіемъ и именно потому, что человѣкъ обладаетъ силой разумнаго начала, ему и дается внутренняя свобода, а съ ней вмѣстѣ и роль сознательнаго сотрудника природы; онъ долженъ участвовать въ дѣлѣ ея созиданія не какъ одинъ изъ безчисленныхъ кирпичей, образующихъ ея зданіе, но какъ самосознающій строитель, участвующій въ постройкѣ цѣлаго. Такъ постепенно выростаетъ въ человѣкѣ знаніе закона. Человѣкъ узнаетъ, что страданіе выражаетъ собою столкновеніе съ міровыми законами, которыхъ нельзя нарушать безнаказанно; страданіе ведетъ къ познанію закона, которымъ низшая природа человѣка и начинаетъ руководствоваться подъ вліяніемъ своего высшаго разумнаго начала.

Иными словами: *посредствомъ страданія развивающаяся Душа познаетъ міровой Законъ.* Это съ одной стороны; съ другой—благодаря страданію уничтожается стремленіе души къ объектамъ внѣшняго міра, которые по выраженію „Бхагавадъ-Гиты“ дѣлаются для человѣка „лономъ скорби“. Желаніе есть то, что влечетъ Душу къ новому рожденію и сама вселенная была вызвана къ проявленію творческимъ желаніемъ Бога. Когда „желаніе впервые возникло въ груди Предвѣчнаго“—появился первый зародышъ проявленнаго міра. Идетъ ли рѣчь о цѣломъ или о малыхъ частицахъ, проявленіе происходитъ отъ желанія и оно то и влечетъ снова къ землѣ. Замѣтьте, что только желаніе тянетъ Душу ко всему внѣшнему. Познаніе Души и состоитъ въ томъ, что она проходитъ черезъ всевозможные внѣшніе опыты, извлекая изъ нихъ всѣ нужныя ей знанія, чтобы затѣмъ, благодаря тому же опыту, отдѣлаться отъ стремленія къ предметамъ внѣшняго міра и претворить внутри себя плоды всѣхъ пріобрѣтенныхъ знаній. Если же представить себѣ, что всѣ предметы вызывающіе, желаніе, оставались бы навсегда желаемыми, тогда не было бы конца кругу рожденій и смерти, не было бы внутренняго претво-

ренія пріобрѣтеннаго знанія и, слѣдовательно, не было бы и истиннаго развитія. Нужно помнить, что человѣческое совершенство, къ которому стремится нашъ духъ—не есть конецъ нашего роста; оно есть цѣль лишь настоящаго цикла, который, въ свою очередь, есть только приготовленіе къ слѣдующему циклу... Тѣ немногіе, которые могутъ быть названы совершенными людьми въ настоящемъ циклѣ, перейдутъ послѣ промежуточнаго состоянія Нирваны въ послѣдующій періодъ проявленія, но уже не какъ люди, проходящіе черезъ индивидуальный опытъ, а какъ Строители и Божественные помощники. Необходимо, чтобы души человѣческія, которымъ суждено стать божественными, не только собирали всевозможный опытъ на землѣ, но и унесли бы его съ собою и претворили бы его въ свою собственную внутреннюю суть, а для того, чтобы эта цѣль была достигнута, желанія и стремленія человѣка должны постепенно измѣняться, подниматься и одухотворяться до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не освободится отъ желаній вполнѣ. Предметы внѣшняго физическаго міра должны потерять всю свою цѣну для Души, достигшей знанія, и не только явленія физическаго міра, но и временныя явленія болѣе высокихъ сверхфизическихъ міровъ, все, кромѣ Вѣчнаго и Единаго, которое само есть сущность этой Души.

Итакъ, Душа научается освобождаться отъ всякихъ желаній, благодаря страданіямъ, происходящимъ отъ столкновеній ея съ внѣшнимъ міромъ. Нѣтъ другого способа побѣдить желаніе. Можно сильной волей удержать свои страсти и не дать имъ мчаться по нежелательному пути. Но нужно достигать большаго. Нужно стремиться къ тому, чтобы страсти болѣе и не хотѣли мчаться въ погоню за разными внѣшними предметами, т. е. нужно сумѣть вырвать самый корень желанія, а это можетъ быть достигнуто только тогда, когда то, что было нѣкогда привлекательнымъ, потеряетъ свою силу надъ душой. Это будетъ тогда, когда душа исчерпываетъ весь нужный опытъ, и, познавъ страданіе, освобождается отъ внѣшнихъ цѣпей и уноситъ съ собой только знаніе, нужное для вѣчныхъ цѣлей. Ибо Душа подобна пчелѣ, летающей по цвѣтамъ: ей не нужно оставаться въ цвѣткѣ; ей нуженъ только медъ, который она находитъ въ немъ; когда она собрала медъ, цвѣтокъ уже болѣе не привлекаетъ ее. И когда Душа соберетъ весь медъ познанія съ цвѣтовъ земли, тогда польза страданія выразится въ томъ, что она болѣе не пожелаетъ этихъ земныхъ цвѣтовъ; она получила отъ нихъ все, что ей нужно было получить; страданіе уничтожило желаніе, а душу заставило вер-

нуться къ себѣ самой, не стремиться болѣе къ разнообразію формъ, а къ единству жизни.

До сихъ поръ мы нашли двѣ цѣли страданія—познаніе Закона и постепенное освобожденіе души отъ желаній. Слѣдующій урокъ, получаемый нами отъ страданія, состоитъ въ томъ, что мы познаемъ преходящей природой все, что не есть по существу своему Духъ. Въ одной изъ многихъ аллегорій индусскихъ писаній разсказывается, какъ богъ Смерти, глядя на людей и горюя объ ихъ печаляхъ, заплакалъ, и по мѣрѣ того, какъ слезы Ямы *) падали на землю, онѣ обращались въ болѣзни и бѣдствія, которыя и понынѣ угнетаютъ человѣческій родъ.

Почему сожалѣніе бога обратилось въ бичи, терзающіе человѣчество? Объ этомъ стоитъ подумать, потому что подъ покровомъ аллегоріи всегда скрыта какая-нибудь глубокая истина.

Что такое богъ Смерти? Онъ какъ бы воплощеніе перемѣны; иногда говорятъ о немъ, какъ о разрушителѣ; болѣе вѣрное его названіе „возстановитель", потому что уничтоженія не существуетъ въ проявленной вселенной. Всегда то, что съ одной стороны является какъ смерть, съ другой стороны есть рожденіе; и то, что есть перемѣна, видимое разрушеніе, то даетъ только новую форму и новый видъ жизни, ищущей воплощенія. Яма, богъ Смерти, есть великій представитель перемѣны, которая присуща всякому проявленію, всему, кромѣ Вѣчнаго; и такъ какъ плакалъ тотъ, кто самъ—воплощенная перемѣна, естественно, что его слезы аллегорически изображаютъ именно то, что должно учить людей о преходящей природѣ всего окружающаго. Бѣдствія и болѣзни, въ которыя обратились слезы Ямы—уроки: они учатъ, что ничто преходящее не можетъ удовлетворить его Душу, и что только узнавая мимолетную природу низшей жизни, Душа обращается къ Вѣчному, заключающему въ себѣ истинное счастье и удовлетвореніе. Такимъ образомъ слезы Ямы учатъ о мимолетности всего воплощеннаго и въ нихъ выражено глубокое состраданіе къ роду человѣческому. Этимъ способомъ, т. е. болѣзнями и бѣдствіями, бѣдностью и горемъ, люди научаются познавать, что все окружающее насъ не только въ физическомъ мірѣ, но и вся область желаній и даже самого разума, все измѣнчиво, и что то, что неизмѣнно—*я*, сущность, Духъ человѣка, никогда не найдетъ покоя въ измѣнчивомъ. По сущности своей мы вѣчны, а не преходящи, центръ нашей жизни—*я* внутри насъ, безсмертно и

*) Богъ смерти.

вѣчно, оно не можетъ ни измѣниться, ни умереть, слѣдовательно ничто преходящее не можетъ удовлетворить его, не можетъ дать ему окончательнаго счастья и покоя. Но оно должно научиться этому черезъ страданіе и только въ этомъ знаніи заключается возможность конечнаго освобожденія.

Такимъ то образомъ научается Душа различать между разными видоизмѣненіями преходящаго; очень медленно идетъ это познаванье и много требуется жизней, чтобы закончить его. Въ началѣ Душа и не думаетъ о вѣчномъ бытіи, о томъ, въ чемъ она можетъ найти неизмѣнное счастье; но понемногу она научается обращаться отъ физическаго къ умственному, отъ чувственнаго къ интеллектуальному, потому что послѣднее сравнительно съ первымъ болѣе постоянно, и счастье въ области разума можетъ продолжаться долѣе, чѣмъ удовольствія плоти. Въ медленномъ движеніи эволюціи сперва раскрывается преимущество удовлетворенія разумнаго надъ наслажденіями животными: человѣкъ начинаетъ постепенно предпочитать удовольствія эстетическія удовольствіямъ тѣла и наслажденія интеллектуальныя наслажденіямъ, даваемымъ физическими чувствами. Такъ человѣкъ постепенно развивается и дѣйствіе человѣческой эволюціи въ настоящее время, если имѣть въ виду средняго человѣка, состоитъ въ эволюціи преображеннаго разума, который заставляетъ такъ дѣятельно работать современнаго человѣка. То, что въ настоящее время необходимо для средняго человѣка—это обратить свои желанія и стремленія отъ преходящаго къ относительно постоянному, т. е. культивировать свой разумъ, свои умственныя и артистическія способности вмѣсто того, чтобы искать удовлетворенія для своихъ страстей. И тѣ люди истинно помогаютъ человѣческой эволюціи, которые, отвратившись отъ жизни плоти и подготовляясь къ жизни разума, ищутъ относительно постояннаго. Хотя въ свою очередь и оно окажется преходящимъ, все же это шагъ впередъ, этотъ переходъ стремленій отъ тѣла къ разуму, отъ ощущеній къ мыслямъ, отъ чувственности къ идеямъ и образамъ, и это составляетъ часть опыта, пріобрѣтаемаго развивающейся Душой, которая, отвлекаясь отъ чувственнаго, сосредоточивается на внутренней жизни разума. А затѣмъ и этотъ органъ мысли окажется тоже творцомъ представленій изъ области временнаго, преходящаго. Тѣмъ не менѣе шагъ впередъ уже очень большой: всякая борьба между людьми уничтожается, когда стремленія обращаются къ сферѣ интеллектуальной, т. е. къ внутреннему, а не къ внѣшнему. Предметы чувствъ ограничены

и люди воюютъ между собой, чтобы каждому успѣть захватить свою долю изъ этого ограниченнаго количества. Предметы разума не ограничены и между людьми не можетъ быть столкновенія изъ за нихъ, потому что ни одинъ человѣкъ не сдѣлался бѣднѣе оттого, что его братъ окажется богаче по уму или по талантамъ; ничья доля отъ этого не уменьшится. Такимъ образомъ человѣчество переходитъ отъ соперничества къ сотрудничеству и научается братскимъ отношеніямъ, такъ какъ чѣмъ богаче человѣкъ разумомъ, тѣмъ больше онъ можетъ давать и тѣмъ меньше станетъ завидовать; это и есть движеніе къ высшей жизни, гдѣ нѣтъ мѣста соперничеству и зависти, такъ какъ на этой ступени высшихъ понятій и духовныхъ стремленій чѣмъ больше человѣкъ отдаетъ, тѣмъ онъ становится богаче, а не бѣднѣе. Но полное удовлетвореніе невозможно на этой ступени, потому что это все еще путь желаній.

Теперь мы перейдемъ къ истинѣ, которую я постараюсь изложить вамъ и отъ которой зависитъ все направленіе вашей жизни. Если вы ищете удовлетворенія своихъ желаній, вы никогда не найдете счастья, потому что каждое удовлетвореніе желанія порождаетъ новое желаніе, и чѣмъ болѣе желаній вы будете удовлетворять, тѣмъ болѣе будетъ выростать новыхъ желаній. „Такъ же легко затушить огонь, вливая въ него масло, какъ уничтожить желаніе, доставляя ему удовлетвореніе"—эта поговорка стоитъ того, чтобы глубоко подумать надъ ней. Если вѣрно, что счастье не достигается такимъ путемъ, то вѣрно и то, что большинство людей, особенно въ цивилизованныхъ странахъ, находятся на ложномъ пути и они никогда не достигнутъ счастья, если не поймутъ иного пути. Если обратить вниманіе на требованія современной жизни, то можно замѣтить, что требуется въ еще большей степени то, чѣмъ человѣкъ уже обладаетъ, т. е. является и постоянное возрастаніе желаній, которыя всѣ не могутъ быть удовлетворены. Вспоминается мнѣ по этому поводу одинъ разсказъ, который мнѣ приводили недавно какъ примѣръ, какъ при узости мысли усиливается все болѣе и болѣе жажда однихъ и тѣхъ же наслажденій. Хулигана спросили, что могло бы его сдѣлать вполнѣ счастливымъ, и онъ отвѣчалъ: „возможность качаться на воротахъ цѣлый день и ѣсть жирную ветчину". Тогда ему сказали: „представьте, что вы можете имѣть что-нибудь большее для вашего счастья, что бы вы пожелали?—онъ отвѣтилъ: „еще больше качаться и еще больше жирной ветчины". Это только болѣе грубый способъ опредѣленія, но въ сущности

это отвѣтъ, выражающій настроеніе большинства людей. При этомъ люди могутъ имѣть болѣе возвышенныя желанія, чѣмъ вышеприведенное, но суть остается та же самая; они желаютъ еще и еще того, чѣмъ уже обладаютъ, и не понимаютъ, что счастье заключается не въ возрастающемъ удовлетвореніи желаній, а въ томъ, чтобы жажда преходящаго замѣнилась жаждой Вѣчнаго, и желаніе брать замѣнилось бы потребностью отдавать. Если все это вѣрно, тогда въ погонѣ за счастьемъ слѣдуетъ искать новаго пути, потому что на старомъ пути удовлетворенія желаній, какъ бы утончены они ни были, придется всегда вращаться въ безконечномъ кругѣ, который будетъ всегда оставлять человѣка неудовлетвореннымъ и никогда не приведетъ его къ блаженству, т. е. къ тому, что единственно можетъ вполнѣ удовлетворить духъ человѣческій. Итакъ, медленно и постепенно, благодаря отсутствію удовлетворенія, которое доставляетъ Душѣ страданіе, въ ней появляется сознаніе, что это не настоящій путь, и она начинаетъ чувствовать себя утомленной постоянной перемѣной. Всѣ внѣшнія цѣли, привлекавшія тѣло и разумъ, теряютъ свою силу соблазна; утомленная перемѣной, которую она всюду находитъ въ мірѣ формъ, она болѣе не стремится къ внѣшнему, а устремляется внутрь и кверху. Долго она стремилась къ внѣшнему въ погонѣ за ощущеніями и ошибалась, затѣмъ она обратилась къ разуму, но и разумъ, съ точки зрѣнія Духа, есть внѣшнее—и опять она ошиблась, постоянно отталкиваемая страданіемъ и неудовлетворенностью, представляющею одну изъ наиболѣе тяжелыхъ формъ страданія. Тогда она, наконецъ, начинаетъ понимать полученные уроки и, отворачиваясь отъ всего, что находится внѣ ея, обращается внутрь и тамъ наконецъ находитъ начало покоя—этого перваго проявленія истиннаго, настоящаго удовлетворенія.

Открывается еще одна полезная сторона страданія, еще болѣе глубокій урокъ: мы достигли точки, гдѣ Душа отдѣлила себя отъ тѣла желаній и даже отъ самаго разума; но до сихъ поръ она еще не достигла положенія, гдѣ бы она не была во власти страданія, потому что она еще не совсѣмъ нашла свой центръ — она все еще только ищетъ его; и хотя она знаетъ, что это не тѣло, не чувства, не разумъ, но все еще не отдѣлилась отъ страданія, появляющагося изнутри. Приходя въ соприкосновеніе съ другими — съ мыслями, чувствами и сужденіями другихъ людей, она постоянно замѣчаетъ, что ее огорчаютъ невѣрное сужденіе, невѣрное толкованіе, недобрая мысль, недоброе чувство, и если Душа набралась

за это время мудрости, какъ это должно быть, если она слѣдовала по начертанному нами пути, тогда она начнетъ спрашивать себя: „Почему я до сихъ поръ чувствую страданіе? Что есть не извнѣ, а во *мнѣ*, что вызываетъ страданіе?“ Потому что теперь Душа вышла изъ границъ невѣдѣнія, благодаря которому кажется, будто внѣшнія обстоятельства причиняютъ страданіе: она отдаетъ себѣ отчетъ въ причинѣ, вызывающей страданіе, и понимаетъ, что ничто не можетъ задѣть ее, исключая ея самой, она въ сущности сама и отвѣтственна за все. Стало быть, если она чувствуетъ страданіе, причины этого страданія должны лежать въ ней самой, а не во внѣшнемъ мірѣ; и если она чувствуетъ страданіе, то это признакъ несовершенства, признакъ того, что она не совсѣмъ освободиласъ отъ низшей природы, съ которой она и отождествляетъ себя. Тогда Душа начинаетъ пользоваться страданіемъ, вмѣсто того, чтобы просто испытывать его. Она болѣе не во власти страданія, а сама беретъ его въ руки, какъ орудіе, и пользуется имъ для своихъ собственныхъ цѣлей. Когда она замѣчаетъ страданіе, происходящее отъ недобраго поступка или отъ невѣрнаго сужденія о цѣляхъ или дѣйствіяхъ ея—она беретъ это страданіе, какъ скульпторъ взялъ бы въ руки свой рѣзецъ, и этимъ орудіемъ она принимается обтесывать свою собственную личность, потому что она знаетъ, что, если бы въ этой личности не оставалась доля эгоизма, то она — Душа — сама по себѣ не испытывала бы вовсе страданія; она должна воспользоваться страданіемъ какъ рѣзцомъ, чтобы срѣзать всѣ личныя слабости, остаться чистой и невозмутимой среди мірской борьбы.

Такъ было со всѣми тѣми, которые поднялись надъ личностью, тѣми великими освобожденными Душами, о которыхъ мы говоримъ какъ объ Учителяхъ, и которые всегда трудятся для міра, не обращая вниманія на то, какъ бы ложно міръ ни судилъ о нихъ. Про одного изъ нихъ было сказано: „Онъ настолько же чувствуетъ злословіе и несправедливыя сужденія человѣчества о Немъ, насколько вершины Гималая могли бы чувствовать шипѣніе змѣй, извивающихся у ихъ подножія“. Тутъ уже нѣтъ ничего личнаго, что могло бы быть задѣто ложнымъ осужденіемъ, что могло бы страдать отъ ложнаго перетолкованія. Учители одаряютъ міръ благами, а человѣкъ, получающій ихъ, и не знаетъ даже, откуда эти блага являются; въ своемъ невѣдѣніи, онъ насмѣхается, глумится или нападаетъ даже на Учителей, не зная, что Они такое на самомъ дѣлѣ и мѣря ихъ на собственную мѣрку, какъ будто онъ можетъ приравнять себя къ Нимъ. Но оскорбить

ихъ онъ не можетъ: на ложныя толкованія Они отвѣчаютъ сожалѣніемъ; на оскорбленія Они отвѣчаютъ прощеніемъ. Они могутъ испытывать только жалость къ тѣмъ, кто слѣпы, жалость къ слѣпымъ братьямъ, которые своими дурными мыслями вредятъ только своей собственной Душѣ. Солнце не можетъ быть оскорблено человѣкомъ, который бросилъ бы въ него грязью,—грязь падаетъ обратно на его голову и пачкаетъ его же собственную одежду, а свѣтъ солнца остается чистымъ и не задѣтымъ земной грязью.

Итакъ, когда Душа стремится впередъ къ свѣту, она употребляетъ страданіе какъ орудіе для уничтоженія эгоизма, самости и тѣхъ тонкихъ свойствъ личности, которыми даже сильная Душа можетъ быть ослѣплена; она встрѣчаетъ страданіе какъ желаннаго вѣстника, сообщающаго ей объ ея собственной слабости, объ ея проступкахъ и ошибкахъ, ибо по мѣрѣ того, какъ человѣкъ подвигается впередъ въ знаніи, онъ начинаетъ понимать, что его худшій врагъ не внѣшнія ошибки, которыя онъ самъ признаетъ, но внутренняя слѣпота, которая скрываетъ отъ него опасность, при чемъ онъ даже не сознаетъ своей слѣпоты. Когда вы падаете и знаете объ этомъ, тогда опасность еще не велика, но когда вы падаете и не сознаете этого, тогда радуются враги Души. И если отъ паденія является страданіе, то надо радоваться ему, потому что оно говоритъ объ опасности и можетъ открыть намъ глаза на наше паденіе. Въ этомъ отношеніи страданіе является не наказаніемъ, а желаннымъ переживаніемъ, служащимъ предостереженіемъ и орудіемъ, которымъ Душа можетъ воспользоваться; оно—врачебный ножъ, вырѣзывающій пораженное и грозящее опасностью мѣсто; ему не надо сопротивляться, какъ врагу, а привѣтствовать, какъ друга.

Есть и еще одна полезная сторона страданія, въ данномъ случаѣ избираемомъ самой свободной Душой, которая стремится сдѣлаться сильной не для себя, а для того, чтобы помогать міру; Душой, понимающей, что ей придется жить для другихъ, и знающей, что она можетъ научиться жить для другихъ, если только сама будетъ сильна. И для этого она сама избираетъ страданіе, потому что только черезъ него она научится терпѣнію. Тѣ, кто никогда не страдалъ, всегда останутся слабыми; только въ страшныхъ усиліяхъ и отчаянной борьбѣ Душа научается преодолѣвать; хотя борьба сама по себѣ — помните — есть признакъ слабости; будь мы сильны, намъ не нужно бы было сражаться; но мы можемъ достичь крѣпости и силы, только этой отчаянной борьбой; благодаря ей вырабатывается постепенно сила Души и то, что

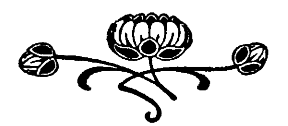
нѣкогда было мученіемъ и борьбой, обратится въ спокойную ясность и совершенную крѣпость Души. И еще для другой цѣли избираетъ Душа страданіе: чтобы научиться сочувствію; потому что даже сильная Душа не могла бы помогать, еслибы она не научилась сочувствію. Хуже того, сильная Душа будетъ опасна, если сдѣлается сильной безъ состраданія и научится пользоваться силой, не научившись направлять эту силу на добро; сила, которая есть только сила и не слита нераздѣльно съ состраданіемъ, станетъ попирать, вмѣсто того, чтобы помогать подняться, и это будетъ всего погубнѣе для самой Души, которая хотѣла бы подниматься. Сила, не руководимая состраданіемъ, этимъ истиннымъ внушеніемъ Духа, можетъ быть употреблена на вредныя цѣли, вмѣсто помощи, и можетъ повредить, вмѣсто того, чтобы помочь, столкнуть въ пропасть, вмѣсто того, чтобы поднять. Итакъ, чѣмъ сильнѣе Душа, тѣмъ горячѣе должна она жаждать уроковъ, даваемыхъ страданіемъ, для того, чтобы посредствомъ ощущенія научиться чувствовать, посредствомъ собственнаго страданія научиться излечивать страданія міра; иначе мы не можемъ научиться этому. Не извнѣ, а изнутри мы должны перестраивать себя, и всѣ страданія, которыя мы испытываемъ благодаря нашему несовершенству, образуютъ камни, изъ которыхъ создается храмъ совершеннаго Духа. Когда храмъ будетъ выстроенъ, страданія больше не будетъ; но пока идетъ постройка, оно неизбѣжно. Слѣдовательно, ученикъ избираетъ путь скорби потому, что только посредствомъ скорби онъ можетъ научиться состраданію; и только тогда, когда онъ отзывается на трепетъ всего, что живетъ и дышетъ, онъ дѣлается способнымъ отзываться отвѣтными, цѣлительными вибраціями, которыя несутъ съ собой вѣсть о помощи.

Такова польза страданія и, хотя я привела только нѣсколько простыхъ примѣровъ, однако они могутъ оказаться полезными указаніями. Но въ этомъ-ли конецъ? Это-ли окончательная судьба Души? Составляетъ-ли страданіе естественную среду Духа? Нѣтъ, заблуждаются тѣ, которые думаютъ, что горе—конечное завершеніе всего; заблуждаются тѣ, которые думаютъ, что горе и печаль суть истинная атмосфера, въ которой обитаетъ Духъ. Духъ—блаженство, а не горе, Духъ—радость, а не страданіе; Духъ—покой, а не борьба, сущность и центръ всего, любовь, радость, блаженство,—и путь страданія есть только путь, а не цѣль, только средство для достиженія конечной цѣли, а не сама конечная цѣль, потому что изъ того Океана блаженства, изъ котораго возникла вселенная, про-

истекаютъ любовь, миръ, благоволеніе, составляющіе наслѣдіе Духа внѣ проявленія. Страданіе происходитъ отъ оболочекъ, въ которыя онъ заключенъ, а не отъ его природной сущности.

Никогда не забывайте этого въ жизненной борьбѣ! Никогда не дозволяйте страданію ослѣплять ваши глаза къ радости и не давайте временнымъ горестямъ скрывать отъ васъ блаженство, составляющее сущность Бытія. Горе—преходяще, блаженство же вѣчно, потому что блаженство есть внутренняя суть Высшей Міровой Души, нашего всеобщаго Я. По мѣрѣ того, какъ Духъ стремится впередъ и дѣлается все свободнѣе, миръ замѣняетъ собой борьбу и радость замѣняетъ собой страданіе. Взгляните на одухотворенное лицо: правда, вы замѣтите въ немъ слѣды страданій, но страданій прошедшихъ, преобразовавшихся въ силу, въ сочувствіе, въ состраданіе и въ глубокую, безконечную радость,—потому что послѣднее слово Вселенной—Блаженство и миръ, сознательный отдыхъ въ полномъ счастьи. И все страданіе существуетъ лишь для того только, чтобы Духъ могъ достигнуть своего освобожденія; конецъ пути — миръ, а проявленіе Мира — блаженство.

Перев. **М. Р.**

Всякій, дѣлающій злое, ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличить дѣло его потому, что они злы.

А поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что они въ Богѣ содѣланы.

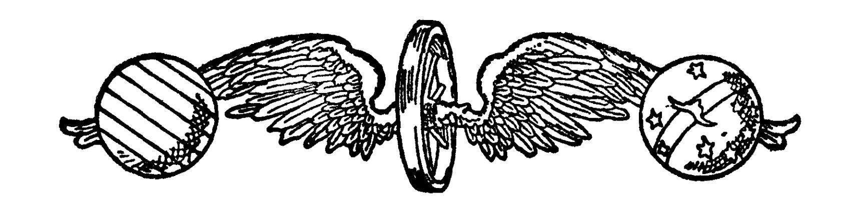
(Еванг. отъ Іоанна, III, 20—21).

Я есмь хлѣбъ, сшедшій съ небесъ.

(Отъ Іоанна, VI, 41).

Духъ животворитъ; плоть не пользуетъ ни мало. Слова, которыя говорю Я вамъ, суть духъ и жизнь.

(Отъ Іоанна, VI, 63).

Обозрѣніе Теософической Литературы.

„Adyar-Bulletin“ начинается путевыми замѣтками Президента, который разсказываетъ свое путешествіе въ Бирмѣ.

Въ статьѣ „Петръ, Яковъ и Іоаннъ“ Д. Райтъ проводитъ мысль, что три ближайшихъ ученика І. Христа олицетворяли собою Вѣру, Надежду и Любовь. Вѣра иногда колеблется и Надежда затуманивается, но Любовь побѣждаетъ и претерпѣваетъ все, и потому по дорогѣ къ Голгоѳѣ Ап. Іоаннъ оставилъ за собой всѣхъ позади.

Заканчивается изложеніе легенды Гавайской о твореніи міра. Поэма раздѣлена на XVI главъ. Послѣ сотворенія неба, земли, небеснаго огня и свѣтилъ, Богъ (Лоно) творитъ птицъ, рыбъ, гадъ, звѣрей и наконецъ человѣка, которому дается жена. Съ тѣхъ поръ, „качаются небеса, качаются звѣзды и качается земля въ звѣздномъ пространствѣ“. Гавайцы вѣрятъ, что ихъ Богъ (Лоно) явится къ нимъ на землю въ образѣ прекраснаго человѣка съ бѣлымъ ликомъ. Когда капитанъ Кукъ пріѣхалъ на Гавайскіе острова, то туземцы его приняли за воплощеннаго Бога и оказывали ему священныя почести. Эта поэма-легенда была ему пропѣта верховнымъ жрецомъ, Пюу, во храмѣ Гиліау, въ Кеалакекуа.

Въ „Theosophist’ѣ продолжаются статьи „Братство религій“, А. Безантъ.

Очень интересны статья Д. Рид’а „Символизмъ солнца“ и статья Ф. Гартмана: „Іога въ христіанской Церкви“.

Духовное Солнце, говоритъ Д. Ридъ, есть троякая тайна, „три въ Единомъ“, какъ исповѣдуютъ это всѣ символы вѣры. Въ своемъ годовомъ шествіи черезъ 12 знаковъ Зодіака, вліяющихъ на перемѣну временъ года, Солнце символизируетъ Солнечнаго героя, Сына, „рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ“, „едино-

сущнаго Отцу“, Чьей Жертвой міръ сотворенъ и Любовью Котораго онъ держится. Какъ неисчерпаемый источникъ Жизни для всей вселенной, Оно есть также и Св. Духъ или Слово, какъ неизмѣнная центральная единица для нашей планетной системы. Оно символизируетъ Вѣчнаго Отца.

Въ мірѣ человѣческомъ Солнце становится символомъ и Творца, и Божественной Сути человѣка. Мы всѣ сыны Солнца, всѣхъ насъ выслалъ Отецъ въ міръ, чтобы трудиться до великой Ночи Брахмы. Эта мысль во всѣхъ религіяхъ міра символизируется Крестомъ или Деревомъ. Св. Дерево изображалось съ самыхъ древнихъ временъ опрокинутымъ: корни его—въ небесахъ, вѣтви—на землѣ. И Древо и крестъ—ничто иное, какъ Путь Солнца, который совершаютъ одинъ за другимъ всѣ солнечные герои. Знаки Зодіака—означаютъ законы внутренняго восхожденія и потому каждый есть символъ посвященія.

Какъ примѣръ, авторъ беретъ миѳъ о подвигахъ Геркулеса. Какъ всѣ солнечные герои, Геркулесъ рождается отъ земной матери и Небеснаго Отца, Зевса. Въ знакѣ Арій Геркулесъ ловитъ Діомедскихъ кобылицъ, которыхъ питали человѣческимъ мясомъ. Конь символизируетъ интеллектъ; кобылицы дѣлаются покорными, напитавшись плотью своего хозяина, котораго Геркулесъ убиваетъ. Такъ воля, побѣдивъ низшія страсти, отдаетъ нихъ на питаніе уму.

Въ знакѣ Вола, онъ ловитъ Критскаго Быка, котораго Посейдонъ выслалъ изъ океана для жертвоприношенія Миноса, но Миносъ былъ имъ очарованъ и пожалѣлъ его. Быкъ взбѣсился и былъ причиной большихъ безпорядковъ на о. Критѣ. Волъ символизируетъ физическое тѣло, которое является изъ всемірнаго океана Матеріи, чтобы служить высшему началу; когда ему дается первенствующая роль, оно безумствуетъ и творитъ несчастье. Интересно, что, словивъ Быка, Геркулесъ ему возвращаетъ свободу, какъ только онъ сдѣлался его покорнымъ слугою.

Въ Близнецахъ, Геркулесъ отправляется за Коровами Геріона, которыя живутъ на островѣ Ерифеѣ, далеко на Западѣ, охраняемыя великаномъ и чудовищной двуглавой собакой. Ему приходится проѣзжать черезъ Гибралтарскій проливъ, гдѣ онъ воздвигаетъ два Столпа, символизирующіе ту двойственность Духа и Матеріи, которая должна быть преодолѣна на порогѣ Святая Святыхъ.

Въ Ракѣ, герой сражается съ девятиглавой Гидрой. Созвѣздіе Ракъ управляется Луною, символомъ перевоплощенія. По мѣрѣ

того, какъ Геркулесъ отрубаетъ голову Гидрѣ, выростаетъ новая, пока онъ не сжигаетъ ихъ всѣ до послѣдней, безсмертной, которую онъ хоронитъ подъ тяжелымъ камнемъ. Освободиться отъ Колеса Перевоплощенія можно только очищеніемъ, т. е. сжиганіемъ низшаго я, тогда какъ высшему суждено жить вѣчно.

Въ знакѣ Льва, Геркулесъ убиваетъ Немейскаго Льва, сына Тифта и Ехидны. Напрасно истощивъ всѣ свои стрѣлы противъ чудовища, онъ его убиваетъ, задушивъ голыми руками. Левъ символъ утонченныхъ страстей; здѣсь моментъ, когда чувства дѣлаются проводникомъ Свѣта, который побѣждаетъ силы тьмы. Съ тѣхъ поръ Геркулесъ носитъ львиную шкуру, а левъ становится символомъ самого Солнца.

Въ знакѣ Дѣвы, Геркулесъ долженъ словить Аркадскую лань съ золотыми рогами и мѣдными ногами. Въ этомъ знакѣ душа обрѣтаетъ силу преображенія. Это часъ зачатія, когда мы постигаемъ свою божественность.

Въ Вѣсахъ, Геркулесъ посланъ за поясомъ Ипполиты, царицы Амазонокъ, пояса, подареннаго ей Аріемъ, богомъ войны. Ипполита все та же Афродита, волшебный поясъ которой внушаетъ всѣмъ любовъ и желаніе. Знакъ „Вѣсы“ управляется Венерой, символизующей любовный союзъ съ Богомъ черезъ красоту.

Въ Скорпіонѣ, Геркулесъ охотится въ снѣгахъ на Эриманфскаго вепря, доводитъ его до изнеможенія и беретъ въ сѣти. Сѣти означаютъ Карму, которая должна быть преодолѣна для освобожденія.

Въ Козерогѣ, Геркулесъ побѣждаетъ хищныхъ стимфалійскихъ птицъ, жившихъ на озерѣ въ Аркадіи и питавшихся человѣческимъ мясомъ. При помощи богини мудрости, Аѳины, онъ разгоняетъ ихъ. Эти птицы—ментальные враги, мысли, расхищающіе духовныя сокровища и заграждающіе путь къ Храму. Только духомъ мудрости и терпѣнія они изгоняются. Послѣ этого, Геркулесъ готовъ для высшаго посвященія, онъ долженъ умереть и спуститься въ адъ. Его посылаютъ за хранителемъ ада, страшнымъ Церберомъ, котораго онъ похищаетъ съ помощью Меркурія или Гермеса, олицетворяющаго просвѣтленный разумъ. При сошествіи своемъ въ адъ, герой спасаетъ многихъ жертвъ ада отъ вѣчныхъ мукъ.

Въ знакѣ Водолея, Геркулесъ долженъ вычистить Авгіевы конюшни, которыя стояли 30 лѣтъ въ грязи. Герой направляетъ на нихъ потокъ Тигра и Ефрата; эти рѣки—близнецы души, разумъ и интуиція.

Въ знакѣ Рыбъ, Геркулесъ посылаетъ великана Атланта снять золотыя яблоки съ Древа въ садѣ Гесперидъ, а самъ въ это время поддерживаетъ Небеса. Герой сталъ „столпомъ въ Храмѣ Бога“ и „больше изъ него не выходитъ“. Въ этомъ знакѣ Христосъ восходитъ на небеса и Христосъ рождается въ душѣ. Этимъ подвигомъ завершается циклъ двѣнадцати посвященій, которыя всѣ являются различными аспектами великаго символа Древа, символа рожденія и искупленія.

Авторъ заканчиваетъ свою статью цитатой изъ Упанишадъ: „Оба, и Тотъ, кто пребываетъ въ Человѣкѣ, и Тотъ, Кто пребываетъ въ Солнцѣ, оба они воистину составляютъ Одно“.

Ф. Гартманъ указываетъ, что въ монашескихъ орденахъ Католической Церкви существуетъ опредѣленная духовная и психическая тренировка со ступенями, вполнѣ соотвѣтствующими тому, что на Востокѣ, въ дисциплинѣ Іоги, называется Shama, Dama, Uparati, Titiksha, Shraddha и Samadhana, а также Pranayama *). Для примѣра, онъ беретъ дисциплину, учрежденную И. Лайолой въ орденѣ Іезуитовъ, и разсматриваетъ послѣдовательныя состоянія сознанія, какъ они въ ней именуются:

1) *Преодолѣніе Эмоцій.*

2) *Концентрація.* Эго научается управлять своими мыслями.

3) *Медитація.* Эго углубляется въ анализъ того или иного предмета.

4) *Созерцаніе.* Умъ вступаетъ въ самый предметъ, надъ которымъ думаетъ.

5) *Освященіе.* Общеніемъ съ святымъ предметомъ умъ освящается.

6) *Соединеніе.* Созерцающій сливается съ созерцаемымъ.

7) *Умерщвленіе.* Исчезаетъ иллюзія раздѣльности. Познающій, познаваемое и знаніе сливаются въ одно.

Слѣдуютъ правила благочестивой жизни, указанія на методы молитвы и медитаціи.

Первая ступень молитвы требуетъ размышленія надъ семью смертными грѣхами и соотвѣтствующими имъ семи кардинальными добродѣтелями.

Вторая ступень требуетъ размышленія надъ каждымъ словомъ молитвы.

---

*) Контроль мысли, контроль дѣйствій, терпимость, терпѣніе, непоколебимая вѣра, гармонія, а также регулированіе дыханія.

На третьей ступени молящійся долженъ найти полное удовлетвореніе въ совершенномъ пониманіи главныхъ молитвъ.

На послѣдней ступени онъ долженъ научиться регулировать дыханіе при молитвѣ.

Послѣднее указаніе: чрезвычайно важно при медитаціи возможно ярко вспоминать всѣ этапы земной жизни Спасителя, особенно останавливаясь на всѣхъ моментахъ его крестныхъ страданій.

Ж. Спенслэй разбираетъ древне-египетскій папирусъ, найденный въ 1879 г. Масперо и опубликованный въ 1896 г. Эрманомъ. Въ немъ иносказательно разсказывается о работѣ души, которая отъ пессимизма переходитъ путемъ глубокаго размышленія къ свѣтлому пониманію жизни.

Въ популярномъ отдѣлѣ идетъ статья о законѣ Кармы, А. Безантъ.

Въ этомъ № дается также краткій біографическій очеркъ, посвященный А. Каменской, представителю Теософическаго движенія въ Россіи.

Въ „Lotus bleu“ (Revue Théosophique) идетъ статья А. Безантъ „Загробная жизнь“ и статья д-ра В. ванъ Гукъ „О жизни и смерти въ больницахъ“ [1]).

Въ нѣмецкомъ журналѣ „Theosophie“ заканчивается статья Іегера о Гегелѣ и статья Э. Шюре „О мистическомъ элементѣ въ твореніяхъ Р. Вагнера“.

Среди афоризмовъ даются изреченія Л. Н. Толстого и Е. П. Блаватской.

Шведскій Teosofisk Tidskrift даетъ легенду Л. Толстого о Моисеѣ и пастухѣ, статью А. Безантъ „Исламъ въ свѣтѣ Теософіи“ и ея же статью о музыкѣ [2]). Въ журналѣ довольно большое мѣсто отводится хроникѣ движенія въ Швеціи и библіографическому отдѣлу.

Американскій Вѣстникъ „Theosophic Messenger“ даетъ статью В. Бринсмэдъ „О Жертвѣ“. Авторъ указываетъ, что человѣкъ, достигшій гармоніи, совершаетъ жертву, испытывая счастье, ибо онъ сталъ совершеннымъ проводникомъ, съ равной радостью получающій и отдающій свою жизнь. Законъ жертвы становится закономъ освобожденія отъ страданія.

М. Виллисъ, въ статьѣ о воспитаніи, высказываетъ рядъ интересныхъ мыслей о методахъ воспитанія молодаго поколѣнія.

---

[1]) Объ этихъ статьяхъ была уже рѣчь въ В. Т. (1910 г.).

[2]) Эта статья скоро пойдетъ въ В. Т.

„Истинное воспитаніе, говоритъ авторъ, состоитъ въ развитіи природныхъ способностей дѣтей и въ одухотвореніи ихъ, т. е. во внушеніи имъ убѣжденія въ единствѣ всего сущаго, единствѣ жизни, скрытой во всемъ, и вытекающей отсюда возвышенной этики". Авторъ совѣтуетъ систематически воспитывать ихъ воспріимчивость, чуткость, наблюдательность, память, терпѣніе и другія цѣнныя качества души и ума.

В. В. Г., въ статьѣ „Подражаніе Христу", напоминаетъ, что поклоненіе Учителю должно вести за собой осуществленіе Его завѣта въ будничной жизни. Поклоняясь Христу, мы неизбѣжно должны идти по стопамъ Его.

Ф. Титусъ горячо ратуетъ за устройство школы новаго типа на основахъ теософическихъ.

Приложенъ портретъ г-жи М. Руссакъ, недавно пріѣхавшей изъ Индіи и совершающей въ настоящее время теософическое турнэ въ Америкѣ.

Въ Австралійскомъ Вѣстникѣ „Theosophy in Ausralasia" отмѣчаются, какъ знаменательный фактъ, проповѣди Ж. Кэмпбеля [1]), открыто говорящаго въ Церкви о законахъ перевоплощенія и Кармы, которые онъ признаетъ христіанскими ученіями. Въ этомъ отношеніи очень интересно различіе, которое онъ дѣлаетъ между индивидуальностью, переживающею вѣка, и смертною личностью.

Начинается серія интересныхъ статей, посвященныхъ изученію десяти заповѣдей съ точки зрѣнія Теософіи. Авторъ считаетъ, что мы всѣ склонны понимать ихъ слишкомъ грубо матеріально и потому воображаемъ, что мы ихъ переросли. 1-я заповѣдь, по его мнѣнію, есть заповѣдь противъ ереси обособленности въ духовныхъ сферахъ, противъ духа исключительности и фанатизма; 2-я заповѣдь противъ культа индивидуальности, какъ высшей цѣнности; 3-я есть заповѣдь противъ расточительности божественной силы, которая намъ дана только для работы созиданія единства, а не для какихъ либо иныхъ личныхъ и частныхъ цѣлей. Нарушеніе заповѣдей ведетъ къ страданію, потому, что грѣшитъ противъ закона жизни.

Журналъ „Theosophy in India" посвящаетъ много мѣста изученію восточныхъ Св. Писаній. Въ февральскомъ № помѣщены мысли индусскаго подвижника, Гемендранатъ Синга:

„Церковь, которая не можетъ призывать къ молитвѣ всѣхъ, высокопоставленныхъ и низко стоящихъ, образованныхъ и не-

---

[1]) Священникъ англиканской церкви, авторъ книги „Новое богословіе". Въ мартовскомъ № В. Т. помѣщено извлеченіе изъ его проповѣди: „Старое и Новое".

образованныхъ, Брахмина и млекка [1]), мусульманина и кафира, европейца и азіата, мужчину и женщину, такая Церковь не есть Церковь Отца нашего Небеснаго!

Въ Церкви нашего Любящаго Отца не будетъ мѣстъ для избранныхъ: грѣшникъ и безгрѣшный, ученый и необразованный, будутъ сидѣть рядомъ и всѣ будутъ чувствовать любовь Отца и принимать участіе въ Его службѣ.

Церковь будущаго будетъ обителью всѣхъ націй, вѣроисповѣданій и расъ, ея верховной Жрицей будетъ Женщина и поклоняться будутъ лишь Истинѣ, Чистотѣ и Любви. Да поможемъ мы устройству Царства Правды на землѣ и начнемъ съ устройства его въ нашей жизни и въ нашемъ отечествѣ!

Да окажемся мы всѣ достойными Его!".

Alba.

Пьющій воду сію, возжаждетъ опять; а кто будутъ пить воду, которую Я дамъ, не будетъ жаждать во вѣкъ;

Но вода, которую Я дамъ ему, сдѣлается въ немъ источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную.

(Еванг. отъ Іоанна, IV, 13—14).

Наступаетъ время, когда и не на горѣ сей, и не въ Іерусалимѣ будете поклоняться Отцу.... Настанетъ время, и настало уже, когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ; ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ Себѣ.

Богъ есть Духъ: и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ.

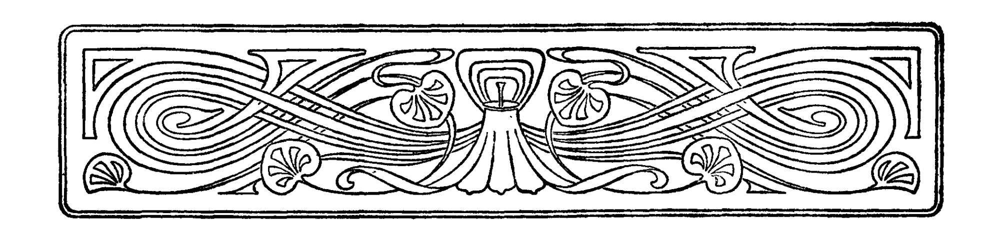
(Отъ Іоанна, IV, 22—24).

Старайтесь не о пищѣ тлѣнной, но о пищѣ пребывающей въ жизнь вѣчную, которую дастъ вамъ Сынъ Человѣческій; ибо на Немъ положилъ печать Свою Отецъ, Богъ.

(Отъ Іоанна, VI, 27).

---

[1]) Дикаря.

Хроника Теософическаго движенія.

═ Совѣтомъ Р. Т. О-ва получено отъ секретаря Финляндской Секцій Т. О-ва сообщеніе, что д-ръ Р. Штейнеръ въ нынѣшнемъ году въ Финляндію пріѣхать не можетъ и что предполагаемый курсъ его лекцій откладывается на неопредѣленное время.

═ Тридцать пятый съѣздъ Теософическаго Общества въ Индіи прошелъ въ Адіарѣ при большомъ стеченіи народа. Число делегатовъ и гостей достигло цифры 1200 и всѣ нашли пріютъ, домъ и столъ въ гостепріимномъ Адіарѣ. Съѣздъ длился три дня. Получено много привѣтственныхъ писемъ и телеграммъ со всѣхъ концовъ міра. Почти всѣ европейскія страны были представлены. Во время конгресса, кромѣ А. Безантъ, читалъ лекціи и г. Ж. Арундэль, г. Ч. Ледбитеръ отвѣчалъ на вопросы (два собранія были исключительно посвящены вопросамъ и отвѣтамъ). Нѣкоторыя лекціи имѣли мѣсто подъ большимъ банановомъ въ саду, что придавало живописный и оригинальный характеръ собраніямъ. Черезъ просвѣты вѣтвей синѣло небо, легкій вѣтерокъ съ моря шелестилъ листьями, заходящее солнце озаряло золотистыми лучами самыя разнообразныя лица, платья и головные уборы. Впереди сидѣли пріѣхавшіе представители, а за ними на землѣ тысячная толпа членовъ и гостей, главнымъ образомъ все Индусы.

На дѣловомъ собраніи было объявлено о новыхъ національныхъ обществахъ, образовавшихся въ 1910 г.: Шотландскомъ и Швейцарскомъ. Въ настоящее время, къ международному Теософическому Обществу примыкаютъ 18 національныхъ обществъ и всего числится членовъ—20.356, т. е. противъ прошлаго года прибавилось членовъ 3.847.

Ирландія готовится также открыть свое національное общество, въ Богеміи и Финляндіи работа идетъ интенсивно, въ Южной Африкѣ Общество крѣпнетъ и растетъ, во всѣхъ странахъ дѣло все болѣе расширяется, но впереди всѣхъ, если не считать Индіи, идетъ С. Америка.

	Теософическ. центровъ (или кружк.).	Членовъ.
1. Америка уже насчитываетъ	115	3.000
2. Въ Англіи	49	1.606
3. „ Индіи	305	5.252
4. „ Скандинавіи	28	910
5. „ Австраліи	19	954
6. „ Новой Зеландіи	17	602
7. „ Нидерландахъ	22	1.446
8. „ Франціи	30	1.039
9. „ Италіи	20	277
10. „ Германіи	47	1.950
11. На о. Кубѣ	33	482
12. Въ Венгріи	7	109
13. „ Финляндіи	18	573
14. „ Россіи	8	155 *)
15. „ Богеміи	7	135
16. „ Южн. Африкѣ	8	154
17. „ Шотландіи	9	175
18. „ Швейцаріи	7	— **)
Въ другихъ странахъ ***)	32	468
Въ итогѣ . . .	778	20.356

Въ отчетѣ съ радостью констатируется общій ростъ и развитіе движенія во всемъ мірѣ. Отмѣчается и фактъ, что Тайная Доктрина Е. П. Блаватской въ настоящемъ году переводится и готовится къ печати на финскомъ и на русскомъ языкахъ. Изъ оригинальныхъ книгъ, появившихся въ этомъ году, надо отмѣтить „Единыя міровыя основы религіи и нравственности", А. Безантъ, и книгу д-ра Р. Штейнера: „Geheimwissenschaft".

Изъ помощи, оказанной Теософическимъ Обществомъ различнымъ гуманитарнымъ и просвѣтительнымъ движеніямъ, А. Безантъ отмѣчаетъ помощь буддійскимъ школамъ на Цейлонѣ и работу О. Служенія, много поработавшаго въ настоящемъ году надъ вопросами воспитанія, а также помощи слѣпымъ, для которыхъ напечатано нѣсколько теософическихъ книгъ. Въ Австраліи сдѣлано много по вопросу о сожженіи мертвыхъ и скоро будетъ сооруженъ общественный крематорій.

*) Въ настоящее время уже 170 членовъ.

**) Члены вошли по старому еще въ число французскихъ.

***) Не имѣющихъ еще національной организаціи.

Свой отчетъ А. Безантъ заканчиваетъ слѣдующими словами:

„Братья, передъ нами ясно растилается путь и мы должны итти по немъ твердо и неустанно... Каждый долженъ, согласно своимъ способностямъ, двигаться къ цѣли Божественнаго человѣчества и озарить свою сферу дѣятельности тѣмъ свѣтомъ, который зачался надъ Востокомъ. Мы должны приготовить свои сердца къ принятію Великаго Учителя и подготовить міръ къ Его пришествію. На небѣ уже свѣтится заря Новаго Дня; въ сердцахъ нашихъ поетъ птица Безсмертія и надъ Гималаемъ раскрытъ Его путь; блаженны тѣ, кто созерцаютъ Его Красоту и Славу, но еще блаженнѣе тѣ, кто склоняетъ сердце свое къ Его стопамъ".

═ При Орденѣ Служенія, во Франціи, возникла „Лига нравственнаго воспитанія молодежи". Въ настоящее времи она насчитываетъ уже 260 членовъ. Лига издаетъ маленькій журналъ (Bulletin), который безплатно разсылаетъ учителямъ и учительницамъ. Весною 1910 г. Лигой была учреждена первая школа новаго типа „La Famille", которая является полемъ для практическаго примѣненія теософическихъ взглядовъ на воспитаніе.

При О. Служенія, въ различныхъ странахъ уже возникло 7 подобныхъ лигъ. Онѣ думаютъ соединиться и образовать федерацію для совмѣстнаго обсужденія насущныхъ вопросовъ воспитанія. Въ 1912 г. предполагается созвать конгрессъ федераціи въ Гагенѣ.

═ 11-го марта, въ Спб. въ большой аудиторіи Соляного Городка, А. Каменская прочитала публичную лекцію на тему: „Вопросы новаго воспитанія въ связи съ задачами духовной культуры".

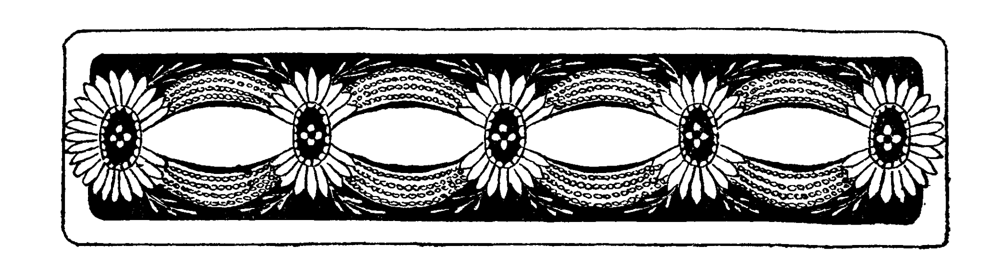
═ 16-го марта, въ открытомъ собраніи Р. Т. О., въ помѣщеніи Ж. В. Б. О-ва, Ц. Гельмбольдтъ сдѣлала сообщеніе: „Основныя положенія Теософіи".

═ Въ Москвѣ, при М. Отдѣлѣ Р. Т. О-ва состоялось два открытыхъ собранія; Ю. Н. Кирпичникова прочитала сообщеніе „Что такое Теософія и Теософическое Общество", а Н. К. Боянусъ сдѣлалъ сообщеніе „Единство религій". Оба доклада вызвали оживленный обмѣнъ мнѣній.

═ На послѣднемъ открытомъ собраніи Калужскаго Отдѣла Р. Т. О-ва, предсѣдательница Отдѣла, Е. Ф. Писарева сдѣлала сообщеніе: „Значеніе и миссія Л. Толстого".

═ При Кіевскомъ Отдѣлѣ Р. Т. О-ва открылся пятинедѣльный курсъ, на которомъ предсѣдательницей, Е. Родзевичъ, читаются сообщенія на тему „Основныя положенія Теософіи".

Alba.

Хроника жизни.

Всемірный религіозный Конгрессъ.

Съ 1901 г. собираются всемірные съѣзды свободомыслящихъ всѣхъ странъ для обмѣна мнѣній по вопросамъ религіознымъ. Вызваны эти съѣзды насущною потребностью участвующихъ къ сближенію по этимъ вопросамъ и горячимъ стремленіемъ къ свободѣ и братству. Первый такой съѣздъ былъ въ Лондонѣ въ 1901 г.; второй—въ Амстердамѣ въ 1903 г.; третій—въ 1905 г. въ Женевѣ; четвертый—въ 1907 г. въ Бостонѣ и, наконецъ, послѣдній въ августѣ 1910 г. въ Берлинѣ.

Въ Германіи конгрессъ, казалось, долженъ былъ бы встрѣтить не мало препятствій, ибо общество жестоко борется съ религіей или вѣрнѣе съ существующими проявленіями ея и недавно еще на многолюдныхъ собраніяхъ жарко и далеко не безпристрастно разбиралась проблема Христа. Собранія эти ничего кромѣ горячихъ споровъ и неудовольствія не дали; всѣ разошлись неудовлетворенными, непримиренными и даже озлобленными. Поэтому естественно опасались за исходъ предстоящаго всемірнаго религіознаго конгресса и задавали себѣ вопросъ: протечетъ ли онъ мирно, не вызоветъ ли одни лишь недоразумѣнія, приведетъ ли къ соглашенію?

И дѣйствительно, если бы надъ различными вѣроисповѣданіями не возвышалась единая религія и надъ множественностью мнѣній и воззрѣній не царилъ духъ единенія, то конгрессъ Берлинскій не прошелъ бы такъ мирно и такъ удивительно гармонично.

Пути религіи—пути богоисканія. У всякаго народа и у всякаго племени, у всякой единичной личности есть свой путь, ему свойственный. Многообразныя, различныя вѣроисповѣданія суть отдѣльные голоса племенъ, взывающихъ въ общемъ хорѣ человѣчества къ Единому, Нераздѣльному, Вѣчно-сущему. Одни различныя врата, ведущія къ одному и

тому же горнему граду. Въ многообразности религій отражается необъятная всесторонность Божества, въ каждой изъ нихъ особенно выражается какая-нибудь одна сторона Божественнаго. Вотъ почему необходима взаимная широкая терпимость; каждая религія у другой можетъ кое-чему поучиться и только на почвѣ широкой терпимости свободно разовьется религіозная жизнь.

Свободная религіозная жизнь высшее благо человѣка, и тамъ духовный застой, гдѣ нѣтъ этой свободы. Всюду и во всѣ времена существовали глубокія религіозныя истины и онѣ теперь просятся на волю. Въ пестромъ разнообразіи религіозныхъ движеній пробивается наружу вѣчно-живой идеалъ единенія и братства. Онъ стучится въ сердце каждаго, неся въ рукахъ вѣтку мира.

Послѣдній конгрессъ превзошелъ всѣ ожиданія и показалъ воочію, что свободная религія дѣйствительно сближаетъ людей. Въ немъ участвовали представители почти всѣхъ религіозныхъ системъ, но никому изъ нихъ не приходило въ голову обращать другихъ въ свою религію. Указывалось лишь на стороны, *общія* всѣмъ религіямъ, на ихъ соотвѣтствія, на ихъ близкое сродство, и всѣмъ было ясно, что не намъ, людямъ, судить о томъ, какая религіозная система выше другой.

Около 2-хъ—3-хъ тысячъ присутствующихъ и на всѣхъ лицахъ печать блаженнаго довольства, глубокаго удовлетворенія. Для всѣхъ это минуты великаго дѣла, знаменательнаго событія племеннаго единенія и братства человѣчества. Это моментъ великой подготовительной работы для новой наступающей эры, когда добро и красота станутъ достояніемъ всѣхъ, общимъ идеаломъ, къ которому всѣ, каждый по своему, будутъ стремиться свободной волею, никого другого не тѣсня. На меня конгрессъ произвелъ глубокое захватывающее впечатлѣніе, и я съ глубокой благодарностью вспоминаю всѣхъ представителей, сообщившихъ намъ свое знаніе, свой опытъ. Не скрою, и я встрѣчалъ людей, которымъ казалось многое сухимъ и которые жаловались на чрезмѣрное обиліе чисто богословскихъ терминовъ и догматическихъ вопросовъ. Я этого не испыталъ. Въ такихъ собраніяхъ, конечно, сторона умозрительная, чисто ментальная, неизбѣжно должна преобладать, ею устраняются всякія нездоровыя сентиментальныя проявленія. Здоровое мышленіе необходимо для правильнаго дѣйствія. Въ области мысли, въ области чисто отвлеченнаго, философскаго мышленія люди прежде всего подадутъ другъ другу руку. И это нисколько не умаляетъ религіознаго чувства, оно переноситъ ихъ напротивъ изъ міра чисто душевнаго въ неизмѣримо высшія состоянія, въ видныя сферы духа и духовнаго единенія. Жить въ міровыхъ идеяхъ вселенной та же религія.

Никогда не было такого дружнаго исканія истины какъ въ наше время, когда намъ стали доступны древнія, давно забытыя, ветхія и теченіемъ временъ полуистлѣвшія письмена поразительно глубокой мудрости. Сознательная жизнь человѣка всегда должна подыматься надъ уровнемъ своей спеціальности, своей отдѣленности. Всякая односторонность налагаетъ оковы на свободу воли и задерживаетъ духовный ростъ. Нужно быть знакомымъ со всѣми религіями, дабы вѣрно оцѣнивать свою собственную. Проповѣдникъ съ узкимъ міровоззрѣніемъ не можетъ болѣе привлекать къ себѣ сердца и мысль людей. Изученіе другихъ религіозныхъ системъ дѣйствуетъ оплодотворяюще на свою собственную. Всякое расширеніе религіознаго горизонта будитъ душу къ новымъ подъемамъ. Когда смотришь съ извѣстной высоты на развитіе религіозной жизни въ различныхъ религіяхъ, то съ замирающимъ чувствомъ благоговѣнія видишь медленное пробужденіе душъ къ новому бытію и какъ бы тайно присутствуешь при рожденіи Бога-человѣка. Толпа, ходившая въ потемкахъ, уже почуяла приближеніе дневного свѣтила. Свѣтъ Христовъ какъ-бы начинаетъ изливаться на нее.

Не мало уже признаковъ постепенно наступающаго великаго переворота для того, кто умѣетъ всматриваться въ настоящее и ловитъ его высшія переживанія. Изученіе настоящаго покажетъ ему, куда направить свои стопы, гдѣ подобающее мѣсто его (Theosoph. Kultur, Nov. 1910. Erust Gorsemann).

Берлинскій міровой конгрессъ представлялъ удивительную пеструю картину. Тутъ толпились буддисты, брамины, евреи и всевозможные толки христіанства: католики, протестанты, уніонисты, методисты, баптисты, менониты. Всѣ доклады дышали чувствомъ добраго намѣренія служить общей идеѣ, цѣлому, все протекало въ полной гармоніи и кто слушалъ эти рѣчи безъ предразсудка, тотъ могъ почувствовать невидимую нить, связующую его съ ораторомъ. Чувствовалось, что насъ соединяетъ всѣхъ одна идея, глубокая потребность взаимнаго духовнаго пониманія и общенія. И надъ всѣмъ собраніемъ развивался—ясно видимый духовному оку—флагъ будущаго, флагъ „соединеннаго слившагося во Едино человѣчества“.

Зародышъ къ будущей, наступающей культурѣ заложенъ въ этихъ міровыхъ конгрессахъ религій; каждый участникъ уноситъ его съ собою во всѣ страны земного шара. Мы стоимъ несомнѣнно на порогѣ великихъ религіозныхъ переворотовъ; намъ слѣдуетъ готовиться къ нимъ. Время сдѣлаетъ свое дѣло. Наше же дѣло встрѣтить достойно новый историческій моментъ: очищать и освящать все свое существо любовью и мудростью.—Если извѣстія объ этомъ конгрессѣ въ современной прессѣ часто не вполнѣ соотвѣтствовали истинѣ, нося отпечатокъ

партійной окраски, и были искажены, то все-таки они не могли не признавать въ немъ знаменія времени.—Свѣтлая волна духовной жизни пронеслась по землѣ, люди узрѣли великую Церковь Духа, Храмъ которой вездѣ, а алтарь въ сердцѣ каждаго добраго человѣка.

== Кружокъ молитвы объ уничтоженіи вивисекціи.—Возмущающіеся вивисекціей могутъ порадоваться, узнавъ о существованіи такого кружка. Образовавшись съ надеждой привлечь хотя нѣсколько сочувствующихъ членовъ, въ настоящее время кружокъ, какъ цѣпью, сомкнулъ, можно сказать, весь земной шаръ. Чтобы быть членомъ этого кружка не требуется никакихъ особыхъ условій—и секретарь кружка (Miss H. Horsfall 5 Nightingale Road, Bushey, Herts) съ удовольствіемъ даетъ всѣ свѣдѣнія, а также копіи изданнаго кружкомъ правила, текстъ котораго читается такъ: „Помощь ваша состоитъ въ сильномъ напряженіи мысли, въ молитвѣ, сосредоточеніи или силѣ воли, (смотря по индивидуальности), направленныхъ для уничтоженія вивисекціи каждое воскресенье, ровно въ 10 ч. утра или ровно въ 3 ч. 30 м. пополудни, въ теченіе 10 минутъ. Необходимо не дозволять въ это время возникновенію дурныхъ мыслей противъ самихъ вивисекторовъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ придется поступать противъ цѣли кружка и содѣйствовать скорѣе злымъ, чѣмъ добрымъ силамъ. Вотъ молитвы для уничтоженія вивисекціи: 1) О, Ты, Который слышишь вопли сотворенныхъ Тобою, дай намъ понять, что страданіе, причиненное одному изъ живыхъ существъ, есть боль, причиненная Твоему любящему сердцу. Аминь. 2) О, Ты Всемилостивый, дающій жизнь вселенной и всему существующему, Ты, Который сострадаешь и человѣку, и животнымъ, будь въ насъ, укрѣпи и направь наши усилія къ уменьшенію страданія, которое человѣкъ такъ часто причиняетъ животнымъ, соучастникамъ его въ Твоей жизни, Твоемъ мірѣ, и Твоей любви. Дай намъ, Господи, любовь, мудрость и мощь, дабы дѣло наше было добро и мудро и чтобы мы имѣли силу—выносить, терпѣніе—продолжать и постоянство—не отступать. Дай намъ ускорить приближеніе того великаго дня, когда страданіе выполнитъ свое назначеніе, и радость—божественное наслѣдіе человѣка и животныхъ—будетъ править на землѣ внизу, какъ нынѣ блаженство—въ небесахъ. Аминь.

== Религіозно-философскій кружокъ имени св. Іоанна Златоуста, вступая на путь практической дѣятельности въ цѣляхъ предотвращенія самоубійствъ, организовалъ въ различныхъ районахъ Москвы религіозно-нравственныя бесѣды и рефераты для учащихся и интеллигентной молодежи. Бесѣды и рефераты кружка охотно посѣщаются учащимися, какъ-то: студентами, курсистками, юнкерами и многими интеллигентными молодыми людьми. Возникъ проектъ создать общество, которое

бы взяло на себя заботу о нравственной и матеріальной поддержкѣ покушающимся на самоубійство.

═ Въ Лондонѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ (26—29) текущаго года соберется Первый Конгрессъ всѣхъ народностей, который будетъ разсматривать существующія отношенія между народами Запада и народами Востока, между европейскими и развивающимися народностями Китая, Японіи, Индіи, Турціи и Персіи. Офиціальными языками будутъ—англійскій, французскій, нѣмецкій и итальянскій, но не исключаются и восточный и другіе языки. Доклады, представленные на конгрессъ, будутъ изданы въ 2-хъ томахъ—одинъ на французскомъ, другой на англійскомъ,—за мѣсяцъ до Конгресса. Между ихъ авторами извѣстныя имена, представителей болѣе чѣмъ двадцати разныхъ народностей. Представители разныхъ школъ мысли приглашаются принять участіе въ дебатахъ (политическія положенія не будутъ подлежать разсмотрѣнію). Цѣль Конгресса—разобрать въ свѣтѣ науки и современнаго сознанія отношенія, существующія между народами Запада и Востока, между бѣлыми и цвѣтными расами для возстановленія между ними полнаго взаимнаго пониманія, дружескаго согласія и сердечнаго сотоварищества. Обмѣнъ матеріальными и духовными благами между разными народами получилъ такое распространеніе, что старое недовѣріе и отчужденность смѣнились всеобщимъ желаніемъ болѣе тѣснаго сближенія. Вотъ программа 8 секцій: 1) Основныя положенія; значеніе словъ раса и народъ; 2 и 3) главныя условія прогресса; 3а) мирное соглашеніе между народами; 4) спеціальныя задачи политической экономіи между расами; 5 и 6) современное сознаніе относительно вопросовъ о расахъ; 7 и 8) положительныя теченія для установленія дружественныхъ отношеній между народами.

═ Въ Индіи основанъ „Орденъ Восходящаго Солнца" для объединенія всѣхъ тѣхъ, кто желалъ бы принять участіе, въ какой бы то ни было мѣрѣ, въ великой работѣ для подготовленія пути ко Второму Пришествію Христа.

Вотъ положенія Ордена:

1. Вѣримъ, что скоро объявится въ мірѣ Великій Учитель и теперь хотимъ жить такъ, чтобы быть въ состояніи познать Его, когда Онъ придетъ.

2. Поэтому будемъ стараться хранить Его всегда въ нашихъ душахъ и все, что на насъ накладываютъ обязанности каждаго дня, совершать во Имя Его.

3. Насколько позволятъ намъ наши ежедневныя обязанности, мы удѣлимъ часть времени опредѣленной работѣ, могущей подготовить насъ къ Его Пришествію.

4. Да будутъ Благоговѣніе, Твердость и Сочувствіе отличительными признаками нашей жизни.

5. Будемъ начинать и кончать нашъ день просьбой о Его Благословеніи всего того, что мы пытаемся дѣлать для Него и во Имя Его.

6. Нашимъ особеннымъ долгомъ считаемъ мы познавать и чтить величіе, въ чемъ бы оно ни проявлялось, и подчиняться, насколько это въ нашихъ силахъ, всѣмъ узаконеніямъ, полученнымъ нами отъ тѣхъ, кого мы ставимъ выше себя.

(Свѣдѣнія отъ Prof. E. A. Wodehouse, Benares City).

═ На состоявшемся въ воскресенье, 6-го февраля, засѣданіи тифлисскаго религіозно-философскаго о-ва секретарь этого послѣдняго А. В. Рудзянскій прочиталъ свой рефератъ „объ эфирѣ съ точки зрѣнія науки и Св. Писанія“.

Обмѣнъ мнѣній по этому реферату, за позднимъ временемъ, отложенъ на одно изъ слѣдующихъ засѣданій.

═ Въ воскресенье, 9 января, вечеромъ, состоялось обычное засѣданіе тифлисскаго религіозно-философскаго о-ва, посвященное продолженію обсужденія вопроса о возможности чуда.

Послѣ оживленнаго и долгаго обмѣна мнѣніями, присутствовавшіе на засѣданіи согласились съ тѣмъ, что чудо возможно; такъ какъ не всѣ законы природы извѣстны человѣку, то нельзя утвердительно сказать, что въ чудѣ есть какое-либо противорѣчіе законамъ природы; при этомъ было указано, что чудо можетъ быть явленіемъ высшаго порядка, тоже закономѣрнымъ, но не могущимъ быть провѣреннымъ эмпирически.

Въ заключеніе засѣданія общество поручило предсѣдателю правленія Д. С. Кобіеву возбудить ходатайство о разрѣшеніи о-ву издавать періодическій журналъ, подъ названіемъ „Вѣстникъ тифлисскаго религіозно-философскаго общества“.

═ Состоявшееся въ воскресенье, 16 января, засѣданіе тифлисскаго религіозно-философскаго общества вице-предсѣдатель о-ва К. Х. Ломизе открылъ бесѣдой о религіозномъ и научномъ основаніи признанія загробнаго міра, причемъ въ самомъ началѣ бесѣды члены о-ва пришли къ заключенію, что научное и религіозное основаніе существованія загробной жизни слѣдуетъ разсматривать отдѣльно, а потому рѣшили разсмотрѣть сперва религіозныя основанія.

На отчетномъ засѣданіи успѣли въ общихъ чертахъ просмотрѣть относящіеся къ разсматриваемому вопросу тексты ветхаго завѣта. Всѣ присутствовавшіе согласились, что въ ветхомъ завѣтѣ есть указанія на загробную жизнь, хотя и въ незначительномъ количествѣ и неясныя.

На этомъ бесѣда, за позднимъ временемъ, прервалась.

═ Засѣданіе тифлисскаго религіозно-философскаго о-ва, въ воскресенье, 30 января, посвящено было продолженію обсужденія вопроса о существованіи загробной жизни, при чемъ продолжалось обсужденіе текстовъ ветхаго завѣта, относящихся къ данному вопросу, такъ какъ нѣкоторые члены общества нашли, что ветхій завѣтъ не исчерпанъ былъ въ этомъ отношеніи. Обсужденіе текстовъ ветхаго завѣта привело собраніе къ заключенію, что хотя въ немъ и есть указанія на существованіе загробной жизни, но ихъ мало и они недостаточно ясны, въ противоположность новому завѣту, гдѣ на каждомъ шагу имѣются указанія, утверждающія существованіе загробнаго міра. Обсужденіе вопроса о существованіи загробной жизни съ научной стороны общество рѣшило отложить въ виду того, что одна изъ предполагаемыхъ къ прочтенію въ ближайшемъ будущемъ публичныхъ лекцій имѣетъ близкое отношеніе къ этому вопросу, почему разсмотрѣніе научныхъ основаній существованія загробнаго міра признано болѣе удобнымъ обсудить послѣ обмѣна мнѣній по поводу этой лекціи.

═ Собраніе Московскаго религіозно-философскаго общества, посвященное памяти Вл. Соловьева, собрало массу публики. Первый докладъ былъ прочитанъ В. Ф. Эрномъ на тему „В. С. Соловьевъ, какъ философъ“. Считая, что философія Соловьева цѣликомъ опредѣляется его паѳосомъ, докладчикъ далъ характеристику психики Соловьева, какъ единственнаго мыслителя послѣ Платона, который не разсудкомъ, не логическими схемами дошелъ до познанія глубочайшей мистической истины, а, столкнувшись съ нею жизненно, встрѣтилъ ее лицомъ къ лицу въ знаменитомъ своемъ путешествіи изъ Англіи въ Египетъ, гдѣ въ пустынѣ, въ 20 верстахъ отъ Каира, онъ ждалъ свиданія съ „розовой тѣнью“, воплотившейся Вѣчной Женственностью. Вторымъ докладчикомъ былъ В. И. Ивановъ, прочитавшій „О значеніи Вл. Соловьева въ судьбахъ нашего религіознаго сознанія“; сравнивая Соловьева съ другими властителями думъ, Достоевскимъ и Толстымъ, докладчикъ считаетъ Соловьева синтезомъ ихъ обоихъ, ибо Достоевскій, говоря о „касаніи міровъ иныхъ“, о Христѣ, воскресшемъ въ русской народной душѣ, только прозрѣвалъ, но не оформилъ новое религіозное сознаніе, Толстой же, будучи анархистомъ, отрицая культуру, лишь расчищалъ путь для полнаго религіознаго самоутвержденія каждой отдѣльной личности, но положительнаго ученія не далъ. Соловьевъ, соединяя глубочайшую мистику съ признаніемъ культуры, какъ временной фазы историческаго процесса, завершилъ ихъ обоихъ. Слѣдующій докладъ Н. А. Бердяева „Проблема Востока и Запада въ религіозномъ сознаніи Вл. Соловьева“ далъ интересную критику взглядовъ Соловьева на соединеніе церквей. Докладчикъ считаетъ кореннымъ дефектомъ ихъ то,

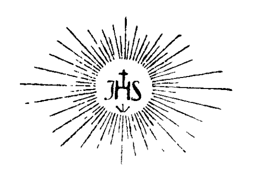
что Соловьевъ основывалъ свое соединенiе церквей на формальномъ схоластическомъ фундаментѣ, на соглашенiи церковныхъ властей, между тѣмъ какъ соединенiе можетъ быть основано только на внутреннемъ тяготѣнiи православiя и католичества другъ къ другу, тѣмъ болѣе, что, по мнѣнiю докладчика, вполнѣ вѣрна характеристика православiя, какъ пассивно-созерцательной религiи, а католичества—активно-трудовой: механически ихъ соединить нельзя. Послѣднiй докладчикъ, А. Блокъ, не прiѣхалъ, и за него докладъ, въ которомъ Вл. Соловьевъ былъ красиво охарактеризованъ, какъ „рыцарь-монахъ", прочелъ одинъ изъ членовъ президiума.

═ Въ Кiевѣ 4-го февраля въ помѣщенiи общественнаго собранiя состоялась лекцiя А. А. Каменской, посвященная: „Задачамъ новаго воспитанiя въ связи съ задачами духовной культуры". Е. Кузьминъ въ статьѣ „Набатъ" (газ. „Кiевскiя Вѣсти"), говоря объ этой лекцiи, поражается, что она такъ мало собрала представителей педагогическаго мiра. А. Каменская, будучи по профессiи педагогомъ, рядъ своихъ наблюденiй черпаетъ прямо изъ жизни, изъ среды „подрастающаго поколѣнiя", которое приходится ей наблюдать. И это многолѣтнее наблюденiе вынуждаетъ ее констатировать рядъ крайне печальныхъ явленiй въ области культуры и главнымъ образомъ—въ культурѣ духа. Жутко дѣлается, говоритъ Е. Кузьминъ, отъ тѣхъ цифровыхъ данныхъ, что лекторша извлекла изъ отчета док-ра Гордона въ „С.-Петербургскую комиссiю борьбы со школьными самоубiйствами". Въ то время, какъ въ 1904 г. такихъ самоубiйствъ зарегистровано 20, въ 1909 г. ихъ уже 449! При этомъ на низшiя школы ихъ приходится 57, среднiя учебныя заведенiя 230, высшiя—162. Среднее годовое число за перiодъ времени съ 1904 по 1910 выразится въ цифрѣ 100 человѣкъ. При этомъ весьма характеренъ тотъ фактъ, что наибольшiй процентъ падаетъ на среднюю школу. Современный школьный режимъ, черствый, сухой, нудный, враждебный даетъ 30 процентовъ самоубiйствъ,—а остальные 70 процентовъ? А эти уходятъ изъ жизни по причинамъ, ничего общаго со школой не имѣющими... Въ свѣтѣ теософiи, представительницей которой и выступила А. Каменская,—корни всѣхъ явленiй не во внѣшнемъ, а во внутреннемъ, сокровенномъ, для котораго внѣшнее служитъ только покровомъ. Самыя лучшiя внѣшнiя условiя не создадутъ свободной сильной души, если въ ней самой не будетъ постояннаго и упорнаго стремленiя къ силѣ и свободѣ... Только замѣна культуры формъ и ума болѣе тонкой и высокой культурой духа можетъ спасти положенiе. Въ чемъ же оно заключается? Въ глубокомъ религiозномъ сознанiи и связаннымъ съ нимъ господствомъ нравственнаго начала въ жизни. Состоянiе это можетъ быть воспри-

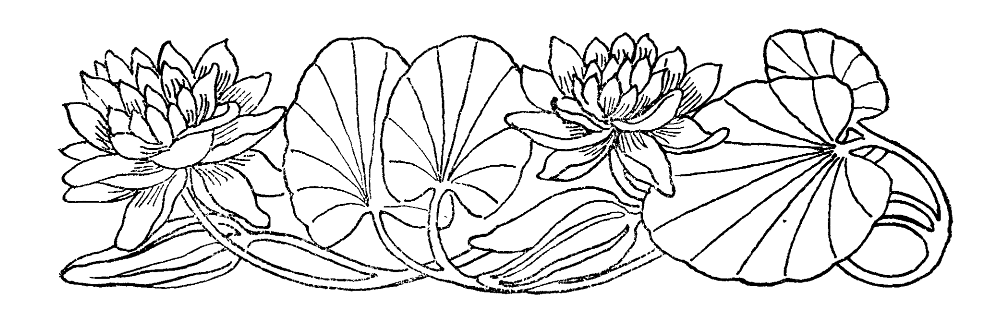
нято и какъ состояніе полнаго единства эстетики, этики и религіознаго начала въ ощущеніи Красоты. Всѣ дѣти, способныя и неспособныя, должны пріобщиться Красотѣ черезъ облагораживающее вліяніе искусствъ, которыя должны находиться въ ближайшемъ соприкосновеніи съ природовѣдѣніемъ, ибо: „вмѣстѣ съ знаніемъ нужно научиться любоваться и любить“ *).

= Изъ религіозныхъ и литературныхъ теченій въ Германіи И. Розенфельдъ отмѣчаетъ особенно теософа д-ра Штейнера. Бываютъ случаи, что къ Штейнеру обращаются люди очень интеллигентные, съ университетскимъ образованіемъ, не только за душевными совѣтами, но и за исцѣленіемъ отъ разныхъ физическихъ недуговъ. Какъ эхо религіозныхъ исканій и броженій является послѣдній романъ Г. Гауптмана „Эмануилъ Квинтъ“ (уже вышелъ и на русскомъ языкѣ), гдѣ Гауптманъ рисуетъ Христа, явившагося въ 19-е столѣтіе, въ вѣкъ пара и электричества. Глубокіе мистическіе экстазы поютъ въ этомъ дивномъ романѣ дивную мелодію... Среди хаоса этихъ современныхъ теченій все больше и больше начинаетъ раздаваться могучее лирическое слово Рихарда Демеля. Радость земли и могущество „пола“, которыя раньше онъ воспѣвалъ, теперь уступаютъ свое мѣсто алканіямъ религіозной правды и связаннымъ съ ними моральнымъ вопросамъ.

Н. Т.

*) Эта лекція была повторена 11-го марта въ С.-Петербургѣ и 18-го марта въ Москвѣ.

Изъ газетъ и журналовъ.

═ № 6 журнала „Свободное Воспитаніе“ весь посвященъ Льву Николаевичу Толстому, какъ педагогу. Въ статьѣ „Л. Н. Толстой, какъ школьный учитель“ авторъ прежде всего проводитъ параллель между Л. Н. и Сократомъ: въ нихъ обоихъ горѣлъ огонь великаго учительства... Толстой никогда не спорилъ, а лишь обсуждалъ, велъ живой діалогъ съ собесѣдникомъ и разговоры съ Толстымъ очень похожи на знаменитые діалоги Сократа. И жизнь Толстого, какъ и жизнь Сократа, была училище мысли, воли и труда. Смерть его также подобна смерти аѳинскаго учителя, учившаго своихъ учениковъ, но болѣе научившаго ихъ смертью... И ему, какъ древнему мудрецу, Богъ послалъ великую смерть,—смерть лишь утверждающую безсмертіе... „Неужели, говорилъ Сократъ, люди считаютъ, что постигли все то, что важно человѣку знать, разъ занимаются тѣмъ, что такъ мало касается человѣка; или думаютъ они, что смѣютъ пренебрегать тѣми вещами, которыя боги подчинили намъ, и углубляться въ тѣ тайны, которыя принадлежатъ имъ?“ Софистическому безразличію къ знанію Сократъ противопоставляетъ здѣсь этическую оцѣнку знанію... „Въ основу всякаго воспитанія должно встать прежде всего то, что заброшено въ нашихъ школахъ: религіозное пониманіе жизни“,—говорилъ Толстой. Религіозное пониманіе жизни Толстой кладетъ также и въ основу образованія, и, наконецъ, ему подчиняетъ самое знаніе. Эта же религіозная оцѣнка знанія приводитъ Л. Н. къ строгому отношенію къ наукѣ. Наука не самодержавна; не все равно, „что“ узнать; наука можетъ быть или религіозно оправдана или же религіозно осуждена... Затѣмъ, касаясь Л. Н. какъ учителя, авторъ указываетъ на тѣ черты, „которыя свѣтили и свѣтятъ намъ въ жизни Толстого, въ его ученіи и въ его школѣ, а

именно: великое уваженіе къ человѣку, теплая любовь къ ребенку, защита человѣческаго разума, стремленіе вдохновить, а не притупить разумъ знаніемъ, вниманіе къ ученику, бережность къ его самобытной мысли, чуткость ко всей духовной жизни ученика и вѣчное ученичество учителя. Великій человѣковѣдецъ Достоевскій изумлялся способности Толстого проникать въ дѣтскую душу въ „Дѣтствѣ“; пораженный, онъ жаждалъ узнать, кто этотъ таинственный Л. Н. Т., что первый въ русской литературѣ подошелъ и вошелъ въ міръ дѣтской души. Герценъ тогда же „удивлялся смѣлости Толстого говорить о такихъ тонкихъ, глубоко затаенныхъ чувствахъ, которыя, быть можетъ, испытываются многими, но которыя никѣмъ высказаны не были“. Но то же вдохновенное знаніе дѣтей, которому изумлялись Достоевскій и Герценъ, сопровождало все творчество Толстого во имя свободнаго дѣтства и отрочества ясно-полянскихъ крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ... „Насиліе употребляется только вслѣдствіе поспѣшности и недостатка уваженія къ человѣческой природѣ“,—говоритъ Толстой, и тамъ, гдѣ учитель не страдаетъ ни тѣмъ, ни другимъ, тамъ создается свободная школа—и Л. Н. создалъ ее. „Школа развивалась свободно изъ началъ, вносимыхъ въ нее учителемъ и учениками...“

Путь ошибокъ и смѣлаго ихъ признанія—есть путь работающаго истиннаго учителя,—и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ есть путь „опыта“... Толстой поистинѣ первый педагогъ-экспериментаторъ... Можно бы написать—и со временемъ напишутъ—цѣлое изслѣдованіе о Толстомъ, какъ о педагогѣ-экспериментаторѣ; у него безконечно многому научатся будущіе дѣятели новой школы.

Толстой не „училъ“ въ своей школѣ въ „нашемъ“ смыслѣ, въ смыслѣ мнимаго духовнаго превосходства учителя надъ учениками, надъ народомъ, но училъ, учась самъ,—училъ, помогая лишь свободному развитію великихъ народныхъ силъ. Вотъ выдержка „Изъ письма къ П. И. Б. Л. Толстого“: воспитаніе представляется сложнымъ и труднымъ дѣломъ только до тѣхъ поръ, пока мы хотимъ, не воспитывая себя, воспитывать своихъ дѣтей или кого бы то ни было. Если же поймешь, что воспитывать другихъ мы можемъ только черезъ себя, то упраздняется вопросъ о воспитаніи, и остается одинъ вопросъ жизни: какъ надо самому жить? Потому что нѣтъ ни одного дѣйствія воспитанія дѣтей, которое не включалось бы въ воспитаніе себя“. Когда-то, сорокъ лѣтъ назадъ, очень много смѣялись и не мало негодовали педагоги и критики на Льва Толстого за то, что онъ процессъ художественнаго творчества Ѳедьки и Семки осмѣлился сравнить съ процессомъ творчества Гёте... Смыслъ же этого сравненія теперь уже совершенно ясенъ: въ процессѣ творчества—творящая личность Ѳедьки

и Гёте равноцѣнна... творческая потенція въ каждомъ ребенкѣ не только такъ же велика, какъ въ Гёте, но даже больше, ибо ребенокъ весь въ будущемъ, и будущее—его... Вотъ почему сравнить Ѳедьку и Гёте—не кощунство, а величайшее преклоненіе предъ ребенкомъ и человѣкомъ... „Кругъ чтенія" Толстой перерабатывалъ заново „четыре" раза: онъ стремился къ тому, чтобы величіе собранныхъ имъ мыслей всѣхъ вѣковъ было всѣмъ явно, ихъ истинность—очевидна, ихъ содержаніе—всѣмъ доступно, ихъ простота—вразумительна. И послѣдними своими судьями въ этомъ дѣлѣ Толстой избралъ „дѣтей": имъ онъ читалъ цѣлые отдѣлы, съ ними велъ бесѣды и обсужденія, ихъ суду вѣрилъ болѣе, чѣмъ суду всего міра. Большей любви, большей вѣры въ величіе дѣтскаго духа въ мірѣ не было и нѣтъ. Здѣсь Толстой одинокъ, здѣсь онъ высочайшая вершина человѣческаго сознанія...

== Въ томъ же журналѣ С. Дурылинъ, авторъ предыдущей статьи, знакомитъ читателей съ оцѣнкой педагогическаго ученія Толстого, сдѣланной недавно однимъ болгарскимъ профессоромъ въ книгѣ „педагогика Л. Н. Толстого", изданной въ Софіи въ 1909 г. Интересенъ уже самый фактъ, что диссертація о „свободной" школѣ, и притомъ написанная съ большимъ сочувствіемъ и иногда съ восхищеніемъ передъ этой школой, возможна въ оффиціальномъ университетскомъ изданіи, издаваемомъ на средства министерства народнаго просвѣщенія. Основной чертой педагогической дѣятельности Толстого, основной его педагогической мыслью профессоръ д-ръ Нойковъ считаетъ „принципъ соціальной активности". Этотъ основной принципъ можно выразить такъ: методы изученія тѣхъ или иныхъ педагогическихъ вопросовъ, постановка самой цѣли образованія, изысканіе средствъ для ея удовлетворенія, организація и управленіе училищами,—будутъ правильно рѣшены тогда, когда мы предоставимъ дѣйствовать обществу свободно и предоставимъ дѣтямъ свободу въ школѣ, а ихъ работу примемъ за критерій". „Свободное ученическое общество" Ясной Поляны не имѣетъ предшественниковъ. Песталоцци и нѣкоторые другіе ратовали за такое „свободное, активное ученическое общество", но лишь для того, чтобы воспользоваться имъ для цѣлей, поставленныхъ учителемъ и исходящихъ отъ него. У Толстого же дѣтская активность свободно, внѣ давленія учителя, направляется къ тѣмъ или инымъ образовательнымъ цѣлямъ и разрѣшаетъ тѣ или иныя образовательныя задачи... Въ полной послѣдовательности со всѣмъ своимъ міросозерцаніемъ, въ прямой связи съ глубочайшими влеченіями своей личности, Толстой отрицалъ необходимость всеобщаго „обязательнаго", т. е. въ концѣ концовъ „принудительнаго" обученія. Нойковъ утверждаетъ, что положеніе Толстого: „критеріемъ педагогики можетъ служить степень свободнаго

проявленія дѣятельности учениковъ", несмотря на всѣ возраженія противъ него, нисколько не потеряло своего значенія, и „современная экспериментальная педагогика стоитъ на той же самой эмпирической основѣ, на которой стоитъ Толстой" и „толстовскій методъ обученія и воспитанія употребляется уже въ наше время во многихъ американскихъ и европейскихъ странахъ".

═ „Изъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ":—высоко уважая и любя сектантовъ, Л. Н. порицалъ въ нихъ часто встрѣчающуюся черту—сознаніе нѣкоторой отдѣленности отъ другихъ людей. Такъ ему однажды разсказали о „добролюбцахъ", которые называютъ только другъ друга „братъ".

„Вотъ этому я ужъ не сочувствую... И Азефъ мнѣ братъ"—сказалъ Левъ Николаевичъ.

Однажды приходитъ къ нему изнуренный крестьянинъ съ 12-тилѣтнимъ сыномъ. Нужда и голодъ привели его. Левъ Николаевичъ выходитъ къ нему,—тотъ начинаетъ просить помочь его нуждѣ и становится съ мальчикомъ на колѣни передъ Л. Н. и не хочетъ вставать. Тогда Л. Н. самъ становится передъ нимъ на колѣни и со слезами на глазахъ, дрожащимъ голосомъ начинаетъ его просить не унижать себя ни передъ кѣмъ; онъ всѣми силами души хочетъ вызвать человѣка въ этомъ забитомъ нуждою несчастномъ. Мужикъ растерялся, заплакалъ, но продолжалъ стоять на колѣняхъ. Присутствовавшіе тутъ чуть не насильно подняли его... тогда всталъ и весь взволнованный Левъ Николаевичъ и, разобравъ въ чемъ дѣло, удовлетворилъ, какъ могъ, просьбу его.

═ Въ „Русскомъ Словѣ" статья Измайлова о Розановѣ и его новой книгѣ „Темный Ликъ". Измайловъ называетъ настоящимъ писательствомъ, „гдѣ оно почти уже священство",—такое, когда къ писателю идутъ, какъ къ „старцу", передъ кѣмъ изливаются, и ищутъ исхода въ душевной мукѣ, и онъ полагаетъ — такимъ писателемъ является еще Розановъ, къ которому идутъ люди опредѣленнаго, „его" склада. Какая то совсѣмъ не по нашему времени искренность, до полной интимности, — говоритъ Измайловъ, — до полной безбоязненности показаться смѣшнымъ, дать противнику въ руки оружіе противъ себя,—подкупаетъ въ Розановѣ до той степени, когда хочется быть уже не только молчаливымъ сочувственникомъ, но и заявить о сочувствіи, написать письмо, искать знакомства... Нити какой то наслѣдственности отъ Достоевскаго явны въ Розановѣ,—и въ этомъ характерѣ интимной бесѣды, которая ведется точно шопотомъ, и въ этой экстазности и какъ бы истеричности мысли"... Теперь вышла его новая книга о „темномъ" въ христіанствѣ, о „темномъ" въ философіи Христа. И цѣлой

книгой онъ доказываетъ, что византiизмъ и православiе не напутали въ христiанствѣ, не перекосили его линiи произвольно и нелѣпо, не исказили его.

Прямолинейно идя по дорогѣ, указанной Христомъ, такъ и надо—по мнѣнiю Розанова — умереть для земли, уйти подъ клобукъ или закопаться въ землю,—и онъ призываетъ себѣ въ помощь все, что можно найти въ русской жизни подтверждающаго его мысль...

Старые споры объ исторгнутомъ глазѣ, если онъ соблазняетъ, старыя исторiи добровольныхъ оскопленiй, начиная съ Оригена,—давно забыты, или о нихъ помнятъ изъ учебниковъ. Розановъ воскрешаетъ ихъ, и съ такимъ личнымъ волненiемъ, съ такимъ талантомъ, что трудно не подчиниться этому волненiю, хотя вы вовсе не раздѣляете его основной мысли...

= Въ № 3 „Самарскихъ Епархiальныхъ вѣдомостей" говорится о религiи африканскихъ народовъ и такъ называемомъ фетишизмѣ. Религiю негровъ обыкновенно называютъ фетишизмомъ и полагаютъ, что негры любой какой-либо чурбанъ, или какое-либо необыкновенное по ихъ понятiю явленiе готовы сдѣлать своимъ богомъ и приносить ему жертвы. Подобный взглядъ оказался совершенно ошибочнымъ, послѣ того какъ миссiонеры произвели болѣе строгое изслѣдованiе африканскихъ религiй. Слово фетишъ произошло отъ португальскаго фэйтишо, соотвѣтственно латинскому factitius (руками сдѣланный, рукотворенный). Такимъ образомъ, этимъ словомъ обозначается собственно всякое идолопоклонство.

Европейцы впервые обратили вниманiе на африканскiя религiи благодаря другу Вольтера—Бюффону де-Броссэ, издавшему въ 1760 г. сочиненiе „о культѣ фетишизма или сравненiе древней религiи Египта съ религiей негровъ въ настоящее время". Дэ-Броссэ допускалъ, что всѣ народы обладали первоначально божественнымъ откровенiемъ, но всѣ, за исключенiемъ iудеевъ, забыли откровенныя истины и послѣ того уже прошли слѣдующiя степени религiознаго развитiя: сначала исповѣдывали фетишизмъ, потомъ многобожiе и наконецъ, единобожiе. Въ „Антропологiи дикихъ народовъ" Вайца говорится: благодаря болѣе глубокимъ изслѣдованiямъ нѣкоторыми вполнѣ добросовѣстными изслѣдователями, удалось достигнуть поразительныхъ результатовъ.

Такъ оказалось, что нѣкоторыя негрскiя племена имѣютъ гораздо болѣе совершенныя религiозныя представленiя, чѣмъ представленiя почти всѣхъ другихъ дикихъ народовъ, хотя не было найдено никакихъ слѣдовъ влiянiя на тѣ племена со стороны народовъ выше, ихъ стоящихъ по своему духовному развитiю. Англiйскiй миссiонеръ Rowley (The Religion of the African 1878 г.) старался доказать, что всѣ афри-

канскіе народы, не только негры, имѣли вѣру въ Бога, какъ Благого Существа, которое можетъ, а при наличности соотвѣтствующихъ условій, и желаетъ направлять дѣйствія силъ природы на пользу людямъ. При переводахъ библіи миссіонеры могли пользоваться туземнымъ именемъ бога для обозначенія Бога истиннаго, не опасаясь, что этимъ словомъ они вызовутъ неправильныя представленія, или что они съ этимъ именемъ Бога останутся непонятыми. Нигдѣ одно и то же слово, которое служило бы у туземцовъ для обозначенія бога, не прилагается къ фетишу. Миссіонеръ Циммерманъ писалъ: „я еще не встрѣчалъ ни одного такого негра, который не признавалъ бы единаго Бога, за исключеніемъ развѣ какого-либо отступника отъ христіанской вѣры, который снова вернулся къ язычеству". Ливингстонъ говоритъ: даже среди племенъ, дошедшихъ до величайшей степени одичанія, нѣтъ нужды въ проповѣди о бытіи Бога и о существованіи будущей жизни, такъ какъ въ это они всѣ безъ того вѣрятъ... Капитанъ Меркеръ, производившій изслѣдованіе о племени „массаи", считаетъ представителей этого племени семитами, которые въ нѣсколько разныхъ пріемовъ уже за 1000 л. до Рож. Хр., переселились въ Африку. Онъ говоритъ, что сказанія ихъ стоятъ ближе къ еврейскимъ, чѣмъ къ вавилонскимъ сказаніямъ, что массаи исповѣдуютъ прямо таки одно только единобожіе, что у нихъ недозволяется видимое изображеніе ихъ бога „нгаи". О твореніи міра, о грѣхопаденіи и о потопѣ у нихъ есть сказанія, очень сильно напоминающія о подобныхъ же израильскихъ сказаніяхъ, да даже есть сказаніе и о законодательствѣ, и Меркеръ не допускаетъ той мысли, чтобы массаи эти сказанія переняли у христіанъ или магометанъ.—Изъ всего этого можно сдѣлать выводъ, что африканскіе народы признаютъ Единаго Бога, что божеское существо у нихъ не представляется раздробленнымъ на нѣсколько личностей; однако о большинствѣ народовъ должно сказать, что они относятся къ этому богу именно такъ, какъ это представлено у ап. Павла въ I гл. посл. къ Римлянамъ, 21 стихѣ. Они болѣе трепещутъ предъ существами, которыхъ они сами представляютъ подчиненными богу. Можно ли предполагать, чтобы они путемъ собственнаго размышленія пришли къ идеѣ о единомъ Богѣ, Творцѣ всего?—Нѣтъ, эта идея несомнѣнно гораздо проще объясняется, какъ сохранившаяся отъ первоначальной религіи.

Н. Т.

Кровь. Никита Палагинъ. Спб. 1911 г. Цѣна 10 к.

Разсказъ „Кровь“ написанъ противъ убойнаго питанія. Эпиграфомъ взяты слова Тургенева: „Святое дѣло кровь! Великій грѣхъ показать міру кровь“!... Сюжетъ разработанъ слабо, но вызываетъ хорошія мысли. Приложенное къ разсказу стихотвореніе „Вѣковые вопросы“ блѣдно и по формѣ и по содержанію *).

Утренній часъ съ Богомъ. Пер. съ англійскаго, складъ изданія СПБ., Мойка, 30, кв. 3.

Брошюра заключаетъ въ себѣ призывъ посвящать первый получасъ каждаго дня молитвенному общенію съ Богомъ. Указанія, даваемыя въ этомъ направленіи, цѣлесообразны и вѣрны.

Религія Аріо-Германцевъ въ ея эзо-и экзотерикѣ. — Гвидо Листъ. Лейпцигъ. 1910 г. (Bd. III. D. Religion der Ario-germanen in ihrer Esoterik und Exoterik. v. Guido List).

Исходя изъ убѣжденія, что изреченіе: „въ началѣ было Слово“ содержитъ въ себѣ не только глубоко-мистическій смыслъ, но также понятія, приложимыя къ обыденной жизни чувствъ, авторъ — повидимому хорошо и основательно знакомый съ древними легендами, сказаніями и миѳами сѣверо-запада Европы, говоритъ, что они даютъ намъ магическій ключъ къ пониманію религіи нашихъ предковъ. Существуетъ глубокая таинственная связь между рѣчью (словомъ) съ одной стороны и воззрѣніями, нравами, обычаями и религіей народа съ другой. У древнихъ Германцевъ религія называлась „Wihinei“ (Wissenschaft), а это по корню родственно санскритскому слову „Vidya“. Рѣчь (языкъ) первобытныхъ Аріо-Германцевъ была священна и сохранилась таковой

*) Предисловіе И. Рѣпина кончается слѣдующей мыслью: Высшія натуры человѣчества уже родятся съ сознаніемъ непростительной преступности убійства.

только въ эзотеризмѣ Армановъ (или Земановъ); въ экзотеризмѣ же, въ такъ называемомъ Вуотанизмѣ, рѣчь эта постепенно видоизмѣнялась. Тайная рѣчь Армановъ чрезвычайно древняго происхожденія и, по увѣренію автора, изъ этой рѣчи развился древній санскритъ.

Изъ Единой Великой Сущности эзотеризма (Арманства) постепенно развился въ экзотеризмѣ (Вуотанизмѣ), благодаря олицетворенію качествъ Единаго Непостижимаго—путемъ антропоморфизма,—цѣлый рядъ извѣстныхъ намъ божествъ Вуотанизма. Но при этомъ тайная рѣчь Армановъ была искусно скрыта въ этой на видъ чисто антропоморфической религіи Вуотанизма, и магическій ключъ къ пониманію послѣдней слѣдуетъ искать въ Арманизмѣ.

Въ мистическихъ легендахъ Эдды (особенно въ пѣснѣ „Волюспа") содержится весь космогенезисъ Арманства, совершенно сходный по существу своему со всѣми эзотерическими ученіями, какъ это иначе и быть не можетъ.

Съ большимъ искусствомъ и глубокимъ знаніемъ дѣла авторъ раскрываетъ это эзотерическое ученіе во всѣхъ дошедшихъ до насъ миѳахъ Вуотанизма Аріо-Германцевъ. Въ первовихрѣ (Urgebraus, Surtur) Волюспы онъ видитъ Бога еще не проявленнаго (Parabrahm), изъ котораго исходитъ Духъ творческій, Первый Логосъ и, сгущаясь въ первоматерію (хаосъ, мулапракрити „Ginnungagap"), рождаетъ четыре основныхъ элемента проявленнаго: огонь (Muspilheim), воду (Audhumbla), воздухъ (Niflheim) и землю (Ymir-Oergelmir-Uralt).

Изъ Единаго эволюируетъ Троица, и лишь съ Нею проявляется Второй Логосъ. Троица въ свою очередь раздѣляется на семь Сущностей (силъ или качествъ), олицетворенныхъ въ божествахъ „Asen". Самое древнее наименованіе этой Троицы: Вуотань—дыханіе, Вили—духовный свѣтъ и Ве (Wender)—разрушитель, превращающій все для новаго проявленія. Эта мысль о созиданіи, существованіи и раствореніи (разрушеніи или смерти) для новаго проявленія — новой манвантары послѣ пралайи—красной нитью проходитъ по всѣмъ миѳамъ Вуотанизма. Такъ, напримѣръ, въ сказаніи о Тройственности Норнъ (Nornendreiheit) это видно изъ ихъ именъ: Урда (Urda-was vor der *Ur*zeit *da* war), Верданди (Verdandi-das Werdende), существующее, превращающееся или эволюціонирующее и Шульдъ (Schuld), вина, какъ послѣдствіе, неизбѣжно связанное съ проявленіемъ (Карма). Такимъ образомъ ткань Норнъ (das Nornengespinnst) ничто иное какъ совокупность кармическихъ цѣпей, связующихъ вселенную.

Въ другомъ произведеніи того же автора „Die Armanenschaft der Ario-Germanen" эзотерическое ученіе Арманства въ своихъ главныхъ чертахъ излагается такъ: Дву-единство (двойственное единеніе): Богъ

и міръ—духъ и тѣло, сила и матерія и т. п.—основная нота, доминанта всего проявленнаго. Духъ, Божественное, проникаетъ все: какъ невидимый атомъ, такъ и необъятную вселенную; духъ и тѣло, сила и матерія неразрывно связаны между собою. Рожденіе или возникновеніе, смерть или разрушеніе касаются рѣшительно всего, а не только одного человѣка и суть лишь измѣненія, метаморфозы дѣйственнаго Единства (dieser beideinig-zwiespältigen Zweihein) Бога и міра, Духа и тѣла, силы и матеріи. Человѣкъ, какъ духовное существо, такъ же старъ какъ вселенная; его духо-тѣло—неразрушимо и это его „Я" или безсмертная индивидуальность, по мѣрѣ надобности, мѣняетъ свои формы проявленія, свои видимыя личности.

Эти метаморфозы въ проявленіяхъ своей индивидуальности человѣкъ, согласно своему способу воспріятія, называетъ: рожденіемъ, жизнью, умираніемъ, смертью, возрожденіемъ. Поэтому рожденіе для индивидуальности не есть начало жизни, а таковое лишь для преходящей формы, для личности; смерть не означаетъ прекращенія жизни индивидуальности, но есть лишь разрушеніе той видимой формы, въ которой индивидуальность эта въ данный моментъ облечена. Человѣкъ, лишенный такъ называемой „смертью" плоти, поэтому далеко еще не есть безтѣлесный духъ, ибо такового быть не можетъ, такъ какъ духъ и тѣло (не плоть!) неразрывно связаны — но онъ теперь есть индивидуальность, лишенная личности.

Такъ какъ смерть лишь видоизмѣненіе жизни индивидуальности, то безплотное состояніе ея въ соотвѣтствующихъ степенямъ познанія послѣдняго воплощенія духовныхъ сферахъ есть ничто иное, какъ подготовленіе къ слѣдующему вновь рожденію. Безконечнымъ рядомъ послѣдующихъ воплощеній индивидуальность готовитъ себѣ по обѣ стороны смерти свою будущую жизнь и Сама куетъ себѣ свою судьбу (Карму).

Первобытное божественное „Дву-Единство" распыляется въ своей вселенной въ неисчислимое множество множественностей, каждая изъ нихъ въ свою очередь есть тоже дву-единство (тѣло-духъ), развертывающаяся внутри себя до „много-единой множественности" (vieleinig-vielspältige Vielheit).

Подобное многоединство представляетъ собою и человѣкъ. Тѣло его состоитъ изъ миріадъ клѣточекъ, каждая клѣточка изъ миріадъ молекулъ, каждая молекула изъ миріадъ атомовъ и т. д. вплоть до невообразимо, безконечно малыхъ величинъ. И каждая такая невообразимо малая частичка опять-таки есть дву-единство (духъ-матерія; тѣло-духъ) и многоединство, но въ то же время „міръ въ себѣ", свой самостоятельный мірокъ, духовный центръ.

Съ другой стороны всѣ эти безконечно малые центрики, сливаясь другъ съ другомъ въ тѣла все болѣе и болѣе сложныя,—въ минеральное, растительное и животное царства—образуютъ нашъ земной шаръ, т. е. планету, которая, соединяясь съ другими себѣ подобными планетами, планетоидами, мѣсяцами и т. д., создаетъ новое большое дву-и многоединство — нашу солнечную систему; солнечныя системы, сливаясь въ свою очередь между собою, образуютъ еще болѣе громадное новое дву-и многоединство: звѣздное скопленіе и т. д. вплоть до непостижимо великаго, безконечнаго первоначальнаго „Дву-Единства". Всѣ эти безчисленныя дву-и многоединства, начиная съ ничтожной частички части атома и до исполинскихъ звѣздныхъ скопленій и безконечныхъ вселенныхъ включительно, всѣ неразрывно связаны какъ между собою, такъ и съ тою системою, къ которой принадлежатъ. И каждое такое дву-и многоединство, такое духо-тѣло, въ то же время остается въ непрерывномъ общеніи, сознательномъ или безсознательномъ, съ Единымъ, Великимъ, Неизреченнымъ Творцомъ этой системы, нося внутри себя искру Его. Если дву-единое существо пробудитъ въ себѣ эту искру къ сознанію, то оно безъ всякаго „посредника" можетъ непосредственно общаться со своимъ Богомъ.

Изъ великаго „Дву-Единства" Прошедшаго и Будущаго, черезъ присоединеніе „Настоящаго", развернулась „святая троераздѣльная, тріединая Троица" („dreispältig dreieinige Dreiheit"). Но что мы называемъ „Настоящее" въ сущности меньше милліонной части секунды и, строго говоря „настоящаго"—нѣтъ, ибо нѣтъ остановки въ теченіи рѣки временъ. Все растетъ и развивается безостановочно, а потому „настоящее" вѣрнѣе назвать „образующимся, созидающимся" (das Werdende; „Verdandi"—имя второй Норны).

Изъ этого міропониманія вытекло отношеніе Арманства къ жизни. Органическое назначеніе человѣка—вѣчно расти, непрерывно совершенствоваться. Уразумѣвъ неразрывную связь духа съ тѣломъ, Арманство устремляло все свое вниманіе на гармоничное развитіе духовныхъ и тѣлесныхъ силъ въ человѣкѣ, дабы создать такое духовно-тѣлесное богатырство въ народѣ, которое чувствовало бы себя *единымъ съ Міровой Всевышней Волей,* принося добровольно въ жертву Ей личныя свои выгоды и земную свою жизнь.—Такова вкратцѣ суть Арманскаго Эзотеризма.

Въ Вуотанизмѣ предокъ человѣка называется „Mannus". А на языкѣ Армановъ „man" означаетъ какъ мужчину, такъ и луну, поэтому „man-us" (т. е. Mann-aus) значитъ „человѣкъ изъ луны". Въ такихъ словахъ Вуотанизма искусстно скрывалось тайное ученіе Армановъ о происхожденіи человѣка нашего круга изъ лунныхъ предковъ (питрисовъ).

Тайновѣдѣніе чиселъ, хорошо знакомое Арманству, также перешло въ Вуотанизмъ скрытымъ въ самыхъ названіяхъ чиселъ, означавшихъ первоначально символы глубокаго и тайнаго ученія арманской теогоніи.

Такъ число „семь" было у нихъ священно и приводилось въ самое близкое соотношеніе къ солнцу. „Besiebenen" (осемерить) означало у нихъ: клясться именемъ солнца. Всѣ семь Божествъ сливаются въ Единомъ Все-отцѣ (Allvater или Urfyr, Urgebraus) и Онъ снова растворяется въ семи, которые Онъ Самъ. Семидневная недѣля въ тѣсной связи съ семью Божествами; каждый день посвященъ одному изъ нихъ. Воскресеніе (Sonntag) посвящено—Солнцу, ⊙ Единому Богу проявленному; Понедѣльникъ (Montag—Mondtag, Mani или Mannus)—лунѣ; вторникъ (Dienstag-Tyr, Zie, Zeisso)—Марсу-производителю и т. д. Поименованные въ „Гримнисмалѣ" (пѣснѣ Эдды) двѣнадцать замковъ (дворцовъ) Боговъ соотвѣтствуютъ двѣнадцати знакамъ Зодіака. Любопытно этимологическое производство слова „Germanen" (германцы). На древнегерманскомъ нарѣчіи „garma" означало судьбу. Gähren-(бродить) Gar (перебродившему). Отсюда „Germ"-Nefe (бродило). Слогъ „ma"—значитъ умножать, дѣлать (mehren, machen). Отсюда „garma" (по санскритски „Karma")—означаетъ то, что въ самомъ себѣ измѣнилось, перебродило, т. е. причина (дѣланіе или недѣланіе) порождаетъ изъ себя самой дѣйствіе, которое и становится „Garma", судьбою.—Фатумъ, т. е. слѣпое предопредѣленіе, понятіе знакомое греко-римской цивилизаціи, Арманы совершенно не признавали. Глубокая увѣренность созиданія своей судьбы собственными своими усиліями такъ глубоко вросласъ въ міросозерцаніе языческихъ предковъ Германцевъ, что они сами себя называли „владыками судьбы" (Germanen).

Въ этой небольшой книжечкѣ читатель найдетъ много интереснаго по вопросамъ миѳологіи Аріо-германцевъ и яркое освѣщеніе ихъ эзотеризма. Въ Вѣнѣ существуетъ общество (Guido-List-Gesellschaft), задавшееся цѣлью воскресить познаніе аріо-германской миѳологіи и эзотерики (Deutsche Wiedergeburt), и эта книжечка принадлежитъ къ цѣлому ряду ей подобныхъ, трактующихъ эти предметы.

Безъ сомнѣнія и у насъ въ Россіи рано или поздно явится свой Гвидо Листъ, которому удастся раскрыть глубокое эзотерическое значеніе былинъ, легендъ, сказаніи и т. п. нашей старины и на этой почвѣ создать возрожденіе русскаго народа. **Н. Б.**

Сила мысли (замѣтка по поводу разсказа Л. Андреева „Губернаторъ").

Когда какое-либо теоретическое положеніе излагается въ абстрактной формѣ, то какъ бы убѣдительно мы ни аргументировали его, оно

никогда не произведетъ того впечатлѣнія, какое получится, если его облечь въ художественную, тѣлесную форму.

Художникъ-писатель, иногда даже безсознательно, весь проникнутый опредѣленной идеей, начинаетъ творить живые образы, которые воплощаются въ жизнь, принимаютъ окраску и формы современной дѣйствительности и живутъ реальной, хотя и невидимой жизнью. Они дѣйствуютъ преимущественно на чувственную сторону людей, вызывая въ нихъ симпатію или противоположное чувство, и живутъ на счетъ этихъ чувствъ, пока условія дѣйствительности не измѣнятся настолько, что эти искусственно созданныя существа не станутъ чужими и постепенно захирѣютъ среди несоотвѣтствующей для ихъ существованія обстановки. Чѣмъ сильнѣе интуиція писателя, чѣмъ болѣе развито его ясновидѣніе или, какъ говорятъ, его геніальность, тѣмъ глубже онъ можетъ проникнуть въ тайну природы человѣка и положить въ основу вынашиваемаго имъ образа невидимую матерію, изъ которой соткана душа каждаго человѣка. Созданные имъ образы живутъ чрезвычайно долго, столько же, сколько живетъ современная имъ человѣческая раса, какъ, напримѣръ, „Фаустъ", „Гамлетъ". Литературные же типы, которые явились результатомъ мозговой работы безъ всякаго участія интуиціи, весьма скоро забываются людьми какъ бы, повидимому, талантливо ни былъ написанъ романъ (Базаровъ, Череванинъ-Помяловскаго, Герой „Что дѣлать" и т. п.). Но создавая отдѣльные типы людей, художникъ иногда воспроизводитъ не только ихъ, но всю картину дѣйствительности, ему удается за внѣшней матеріальной ея формой прозрѣть скрытыя для глазъ причины и слѣдствія и здѣсь, если ему удается отказаться отъ своей предвзятой оцѣнки, отрѣшиться вовсе отъ своей индивидуальности и только передать то, что онъ увидѣлъ или почувствовалъ не пытаясь по своему объяснить то, что имъ не понято—заслуга его чрезвычайно велика, ибо онъ открываетъ людямъ то, что важнѣе всего для нихъ—законы жизни. Къ такимъ именно произведеніямъ интуитивнаго происхожденія и относится одинъ изъ послѣднихъ разсказовъ Л. Андреева подъ заглавіемъ „Губернаторъ".

Весь разсказъ является художественнымъ воспроизведеніемъ лишь одного положенія, теоретически принятаго Теософіей; мысль—это реальная сила.

Фабула этого разсказа чрезвычайно проста и можетъ быть передана въ нѣсколькихъ строкахъ.

Во время забастовки, рабочіе пригороднаго завода явились къ губернатору съ различными требованіями; въ виду аггрессивныхъ попытокъ взволнованнаго народа, губернаторъ отдалъ приказъ стрѣлять

въ толпу и въ результатѣ оказалось 47 убитыхъ; по истеченіи нѣкотораго времени губернаторъ былъ убитъ на улицѣ и убійцы скрылись.

Въ такой несложной формѣ воспринимается читателемъ эпизодическая сторона этого произведенія, получающая однако въ обработкѣ Л. Андреева глубокое значеніе и живой интересъ, вслѣдствіе попытки автора прослѣдить зарожденіе мысли объ убійствѣ губернатора и вскрыть передъ читателемъ процессъ наростанія и реализаціи этой идеи. Вотъ какъ изображаетъ Андреевъ зарожденіе этой мысли: „Уже на слѣдующее утро послѣ убійства рабочихъ весь городъ проснувшись зналъ, что губернаторъ будетъ убитъ. Никто еще не говорилъ, а всѣ уже знали: какъ будто въ эту ночь, когда живые тревожно спали, а убитые все въ томъ же удивительномъ порядкѣ, ногою къ ногѣ, спокойно лежали въ пожарномъ сараѣ, подъ городомъ пронесся кто-то темный и весь его осѣнилъ черными крыльями. И когда люди заговорили объ убійствѣ губернатора, одни раньше, другіе, сдержанные—позже, то какъ о вещи, уже давно и безповоротно кѣмъ то рѣшенной".

Но кто же этотъ темный, который бросилъ въ сердца и умы людей столь могучую мысль, что никто не въ силахъ былъ опереться? Это самъ „древній, сѣдой законъ, за смерть платящій смертью"—законъ возмездія. Очень интересно представленіе автора о возмездіи, далеко не совпадающее съ понятіемъ таліона, равно какъ и съ обычно распространенной идеей возмездія. Смерть преступника это естественное послѣдствіе его преступленія, здѣсь нѣтъ кары, а лишь законъ причины и слѣдствія.

Смерть за смерть не требованіе какого-либо моральнаго порядка, а является для преступника физическимъ слѣдствіемъ его дѣянія „его жалила пчела и бодалъ остророгій быкъ и камень ждалъ часа паденія своего, чтобы раздробить непокрытую голову и т. д., и т. д.".

Таковъ былъ сѣдой законъ, который внезапно проснулся и вселилъ людямъ мысль объ убійствѣ губернатора.

Столѣтія протекли отъ того великаго момента, когда прозвучало новое слово: „А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящихъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ" (Ев. отъ Матѳ. V, 44) и устами Бого-человѣка вызвана была къ борьбѣ съ могучей формой стараго міра новая великая, всепобѣждающая сила. Въ непрекращающейся борьбѣ этихъ двухъ великихъ силъ стараго и новаго закона вѣка смѣнялись вѣками и побѣда всегда оставалась на сторонѣ новаго закона—любви, но, увы, не все человѣчество принимало участіе въ борьбѣ. Борьба велась въ области духа, куда сознательно немногіе могли проникнуть. Тамъ царство любви, тамъ уже нѣтъ мѣста насилію,

отмщенію, ибо „князь міра сего осужденъ" (отъ Іоан. XVI, II); старый законъ одряхлѣлъ и спитъ сномъ, близкимъ уже къ смерти, потому что нѣтъ силы, питающей его отъ иного міра, потому что онъ знаетъ свой „судъ" и осужденіе. Вотъ почему въ сознаніе людей проникъ и никѣмъ не оспаривается законъ Любви какъ законъ абсолютный. Но тамъ въ низахъ человѣческой природы, тамъ гдѣ находится пепелище страстей, влеченій и грубо матеріальныхъ силъ, тамъ свилъ себѣ прочное гнѣздо старый законъ, и какъ бы глубокъ ни былъ его сонъ, онъ не умретъ, пока не сожжено будетъ его гнѣздо, пока чувственная сторона человѣка не пройдетъ горнила духовнаго очищенія.

Вотъ почему люди, проснувшись на другой день съ мыслью объ убійствѣ губернатора, навязанной имъ черезъ чувственную сторону ихъ организма, „тщетно пытались, какъ говоритъ Андреевъ, освѣтить ее свѣтомъ своего разума". Они обсуждали, спорили и приходили наконецъ къ убѣжденію, что губернатора вовсе и ненужно убивать, и тѣмъ не менѣе были убѣждены, что онъ будетъ убитъ.

Характернымъ являлось то, что женщины съ особымъ упорствомъ стояли на убійствѣ губернатора. „Случалось, что женщина сдавалась и признавала ненужнымъ убійство, а на утро, какъ ни въ чемъ не бывало, точно заспавъ вчерашнее согласіе, она снова твердила, что убить нужно".

Такъ постепенно крѣпла и пріобрѣтала рѣзко очерченную форму мысль объ убійствѣ. Всѣ, кто спорилъ противъ нея, повидимому, боролся съ ней лишь въ сознаніи, а здѣсь то борьба и не могла имѣть шансовъ на успѣхъ. Туманная, слабая творческая работа ихъ духовнаго Я не могла выработать необходимой по ясности и опредѣленности мысли, не могла создать живой сущности, которая въ силахъ была бы смѣло броситься въ борьбу съ могучей хотя дряхлой и осужденной формой. Не было дѣйственной вѣры, духовнаго напряженія и единенія хотя бы нѣсколькихъ лицъ, чтобы утвердить и послать сильную мысль, что убійство губернатора не только не нужно, но его и не будетъ и не должно быть. Такъ люди, лишенные знанія, слабой вѣры, безъ всякой надежды и любви спорили, а не боролись, протествовали и бросали ненужныя слова, а не творили, и потому внутренно покорялись какъ неизбѣжному тому, что таковымъ вовсе не было, что дружными усиліями воли должно и возможно было побѣдить.

Эта пассивность овладѣла не только людьми, далекими губернатору, но даже его близкими, его семьей и наконецъ имъ самимъ. Приближенные учредили бдительный надзоръ съ цѣлью охраны его, но дѣйствовали всѣ съ внутреннимъ убѣжденіемъ, что это ни къ чему не поведетъ; близкіе, знакомые и наконецъ его семья пытались всячески

успокоить губернатора, но вмѣстѣ съ тѣмъ относились къ нему какъ къ безповоротно обреченному на смерть; онъ остался въ полномъ одиночествѣ и потому, ставъ беззащитнымъ противъ невидимаго врага, самъ повѣрилъ, что будетъ убитъ.

Такъ возникла и воплотилась мысль объ убійствѣ губернатора не въ мозгу убійцы, а внѣ его, самостоятельно.

Преступникъ явился уже послѣ, онъ сталъ лишь послушнымъ орудіемъ ея, онъ явился лишь тѣмъ наиболѣе воспріимчивымъ человѣкомъ, который первый заболѣваетъ во время эпидеміи, и не онъ поэтому убилъ губернатора: „Мысль изо дня въ день убивала человѣка. Черпая силу во всеобщности, она становилась болѣе могущественной, чѣмъ машины, орудія и порохъ: лишала человѣка воли и ослѣпляла инстинктъ самоохраненія; она расчищала вокругъ него свободное пространство для удара, какъ въ лѣсу очищаютъ пространство вокругъ дерева, которое должно срубить. Мысль убивала его. Повелительная, она вызывала изъ тьмы тѣхъ, кто долженъ нанести ударъ— создавала ихъ какъ творецъ. И, незамѣтно для себя, люди отходили отъ обреченнаго и лишали его той невидимой, но огромной защиты, какую для жизни одного представляетъ собой жизнь всѣхъ людей".

Развязка незамедлила явиться и для губернатора была давно жданнымъ концомъ. Убійца рѣшился на преступленіе видимо подъ вліяніемъ неотвязной мысли, безъ разсужденій и быть можетъ безсознательно. Губернаторъ былъ убитъ на площади днемъ. Такъ реализовалась темная сила, опираясь лишь на духовную слабость людей.

Вендъ.

Отмѣчаемъ книгу, вышедшую въ Парижѣ, подъ интереснымъ заглавіемъ: „**Психологія вниманія**". Интересъ ея заключается въ томъ, что въ противоположность обычно принятымъ теоріямъ вниманіи (периферической, двигательной, волевой и проч.), разсматривающимъ вниманіе какъ извѣстное *состояніе*, а не какъ *дѣйствіе*, авторы названной книги (Вашиде и Менье) признаютъ, что вниманіе является отправленіемъ динамическаго характера, происхожденіе котораго надо искать въ центрахъ, а не въ периферіи.

Revue scientifique отъ 11 марта 1911 года.

К.

Вопр. С. В. Теософія говоритъ, что, теряя физическое тѣло, духъ не перестаетъ желать. Такъ, напримѣръ, тотъ кто любитъ поѣсть вкусно, будетъ въ Камалокѣ ощущать это желаніе, а между тѣмъ не имѣя нёба, будетъ страдать отъ невозможности удовлетворить его. Однако же въ старости или въ болѣзни, когда наши органы ослабѣваютъ, мы теряемъ и желанія, и страсти. Не указываетъ-ли это на то, что съ потерею тѣла пропадаютъ тѣ желанія, которыя удовлетворяются физическими органами?

Отвѣтъ. Въ старости и въ болѣзни мы перестаемъ испытывать страсти и желанія не потому, что они „пропадаютъ", а потому, что нашъ физическій организмъ не въ состояніи передавать ихъ нашему сознанію съ той силой, съ какой онъ ихъ передавалъ, когда былъ молодъ и здоровъ. Страсти переживаютъ физическое тѣло, и на ихъ свойства вліяютъ не „ослабѣвающіе органы", а развивающееся сознаніе и растущая воля. Грубый человѣкъ съ необузданными страстями и неразвитымъ сознаньемъ будетъ и послѣ смерти — хотя бы она послѣдовала въ дряхломъ возрастѣ — рабомъ своихъ страстей, если жизненный опытъ не научилъ его бороться съ ними. Страсти гаснутъ совсѣмъ или облагораживаются не въ связи съ возрастомъ физическаго тѣла, а въ связи съ психическимъ развитіемъ человѣка и съ его духовнымъ ростомъ: только духовное развитіе даетъ силу сопротивляться страстямъ, а подъ конецъ и господствовать надъ ними.

Вопр. С. В. Въ Древней Мудрости сказано, что страсти и желанія Духа кладутъ отпечатокъ на вновь рожденнаго. Почему же есть люди съ ангельскою наружностью и дьявольской душою, или въ противно-безобразномъ тѣлѣ обитаетъ свѣтлая и чистая душа?

Отвѣтъ. На наружность человѣка вліяетъ много условій. Главнѣйшія изъ нихъ можно раздѣлить на четыре группы: 1) кармическія, когда карма человѣка требуетъ, чтобы онъ пострадалъ отъ

внѣшняго безобразія или—наоборотъ — воспользовался всѣми преимуществами красивой наружности, 2) наслѣдственность: человѣкъ получаетъ свое тѣло отъ родителей и въ большинствѣ случаевъ, когда тому не противодѣйствуетъ карма и нижеприведенное условіе, къ которому мы сейчасъ и перейдемъ,—наружность передается отъ отца или отъ матери; 3) *внутреннее желаніе* человѣка, когда оно достаточно энергично и упорно, можетъ придать красоту его наружной формѣ въ послѣдующемъ воплощеніи, ибо „человѣкъ становится тѣмъ, о чемъ онъ постоянно думаетъ". Результатомъ такого удовлетвореннаго желанія и можетъ сказаться соединеніе ангельской наружности съ дьявольской душой; и въ 4) на наружность вліяетъ духовная жизнь человѣка настолько, что съ годами красивое лицо злого человѣка дѣлается отталкивающимъ и наоборотъ—безобразное облагораживается и смягчается добрымъ и свѣтлымъ выраженіемъ.

Вопр. С. В. Если физическій обликъ въ зависимости отъ духовнаго, то чѣмъ объяснить поразительное наружное сходство двухъ братьевъ и полный антагонизмъ между ихъ внутреннимъ содержаніемъ. Или сходство ребенка физическое съ отцомъ, а нравственное съ матерью, при чемъ оба родителя ничего не имѣютъ общаго по своему существу?

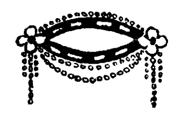
Отвѣтъ. Въ предыдущемъ отвѣтѣ С. В. можетъ найти разъясненіе и вопроса о наружномъ сходствѣ внутренно различныхъ братьевъ между собой. Физическая форма дается человѣку его родителями, и въ этой формѣ нерѣдко отражаются наружныя свойства предковъ болѣе, чѣмъ отца съ матерью, если внѣшній типъ послѣднихъ почему-либо уклонился отъ родового типа. Внѣшнее сходство братьевъ не сопровождается внутреннимъ сходствомъ потому, что самыя различныя души могутъ быть связаны кармически весьма тѣсно между собой и въ одномъ изъ своихъ воплощеній составить одну семью. Большее внутреннее сходство ребенка съ однимъ изъ родителей указываетъ на большее духовное сродство между нимъ и этимъ родителемъ.

Вопр. К. Въ вашемъ журналѣ говорится, что все „чудесное", всякое владѣніе оккультными силами природы и человѣка есть результатъ глубоко душевныхъ переживаній и духовнаго развитія... Но какъ объяснить тогда знакомство съ тайнами природы и человѣка такихъ людей, которые на святость не претендуютъ... такихъ какъ Аполлоній Тіанскій, Нострадамусъ, Каліостро, Сведенборгъ, Месмеръ и др.

Отвѣтъ. „Владѣніе оккультными силами природы и человѣка" не есть результатъ святости, а результатъ раскрытія тѣхъ органовъ или проводниковъ, посредствомъ которыхъ человѣкъ всту-

паетъ въ сношеніе съ высшими мірами, недоступными для нашихъ физическихъ органовъ чувствъ. Органы эти имѣются у всѣхъ людей въ зачаткѣ и со временемъ они раскроются у всего человѣчества путемъ естественной эволюціи. Исключительныя личности съ сильно развитой волей и рѣзко проявленнымъ интересомъ къ вѣчному и потустороннѐму находили всегда Учителей, которые развивали у своихъ учениковъ скрытыя психическія силы посредствомъ извѣстныхъ имъ методовъ. Методы эти такъ же вѣрны и научны, какъ методы профессоровъ въ наукахъ и въ искусствахъ, такъ какъ они основаны на знаніи *всей* духовной природы человѣка. Такое раскрытіе психическихъ силъ человѣка происходило во всѣхъ оккультныхъ школахъ. Но самый методъ раскрытія силъ шелъ по двумъ противопожнымъ направленіямъ: въ школахъ бѣлой магіи онъ шелъ въ направленіи полнаго отреченія отъ эгоизма, соединенія съ Богомъ и міромъ, развитія смиренія и служенія, и результатомъ такого метода являлась праведность, святость, и вмѣстѣ— обладаніе духовными силами ясновидѣнья, дара пророчества и т. д. Въ школахъ черной магіи развитіе психическихъ силъ шло въ противоположномъ направленіи: оно достигалось расширеніемъ и укрѣпленіемъ эгоизма, обособленностью отъ Бога и человѣчества, развитіемъ гордости и властолюбія, стремленьемъ подчинить силы видимаго и невидимаго міра *себѣ*, своимъ личнымъ интересамъ. Результатомъ такого развитія является черный магъ, обладающій большими психическими силами, но силы эти далѣе астральнаго міра подняться не въ состояніи, потому что въ высшихъ духовныхъ мірахъ всякое разъединеніе кончается, тамъ царствуетъ единство и гармонія.

Что касается приведенныхъ въ вопросѣ историческихъ личностей, то несомнѣнно, что всѣмъ имъ въ большей или меньшей степени удалось развить психическія силы, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть отнесенъ къ числу черныхъ маговъ, и всѣ они еще ожидаютъ своихъ истинныхъ біографовъ. Относительно Аполлонія Тіанскаго есть прекрасное изслѣдованіе англійскаго ученаго Джоржа Мида, переведенное на французскій языкъ.

Евангеліе отъ Іоанна.

Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагаетъ жизнь свою за овецъ.

(Отъ Іоанна, X, 11).

Любящій душу свою погубитъ ее, а ненавидящій душу свою въ мірѣ семъ сохранитъ ее въ жизнь вѣчную.

Кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдуетъ; и гдѣ Я, тамъ и слуга Мой будетъ. И кто Мнѣ служитъ, того почтитъ Отецъ Мой.

(Отъ Іоанна, XII, 25 26).

Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга.

По тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою.

(Отъ Іоанна, XIII, 34—35).

Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ; не такъ, какъ міръ даетъ, Я даю вамъ. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается.

(Отъ Іоанна, XIV, 27).

Я есмь Лоза, а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода; ибо безъ Меня не можетъ сдѣлать ничего.

(Отъ Іоанна, XV, 5).

Какъ возлюбилъ Меня Отецъ, и Я возлюбилъ васъ; пребудьте въ Любви моей.

Если заповѣди Мои соблюдете, пребудете въ любви Моей, какъ и Я соблюлъ заповѣди Отца Моего, и пребываю въ Его любви.

Сіе сказалъ Я вамъ, да радость Моя въ васъ пребудетъ, и радость ваша будетъ совершенна. Сіе есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ.

Нѣтъ бопьше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ.

Вы друзья Мои, если исполните то, что Я заповѣдую вамъ.

Я уже не называю васъ рабами, ибо рабъ не знаетъ, что дѣлаетъ господинъ его; но Я назвалъ васъ друзьями, потому что сказалъ вамъ все, что слышалъ отъ Отца Моего.

Не вы Меня избрали, а Я васъ избралъ и поставилъ васъ, чтобы вы шли и приносили плодъ, и чтобы плодъ вашъ пребывалъ, дабы, чего ни попросите отъ Отца во имя Мое, Онъ далъ вамъ.

Сіе заповѣдую вамъ, да любите другъ друга.

(Отъ Іоанна, XV, 9—14).

Если міръ васъ ненавидитъ, знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ.

Если бы вы были отъ міра, то міръ бы любилъ свое; а какъ вы не отъ міра, но Я избралъ васъ отъ міра, потому ненавидитъ васъ міръ.

(Отъ Іоанна, XV, 18—19).

Когда же пріидетъ Утѣшитель, Котораго Я пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, Который отъ Отца исходитъ, Онъ будетъ свидѣтельствовать о Мнѣ;

А также и вы будете свидѣтельствовать, потому что вы сначала со Мною.

(Отъ Іоанна, XV, 26—27).

Еще многое имѣю сказать вамъ; но вы теперь не можете вмѣстить.

(Отъ Іоанна, XVI, 12).

Женщина, когда рождаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человѣкъ въ міръ.

Такъ и вы теперь имѣете печаль; но Я увижу васъ опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отниметъ у васъ.

(Отъ Іоанна, XVI, 21—22).

Да будетъ все едино: какъ Ты, Отче во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино,—да увѣруетъ міръ, что Ты послалъ Меня.

(Отъ Іоанна, XVII, 21).

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**